

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Армавирский государственный педагогический университет»
Социально-психологический факультет
Кафедра социальной, специальной педагогики и психологии**

В.И. СПИРИНА, М.Л. СПИРИНА

ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Учебно-методическое пособие

Армавир 2019

УДК 364
ББК 65.272
С 72

Спирина В.И., Спирина М.Л. История социальной работы: учебно-методическое пособие // Научный ред. д.п.н., проф. Спирина В.И.; отв. ред. к.п.н., доц. Спирина М.Л. – Армавир, 2019 - 173 с.

ISBN 978-5-6043472-0-1

В учебно-методическом пособии рассматривается процесс исторического развития социальной помощи нуждающимся, начиная с доклассового периода до появления феномена социальной работы на рубеже XIX-XX вв. Изложены основные тенденции развития социальной поддержки, существовавшие у различных народов мира в разные исторические периоды, описаны философские предпосылки, которые обусловили различные практические подходы к проблемам помощи нуждающихся. Приведены примеры отношения различных социумов к явлению бедности и нищенства, охарактеризованы меры по борьбе с ними.

Учебно-методическое пособие предназначено студентам, магистрантам, аспирантам высших учебных заведений, а также всем, интересующимся историей социальной работы.

Печатается в авторской редакции

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	4
Глава 1. Становление теории и практики социальной работы.....	6
Тема 1. Теоретико-методологические основы изучения истории социальной работы.....	6
Тема 2. Социальная поддержка в доклассовом обществе.....	15
Тема 3. Формы и методы социальной поддержки нуждающихся в государствах Древнего Востока.....	24
Тема 4. Теория и практика социальной поддержки в античных государствах.....	32
Тема 5. Христианское милосердие.....	40
Тема 6. Развитие системы социальной поддержки нуждающихся в Средневековой Европе, Византии и Древней Руси.....	47
Тема 7. Католическая и протестантская концепции благотворительности.....	57
Тема 8. Философы Просвещения о целях и задачах социальной помощи.....	73
Тема 9. Система социальной поддержки в ведущих странах Западной Европы на рубеже XVIII - XIX вв.....	79
Тема 10. Развитие социальной помощи в Европе в первой половине XIX в.	89
Тема 11. Организация социальной помощи в странах Европы во второй половине XIX- начале XX вв.....	96
Тема 12. Западные концепции социальной работы в XX в.	104
Глава 2. История становления социальной работы в России.....	113
Тема 13. Особенности развития социальной помощи в России XVIII-первой половины XIX вв.....	113
Тема 14. Теория и практика социальной помощи в России во второй половине XIX - начале XX вв.....	121
Тема 15. Особенности изучения истории социальной работы в отдельных российских Регионах.....	130
Тема 16. Традиционные формы общественной поддержки и общественного воспитания в Кубанском регионе.....	139
Тема 17. Социальное воспитание как форма профилактической социальной работы на Кубани в конце XIX-начале XX вв.....	154
Заключение.....	166
Литература.....	168

Введение

С начала 90-х гг. XX столетия в России резко увеличилось число лиц, нуждающихся в самых различных видах поддержки со стороны государства и общества, поскольку самостоятельно свои жизненные проблем решать они не могли. Помимо одиноких стариков, инвалидов, детей - сирот сюда прибавились мигранты, безработные, беспризорные, пострадавшие от межэтнических столкновений и т.д. Резко увеличилось число наркозависимых.

В подобной ситуации Российская Федерация еще не имела собственного опыта социальной работы, а богатый дореволюционный опыт подобной деятельности к этому времени не был изучен. По этой причине первые исследователи теории и практики социальной работы обратились к зарубежному опыту. Весьма характерным для первой половины 90-х гг. оказались высказывания: "... мы, находясь на Востоке, ищем истину на Западе ... Зарубежные коллеги предоставляют нам методики и техники подготовки специалистов, помогают разобраться со многими социальными болезнями ..." [1, С.4].

Во второй половине 90-х гг. положение дел несколько изменилось. В стране стали выходить книги по истории социальной работы в России и ее отдельных регионах (И.Н. Андреева, Л.В. Бадя, В.Н.Егошина, А.С. Сорвина, М.В. Фирсов, Е.И. Холосто-ва и др.). Все это позволило в подготовке первых социальных работников применять не только западные парадигмы социальной работы, но и оценивать возможности применения элементов отечественного исторического опыта поддержки нуждающихся с учетом ментальности и традиций отдельных регионов.

Постепенно интерес к западным формам социальной работы снижается, особенно если они входили в противоречие с российской реальностью. В качестве примера приводим высказывание исследователя И.А. Зимней, которая отмечает, что «социальная работа отражает в своем содержании специфику не только той страны, в которой она реализуется, но и особенности ее развития» [2, С.10].

Изучение опыта (как позитивного, так и негативного) помощи нуждающимся у народов разных цивилизаций позволяет не только проследить пути развития некоторых видов социальной поддержки, но и оценить возможность использования отдельные из них (после соответствующей адаптации) в профессиональной деятельности социальных работников.

В предлагаемой работе изложены основные тенденции развития социальной поддержки, существовавшие у различных народов мира в разные исторические периоды, описаны философские предпосылки, которые обусловили различные практические подходы к проблемам помощи нуждающимся, реальные результаты их применения. Приведены

примеры из литературных произведений отношения различных социумов к самому явлению бедности и нищенства, охарактеризованы меры по борьбе с ними.

Глава 1. Становление теории и практики социальной работы

Тема 1. Теоретико-методологические основы изучения истории социальной работы

План

1. Основные понятия: «социальная работа», «педагогика социальной работы», «социальный работник», «социальный педагог».
2. Методология социальной работы. Основные методологические подходы и их характеристика

О важности знания и правильного восприятия основных понятий какой-либо науки один современный исследователь писал следующим образом: “По точному выражению Витгенштейна (австрийский философ первой половины XX в.), “Границы моего языка - это границы моего мира”. Человек не видит того, обозначения чего нет в его лексиконе. ... То, для чего в моем языке нет слов, для меня не существует. Я не вижу того, чего не могу поименовать» [3, С.349].

Поэтому без осознания важнейших понятий науки для человека эта наука будет сильно искажена или не будет существовать вовсе.

Однако имеется и иная крайность, когда в науку вводят слишком много частных понятий, создают (по образцу т.н. классической схоластики Фомы Аквинского) особые понятийные пространства в которых пытаются разместить как можно больше элементарных понятий. Так для отечественной теории социальной работы это, например, “сексизм” как фактор дискриминации, (т.е. дискриминация по половой принадлежности) или “социальная парадигма” (идеализированное общество, в котором отношения между людьми, в том числе объектами и субъектами социальной поддержки строятся исключительно на высоконравственных началах.)

Поэтому будем придерживаться известного тезиса (“бритву”) У.Оккама, францисканского монаха XIV столетия, который призывал “не умножать сущности без необходимости”. В упрощенном понимании это означает, что в конкретную науку не стоит вводить много новых понятий, если в этом нет насущной необходимости. Исходя из такого принципа, остановимся только на важнейших понятиях, связанных с феноменом социальной работы: социальная работа и педагогика социальной работы.

Начнем с того, что до сих пор в нашей стране, равно как и за рубежом, нет единого толкования понятия “социальная работа”. Связано это, прежде всего, с различным пониманием ее функций и мировоззрением авторов этих толкований. Приведем несколько примеров. Социальная работа - это:

- “специфический вид профессиональной деятельности, оказание государственного или негосударственного содействия человеку с целью обеспечения культурного, социального и материального уровня его жизни, предоставление индивидуальной помощи человеку, семье или группе лиц” (4,324);

- “специфическая профессиональная деятельность, осуществляемая специалистом с высшим образованием, задачей которой является развитие и организация решения социальных проблем” [5, С.232].

- “профессиональная деятельность в обществе, направленная на оказание помощи различным группам населения” (6,63);

- “профессиональная деятельность, направленная на помощь людям в преодолении серьезных жизненных проблем, в которой используется широкий спектр специализированных приемов и методов” [7, С.45].

Существует и много иных определений понятия “социальная работа,” в большинстве из них подчеркивается, что социальная работа - это “вид деятельности”, а не что-либо иное. Впрочем, некоторые авторы предлагают рассматривать в качестве самостоятельного определения и иную “ипостась” социальной работы - ее теоретическое изучение.

Под социальной работой будет пониматься введенное отечественным ученым В.А. Мудриком определение: Социальная работа - это профессиональная деятельность по оказанию помощи индивидам, группам, общинам в целях улучшения или восстановления их способности к социальному функционированию [8, С.10].

Оно отвечает сразу нескольким важным требованиям:

- во-первых, оно достаточно кратко и вместе с тем емко. Здесь снимается противоречие между социальной работой как деятельностью и как теорией. Если деятельность “профессиональна”, то она подразумевает определенную профессиональную подготовку (обучение) социальных работников, обладание ими некоторыми навыками и умениями, основанными на определенных теоретических концепциях.

Во-вторых, в указанном определении подробно перечисляются возможные объекты социальной поддержки: индивиды, социальные группы и общины, что также предполагает наличие различных форм и методов социальной помощи.

В-третьих, об этом же говорит и упоминание о различии в восстановлении социального функционирования или его некотором улучшении, что подразумевает индивидов с различной степенью потери способности такого функционирования. Таким образом, контингент объектов социальной поддержки в этом случае весьма широк и, в то же время, он не включает в себя лиц, чьи социальные проблемы могут быть решены без вмешательства социальных служб, например, больных, самих получающих медицинскую помощь;

выздоровливающих и самостоятельно восстанавливающих свои социальные функции; лиц, потерявших работу и самостоятельно снова нашедших ее и т.п.

Следует отметить и еще одно достоинство этого определения, на этот раз в аспекте историческом. Многие западные, а вслед за ними и отечественные авторы утверждают, что использование понятия “социальная работа” применимо только с конца XIX - начала XX вв., когда поддержкой нуждающихся стали заниматься специально подготовленные профессионалы. “Возникновение социальной работы как профессиональной деятельности непосредственно связано с воплощением идей Джейн Адамс (1860 - 1935) и Мэри Элен Ричмонд (1861-1928)” утверждается в совместном советско-британском учебно-методическом пособии (9,5). Однако с известной долей уверенности можно утверждать, что гораздо раньше сотрудники благотворительного Гамбургского патриотического общества были такими же профессионалами, как и американские благотворительницы.

Отсюда следует вывод, что использование понятия “Социальная работа” в ряде случаев и задолго до рубежа XIX - XX вв. представляется вполне правомерным. Впрочем, в отечественной науке уже сложилась традиция социальную работу, проводившуюся до XX в. именовать “социальная помощь”.

Обратимся к понятию “педагогика социальной работы”. Под педагогикой социальной работы будет пониматься следующее определение: Педагогика социальной работы - это отрасль педагогики, изучающая социальное воспитание индивидов и групп, нуждающихся в поддержке со стороны общества [10, С.25].

Не вызывает сомнения, что подобное социальное (т.е. проводящееся обществом) воспитание имеет одной из своих главнейших задач социальную реабилитацию и возвращение человека к нормальной социальной жизни. Вместе с тем, эта задача не единственная, поскольку помимо нее у человека могут вырабатываться различные позитивные личностные качества, которые могут и отсутствовать у других “обычных” граждан, например, любовь к природе, религиозные чувства и т.п.

В последнее время многими отечественными и западными авторами отмечается тенденция к постепенному слиянию понятий “социальный работник” и “социальный педагог”, поскольку постепенно сближаются их функции. Если социальным работником можно однозначно назвать специалиста, занимающегося социальной работой на профессиональном уровне, то с социальным педагогом дело обстоит несколько сложнее. Здесь нет единства определений этого понятия, равно как и базового понятия “социальная педагогика”. Не вдаваясь в особенности дискуссии о функциях социальной педагогики, отметим только, социальная педагогика понимается как отрасль педагогической науки о воспитании всех возрастных групп, как в специальных организациях, так и в организациях, для которых воспитание не является основной функцией (армия, трудовой коллектив, дом

престарелых и т.п.). Существующая практика доказывает, что место социального педагога в нашей стране видят обычно в организациях дополнительного образования детей и подростков, в работе с подростками из неблагополучных семей и т.п.

Обратимся к терминам в этой области, которые применялись в дореволюционной России. В этот период социальная работа именовалась обычно “помощью”, причем виды такой помощи различались. “Детская помощь” означала, например, поддержку детей из неимущих семей и детей-беспризорников; “трудовая помощь” - деятельность по трудоустройству безработных или организации временных общественных работ. На рубеже XIX - XX вв. выходили специальные ежемесячные журналы “Детская помощь” и “Трудовая помощь”, где обсуждались злободневные вопросы. Популярным был и термин “нравственная помощь”, которая зачастую считалась важнее материальной поддержки. Она включала в себя и религиозное утешение, и совместное обсуждение путей выхода из сложившегося неблагоприятного положения, и многое другое. Конечной целью нравственной помощи являлось изгнание духа уныния и неверия в свои силы и возрождение человека к новой, нормальной духовной и социальной жизни.

Проблеме методологии изучения истории социальной работы, особенно, в 90-е гг., XX в. в нашей стране было посвящено немногим меньше исследований, чем истории поддержки нуждающихся. Возможно, отчасти и прав был Н.Бердяев, писавший, что люди разучились воспринимать бытие и с горя начали изучать самопознание [11, С.54].

Как известно, методология играет важную роль в процессе изучения различных явлений, поскольку задает саму структуру этого изучения и его способы. Понятие «Методология» происходит от трех греческих корней мета-, одос- и логос, которые соответственно означают: “верный, направленный”, “путь” и “учение, знание”. Таким образом, сам термин можно перевести как учение о правильном пути или, в нашем контексте, как науку о путях исследования. По определению Энциклопедического словаря методология науки - это “учение о принципах построения, формах и способах научного познания” (12,806). [12, С.806].

В отечественной исторической науке известны традиционные методологические подходы, к важнейшим из которых относятся следующие:

- принцип историзма;
- принцип объективности;
- закон отрицания отрицания

Под принципом историзма понимается исследование исторических явлений в их зарождении и развитии, связанных с внешними условиями. Этот подход предполагает не простое описание развития исторического феномена, но и объяснение его особенностей развития. В отношении истории социальной работы принцип историзма предусматривает

изучение предмета с учетом тех социально-экономических, социально-политических и социокультурных факторов, которые влияли на формы и методы оказания поддержки нуждающимся в разные времена и у разных народов.

Принцип объективности исторического исследования заключается в том, что явление рассматривается вне зависимости от мировоззрения и пристрастий автора. Он был впервые сформулирован древнеримским историком Тацитом, обещавшим писать свои работы “без гнева и пристрастия

”. В русской культуре был воплощен А.С.Пушкиным в “Борисе Годунове”, когда, по мнению Григория Отрепьева, старый монах создавал летопись, “добру и злу внимая равнодушно, не ведая ни гнева, ни печали”. Впрочем, на практике этот принцип соблюдался крайне редко тем же Тацитом, ориентировавшимся на мнения императора, и русскими летописцами (Нестором), неоднократно переделывавшими труды предшественников в угоду «сиюминутному» князю. Таким образом, соблюдение принципа объективности на практике было весьма сложным.

Применение гегелевского диалектического закона отрицания отрицаний в исторических исследованиях связано, в первую очередь, с рассмотрением не прямолинейного развития того или иного исторического феномена, а его движения вверх по спирали, когда некоторые формы возникают уже на новом этапе, отрицая прежние и повторяя старые, но уже с новым содержанием. В отношении истории социальной работы в России, например, доброе религиозное отношение к нищим в конце XVII в., жестокое преследование их в первой половине XVIII в. и вновь возникшее, но уже светское “нищелюбие” в начале XIX в.

В последние десятилетия XX в. в России в связи с отказом от тотального использования марксистского подхода к исторической науке, возникли (позаимствованы на Западе и доработаны) новые методологические подходы. Следует отметить, что ни один из них не является универсальным, а позволяет наиболее ярко выявить лишь отдельные грани исторического явления, оставляя в тени другие. Наиболее эффективным представляется комплексное их использование. Набор и количество методологических подходов напрямую зависит от задач исторического исследования.

К этим методологическим подходам можно отнести следующие:

- формационный;
- цивилизационный;
- аксиологический;
- парадигмальный;
- герменевтический;
- синергетический;

Эти подходы нами еще будут рассмотрены с позиций их пригодности к исследованию различных аспектов истории социальной работы.

Формационный подход основывается на теории К.Маркса об истории как борьбе классов и существовании нескольких сменявших друг друга общественно-экономических формаций: общинно-родовой, рабовладельческой, феодальной, капиталистической и гипотетически коммунистической, первой стадией которой является социалистическая. Согласно теории К. Маркса, все исторические явления, в том числе в области идеологии, обусловлены экономическими отношениями между людьми и правами на средства производства. Формационный методологический подход применительно к истории социальной работы способен объяснить в некоторых случаях явления массового обнищания значительных социальных групп населения. Отметим, что он не учитывает многие религиозные и идеологические факторы, повлиявшие на организацию социальной помощи как в масштабах целых государств и обществ, так и отдельных благотворительных учреждений, конкретных лиц.

Цивилизационный подход в упрощенной форме можно представить, как объяснение особенностей какого-либо исторического процесса в крупном регионе стереотипными традициями, сложившимися в условиях большой цивилизации. Согласно теории цивилизаций, все они делятся на великие (европейская, христианская, исламская, китайская и др.) и локальные (древнеегипетская, ацтекская в Центральной Америке и др.). Локальные цивилизации могут входить в состав великих или только испытывать их влияние. В отечественной исторической литературе вопрос о характере российской цивилизации является открытым.

В отношении истории социальной работы цивилизационный методологический подход позволяет проанализировать влияние различных духовных традиций и политических конструкций на отношение общества к нуждающимся и организацию помощи им. Нельзя не отметить некоторую статичность цивилизационного подхода, поскольку в условиях одной цивилизации имело место достаточно быстрая смена отношения к нуждающимся (как в Европе, так и в России). Применительно к некоторым революционным периодам, когда смена представлений у некоторых слоев общества бывала достаточно быстрой, а основная масса населения продолжала жить старыми представлениями, цивилизационный подход дает весьма условную и смазанную картину отношений общества и нуждающихся.

Аксиологический методологический подход основывается на ценностных представлениях (от греч. аксио - ценность), которые доминировали на определенных исторических этапах у всего общества и отдельных социальных групп. Особо плодотворным представляется использование аксиологического подхода при рассмотрении процесса развития теоретических основ социальной работы и педагогики социальной работы. Задачи

определенного воспитания и перевоспитания нуждающихся неоднократно декларировались в документах, в том числе и официальных. А в основе этого воспитания лежал некий идеал, менявшийся в различные исторические периоды.

Следует отметить, что аксиологический подход имеет свои недостатки при анализе реального оказания помощи в каком-либо социуме. Это связано с тем, что у различных социальных групп, в том числе и у самих нуждающихся, были собственные ценностные представления. Так, например, в России XIX в. образованное общество резко осуждало подачу безразборчивой милостыни, сами же нуждающиеся хотели ее получать, а малообразованные, но богатые купцы охотно подавали. В результате многие мероприятия по борьбе с нищенством оказывались малоэффективными, а вся концепция перевоспитания не срабатывала.

Парадигмальный подход в 90-е гг. XX в. в нашей стране в области изучения истории социальной работы получил широкое распространение (от греч. парадигма - образец). По своей сути парадигмальный подход близок как к цивилизационному, так и к аксиологическому. Согласно ему, на каждом сравнительно небольшом историческом отрезке у конкретного общества существует особая “парадигма” социальной помощи, которая затем в связи с изменением внешних условий сменяется на новую. Под парадигмой понимается некоторая идеализированная модель, на основе которой можно анализировать конкретные проявления в сфере поддержки нуждающихся.

С помощью парадигмального подхода, как правило, удается объяснить большинство явлений в сфере социальной работы в конкретный исторический период для конкретного общества. Но, как и всякий “образец”, парадигма обладает определенной статичностью. Парадигмальный методологический подход перестает работать, когда в толще одной устоявшейся эпохи появляются ростки нового и подходы к помощи нуждающимся уже не вписываются в старую парадигму, а порой прямо противоречат ей.

Герменевтический подход, равно как и следующий из рассматриваемых, синергетический методологический подход, представляется самым сложным, но и самым перспективным. В упрощенном варианте, применительно к рассматриваемой нами тематике, под герменевтическим подходом можно понимать попытки реконструкции (на основании сохранившихся письменных источников: писем, дневников, официальных документов и т.п.) мировосприятия и образа мышления людей, живших в прошлом и принадлежавших к разным социальным группам. Преимущество герменевтического методологического подхода над аксиологическим состоит в том, что он позволяет понять через мировосприятие отдельного человека или какой-либо социальной группы дополнительное действие реальных социально-экономических и социально-политических условий, которые существовали в то время и оказывали воздействие на историческое явление. Применение герменевтического

методологического подхода к изучению истории социальной работы позволяет, по нашему мнению, достаточно эффективно рассматривать причины успешного и отрицательного опыта тех или иных мероприятий социальной помощи, проводившихся в различные времена. Так, воспоминания конкретного социального работника или бродяги дают больше информации историку, чем чтение тяжеловесных официальных документов и отчетов, зачастую тенденциозно фальсифицированных.

Кроме того, герменевтический методологический подход позволяет представить историю социальной работы не просто как смену застывших парадигм, а как живой динамичный процесс. Мировоззренческие убеждения отдельных людей менялись далеко не скачкообразно: часто это был длительный и постепенный процесс. Элементы нового мышления возникали еще в недрах господства прежних представлений, а некоторые старые традиции получали новое теоретическое обоснование и продолжали существовать и после коренных изменений в общественном сознании. Все это, несомненно, влияло на теорию и на практику социальной поддержки. Именно герменевтический подход позволяет, в частности, объяснить параллельное существование средневековой безразборчивой милостыни (ее зачастую платили не только малообразованные купцы и мещане, но и представители интеллигенции) и деятельности благотворительных организаций, пытавшихся основывать свою работу на новейших достижениях социологии и психологии.

Необходимо заметить, что одним из самых слабых мест герменевтического методологического подхода является его достоверность. Она подтверждается лишь разного рода письменными источниками, многие из которых имели весьма субъективный характер. Кроме того, герменевтический подход не дает возможности для целостного рассмотрения исследуемого процесса, требующего анализа огромного количества документов, не всегда сохранившихся.

Синергетический методологический подход является весьма перспективным и в то же время спорным. Часть исследователей называют его малоэффективным, а многие трактуют саму его сущность по-разному. В настоящей работе мы изложим собственное видение синергетического методологического подхода по отношению к историческим исследованиям в области социальной работы.

Само слово “синергетика” греческого происхождения и первоначально имело богословское значение: совместное действие человека и Бога. Однако впоследствии оно в разных смыслах вошло в различные светские, в том числе и в гуманитарные науки. Мы рассматриваем его в узком, прикладном значении как утверждение о том, что возникновение новых направлений в развитии форм и методов социальной работы обусловлено многочисленными нелинейными связями между различными факторами, влияющими на этот процесс, в котором допускается вариантность и альтернативность [13, С.88].

Попробуем пояснить это сложное рассуждение на конкретном примере из истории отечественной благотворительности. В первые годы XIX в. молодой Александр I, находясь под влиянием западного “передового” опыта, решил уничтожить нищенство в Петербурге путем создания негосударственного Филантропического (впоследствии Человеколюбивого общества), причем в качестве примера император вступил в него первым. Предполагалось, что (как в Гамбурге) просвещенные дворяне и купцы понесут туда деньги, меньшая часть которых будет раздаваться в виде пенсий неимущим неработоспособным, а на большую часть станут создаваться “новые рабочие места” для тех же неимущих. Однако, кроме небольшого числа идеалистов и подхалимствующих придворных, а также желавших доказать свою лояльность императору иностранных купцов, денег никто не дал, и работа этой “негосударственной” организации была приостановлена, а число нищих не уменьшалось. Таким образом, произошло то, что и должно было по всем “парадигмам” произойти в абсолютистской, сверхбюрократической Империи с общественной благотворительностью. Но вмешался новый мощнейший фактор - война 1812 г., разорившая многих людей. Деньги потекли в Общество рекой и стали по большей части справедливо распределяться среди нуждавшихся. Общество резко повысило свой авторитет и стало в действительности крупнейшей и достаточно эффективно работавшей благотворительной организацией России. Таким образом, вмешательство неожиданного внешнего фактора коренным образом повлияло на развитие негосударственной благотворительности в России, которая в этом отношении опередила многие страны Европы. Отметим, что и синергетический методологический подход нельзя признать универсальным. Во-первых, невозможно учесть всех факторов, которые иногда действовали скрыто и косвенно, но тесно взаимодействовали между собой. Во-вторых, синергетический подход, как наиболее общий, заведомо предполагает рассмотрение процесса в целом, что может привести к утрате некоторых весьма существенных частных.

Таким образом, можно утверждать, что ни один из рассмотренных методологических подходов, используемых при изучении истории социальной работы, не является универсальным. Вместе с тем не стоит использовать все эти подходы одновременно: в зависимости от тематики, задач и степени сложности исследования рекомендуется выбрать некоторые из них, наиболее адекватные изучаемой социальной проблеме.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Что общего и что различно в толковании базовых понятий курса «История социальной работы»?
2. Дайте характеристику основным методологическим подходам к изучению истории социальной работы.

Литература

1. История социальной работы: учебник /под ред. В.И. Жукова. – М.: Изд-во РГСУ, 2011.
2. Фирсов М.В. История социальной работы в России: Учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999.
3. Мельников В.П., Холостова Е.И. История социальной работы в России: Учебное пособие. – М.: Издательско-книготорговый центр «Маркетинг», 2001.
4. Басов Н.Ф. История социальной работы: практикум. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2008.

Тема 2. Социальная поддержка в доклассовом обществе

План

1. Источники милосердия и гуманного отношения к нуждающимся в помощи и поддержке.
2. Культовые, общественно-родовые и хозяйственные формы социальной помощи в древнейших славянских общинах.
3. Забота о стариках и детях.

Проблема социальной поддержки в доклассовом обществе, на первый взгляд, не представляется весьма актуальной для наших дней. Ведь людей, живущих подобным образом, осталось очень мало - небольшие племена, затерянные в джунглях Амазонки и в горах Новой Гвинеи. Вместе с тем вопрос о происхождении социальной помощи в древнейшие времена имеет не столько социально-педагогический, сколько философско-антропологический смысл: было ли людям изначально присуще свойство помощи слабейшим или попавшим в сложную ситуацию другим людям, или же это качество было выработано в процессе развития человечества? Иначе говоря, существует ли категорический

императив (установка, врожденная идея делать добро) Канта, или это лишь умозрительное построение германского мыслителя?

К сожалению, фактического материала о жизни большинства людей в доклассовую эпоху имеется крайне недостаточно, и составить представления об образе их жизни, в том числе и помощи другим людям, возможно только гипотетически. К чести человечества большинство религий и философов признавали, что чувство добра и милосердия присуще человеку изначально и, таким образом, поддержка одних людей другими является врожденным человеческим качеством. В XVII – XVIII вв. была предложена теория (ее, в частности, придерживался Ж.Ж.Руссо), согласно которой именно цивилизация испортила изначально чистого помыслами и добросердечного “дикаря”. Это убеждение не смогли исправить даже сведения мореплавателей, сталкивавшихся с самыми разнообразными проявлениями как доброты, так и жестокости диких племен в Америке, Австралии и на островах Океании.

В XIX столетии изучение жизни еще сохранившихся первобытных народностей, находящихся на разных ступенях развития, было поставлено на научную основу. Подобные исследования продолжались и в XX столетии. Однако нередкими были случаи, когда этнографы видели именно то, что они хотели увидеть, явно идеализируя объекты своего изучения. Особенно ярко это проявилось в последние десятилетия, когда отмечать какие-либо варварские черты в жизни малых и отсталых народностей стало просто “некорректным”.

Что же касается источников подобного милосердия, появившегося у человека в незапамятные времена, то мыслители прошлого предлагали два вида ответов:

1. Это дар богов при создании человека или получении им души. Иногда добрыми оказывалась только часть созданных людей, а другим это качество не давалось.

2. Это наследие тех животных, от которых произошли люди. Здесь также имело место несколько точек зрения. Так, например, известный князь-анархист Петр Кропоткин, соглашаясь с Дарвиным в том, что человек произошел от обезьяны, совершенно не принимал теорию естественного отбора. Напротив, Кропоткин (как и ряд других ученых) считал, что выживанию вида у животных способствует не “борьба за существование”, а “взаимная помощь”. Свои мысли Кропоткин изложил в сборнике статей “Взаимная помощь как фактор эволюции”, где последовательно рассматривал “взаимную помощь у животных”, затем “у дикарей, у варваров, в средневековом городе и в современном обществе”. Некоторые зоологи и зоопсихологи, наблюдая в природе взаимопомощь в стаях и группах обезьян, в том числе и у приматов, также делали отсюда вывод о том, что это качество было унаследовано первыми людьми у животных предков.

Помимо сравнительной антропологии и этносоциологии имеются и иные источники информации о жизни людей в доклассовом обществе:

- свидетельства древних авторов о жизни варварских племен;
- археологические данные;
- древнейшие народные сказания, в которых можно проследить их прасовую, созданную в незапамятные времена, и которые несут достаточно много информации о жизни в условиях общинно-родового строя (карельская “Калевала”, северокавказские “Нарты” и др.).

О чем же свидетельствуют эти источники?

Как ни странно, они не дают однозначного ответа на вопрос о стойком существовании традиций общественной поддержки в древнейшем человеческом сообществе: имеются свидетельства, вполне достоверные, о параллельном существовании двух явлений:

- всяческой поддержке раненых, инвалидов и престарелых, которые не могли самостоятельно существовать в общине;
- об оставлении этих людей без ухода и даже их убийствах.

Проанализируем оба типа подобной информации. Из результатов археологических раскопок захоронений еще палеолитического и мезолитического периодов известно, что были обнаружены останки особей с явными тяжелыми повреждениями конечностей, которые, однако, зажили, но человек уже не мог полноценно ими владеть. Таким образом не мог полноценно себя обслуживать и явно был обузой для племени. Однако антропологические данные свидетельствуют о том, что этот человек еще несколько лет жил и полноценно питался (это определялось по состоянию неправильно сросшихся костей и стертости зубов). Отсюда можно сделать только единственный вывод: такого человека кормили и поддерживали здоровые члены племени.

Имеются и другие свидетельства подобного рода. Многие современные антропологи, изучая жизнь некоторых племен, находящихся на самых ранних этапах развития (где-то между мезолитом и неолитом), наблюдали у них явную заботу о стариках, больных и вдовах, которые получали свою часть добычи, хотя их собственный вклад в хозяйственную жизнь племени был минимальным. Об этом пишет, например, германский исследователь Г. Неверман, изучавший жизнь т.н. “охотников за черепами” их Южной Америки и ряд других этнографов. Схожие сведения имеются и у ряда древних авторов. Об уважительном отношении к неработоспособным старикам свидетельствуют и ряд древнейших народных сказаний. Отсюда можно сделать важный вывод о том, что забота о нуждающихся ближних появилась еще на самой заре человечества: причем это была не только взаимопомощь, о которой писал Кропоткин, в которой он видел зародыш

коммунистического общества, но именно поддержка слабых и инвалидов, которые уже не могли принести большой реальной пользы своему племени.

Почти все исследователи единогласно сходятся в том, что подобная помощь распространялась лишь на членов своего рода или своего племени. Если работоспособного чужака еще могли иногда принять в племя, то “чужого” калеку в лучшем случае просто оставляли там, где находили.

Однако существуют и иные достоверные свидетельства. Так, в древнейших эпосах и легендах многих народов имеются сведения о том, что существовал обычай: ослабевших и потерявших работоспособность стариков, уносить в отдаленные места и оставлять там без всякой помощи. Впрочем, подобные деяния в составленных позднее сказаниях обычно порицались. Так, например, в северокавказском эпосе “Нарты” одному из древних легендарных героев ставится в особую заслугу то, что он уничтожил подобный варварский обычай в своем племени. Можно с некоторой долей вероятности предположить, что обычай оставлять слабых, проявлялся, прежде всего, у кочевых народов, когда наличие подобных людей заметно задерживало скорость перемещения остальных, у оседлых же народов он проявлялся реже.

Вместе с тем существуют и другие, уже документально подтвержденные факты, когда забота о благосостоянии всего племени приводила к жестоким убийствам самых слабых. В начале XIX в. на юге Русской Аляски индейское племя разрушило русский форт и уничтожило, или взяло в плен все его население. Ответная карательная экспедиция русских матросов и охотников осадила индейцев в их собственном укрепленном стойбище. В результате переговоров было решено, что индейское племя вернет пленных и все награбленное, а само беспрепятственно покинет эти места. Однако индейцы после всех своих злодеяний не доверяли русским и ждали мести. Они решили тайно бежать в ближайшую ночь. Чтобы бегство совершилось в полной тишине, индейцы-воины перебили всех младенцев, дряхлых стариков и старух, которые бы замедлили скорость движения племени. Об этом подробно рассказывает в своих записках очевидец - один из офицеров корабля “Нева” (из экспедиции И.Ф.Крузенштерна), который находился в это время на Аляске.

Все сказанное выше позволяет сделать вывод о том, что еще в период палеолита, на самой заре человечества, имела место не только взаимопомощь, но и бескорыстная поддержка слабых и дряхлых членов племени. Однако интересы всего племени почитались все же выше, чем интересы каждого из его членов, особенно наиболее слабых. Поэтому в ряде случаев от них могли избавляться, причем самыми варварскими методами. Подобная двойственность в отношении поддержки нуждающихся в помощи сохранялась и в дальнейшем, а ее конкретные проявления были обусловлены целым рядом факторов:

идеологией и экономикой социума, его традициями и, в конечном счете, убеждениями отдельных людей.

Что же касается изначальных причин проявления у людей милосердия и желания помочь ближнему, то ответ на этот вопрос имеет чисто мировоззренческие корни. Люди, принявшие теорию Дарвина о происхождении человека от животного мира, предпосылки этого видят в зоопсихологии. Сторонники различных религиозных убеждений, напротив, полагают, что милосердие было внушено человеку Богом. В христианской трактовке человек, созданный “по образу Божию, получил и чувство любви как важнейшее качество Бога. Однако в результате грехопадения он стал потенциально способен к злу. Поэтому помощь ближнему стала для некоторых людей не всегда приятной обязанностью, которую нередко игнорировали, а не естественным стремлением души, как это было до грехопадения.

Перейдем теперь к конкретным формам социальной поддержки в доклассовом обществе. В большинстве случаев люди жили в общинах, все члены которых были, как правило, родственниками. Общины объединялись в этнически однородные племена, а те, в некоторых случаях, в союзы племен. Вообще, грань между бесклассовым и раннеклассовым обществом крайне зыбка и неустойчива. Согласно расхожему мнению, классовое общество появляется одновременно с появлением городов, хотя и не у всех этносов: у степных кочевников, например, было по-другому. Мы обратим свое внимание на классическую сельскую общину, характерную для многих земледельческих народов. Этнографические исследования показывают, что многие элементы общинной жизни и взаимоотношения ее членов продолжали сохраняться и в классовом обществе. В России, например, активное размытие общины началось только в начале XX в. после известных реформ П.А.Столыпина, возникла она у восточных славян еще в первой половине I тысячелетия н.э. Примечательно, что многие общинные обычаи оказывались похожими и в Европе, и в Передней Азии, и в Китае, и в Африке.

Обосновывая глубинные причины возникновения взаимопомощи и поддержки нуждающихся внутри общины, известный общественный педагог и специалист по социальной работе конца XIX - начала XX вв. В.И.Герье писал: “В самой организации общины, в общинной жизни заключается могущественный принцип, который делает общину носителем общественного призрения. Общины возникли из родственных между собой групп, но сближенных и соединенных соседством и сожительством. Этот принцип соседства и сожительства является жизненным принципом общественного призрения” [15, С.81].

Какие же формы социальной поддержки существовали в общине?

Прежде всего, - развитые традиции взаимопомощи. Их существование объяснить достаточно просто: на первых порах своего существования общины просто бы не выжили без крепкой взаимной поддержки родственников и соседей друг друга. Даже в те времена,

когда земледелия еще не существовало, или оно находилось в зачаточном состоянии, общинники участвовали в коллективных мероприятиях, - главным образом, в охоте. Здесь производился своеобразный раздел добычи, связанный не только с личным успехом каждого охотника и иерархическим положением членов общины, но и с учетом интересов тех лиц, которые не могли принимать участие в охоте: вдов, инвалидов, стариков и т.п. Эти обычаи существовали у многих народов. Впрочем, нельзя не отметить, что хотя слабейшие члены общины и получали свою долю, она была заметно меньше, чем доля полноценных охотников или старейшин.

Традиции общинной помощи значительно усложнились, когда многие общины стали постепенно переходить к земледелию и скотоводству. Первоначально землю обрабатывали сообща и соответственно делили урожай. В этом случае определенную долю получали и те члены общины, которые не могли полноценно трудиться: вдовы, старики, инвалиды и др. Детей-сирот обычно принимали в свою семью ближайшие родственники. Однако впоследствии земледелие постепенно становилось индивидуальным: появилось определенное имущественное неравенство, причем причины его заключались не только в разности физических возможностей общинников, но и в их отношении к труду: одни работали лучше и больше, другие - хуже и меньше. В этом случае уровень жизни различных семей становился разным. Однако общинные традиции помощи - в разных видах у различных культур, - оставались еще очень сильными. Многие из них продолжали существовать в течение десятилетий.

Можно выделить несколько основных видов общественной поддержки, характерных для оседлых земледельческих общин:

- взаимопомощь;
- участие в общественных работах;
- поддержка слабых и неработоспособных членов общины.

Хотя у разных народов все это проявлялось по-разному, тем не менее, каждый из перечисленных видов поддержки включал в себя много общего. Дадим им характеристику. Всегда существовали какие-либо виды работ, необходимые семье, с которыми справиться было трудно. Самый характерный пример - постройка дома (рытье глубокого колодца, заготовка леса, строительство большой лодки и т.п.). И до сих пор во многих селах в этом случае на помощь семье приходят соседи, которые делали сообща такую работу в весьма сжатые сроки. Таким образом, можно говорить об определенной форме взаимопомощи. Семья могла и не относиться к категории особо нуждающихся, тем не менее, подобная помощь иногда оказывалась для нее весьма существенной и даже необходимой. Особо актуально это было для семей, где не было взрослых работоспособных мужчин.

Взаимопомощь могла выражаться и в иных формах, например, беспроцентной ссуде зерна из общественного фонда и т.п.

В любой общине существовали дела, необходимые для общества, которые можно было решить только сообща. Это могла быть постройка стен вокруг поселка (такие циклопические каменные стены известны еще с V - IV тысячелетий до нашей эры), рытье каналов, чистка прудов, строительство общественных зданий и многое другое. На работы выходило все работоспособное население общины, но пользовались результатами этого труда не только работоспособные, но все жители. Таким образом, здесь также можно говорить об элементах взаимопомощи.

Практически в каждой общине находились слабые и неработоспособные люди и целые семьи, потерявшие своих кормильцев. В зависимости от традиций того или иного этноса помощь им могла оказываться по-разному. Зачастую этим занимались ближайшие родственники. Одиноких стриков и детей-сирот они принимали в свои семьи. Однако существовали и иные формы поддержки таких людей. У некоторых общин выделялся специальный участок земли, который обрабатывали сообща, а полученный урожай делили между неимущими. Иногда одинокого старика по очереди кормила каждая семья. Использовались и иные варианты: вплоть до выделения семье, потерявшей кормильца, раба-военнопленного из чужого племени, но это случалось достаточно редко. С усилением имущественного расслоения в некоторых общинах наиболее богатые их члены устраивали специальные угощения, куда приглашали всех желающих, в том числе и бедняков.

Однако, рисуя такую картину социальной поддержки и взаимопомощи в сельской общине, мы не должны забывать несколько важных моментов. Во-первых, вся эта помощь и взаимопомощь распространялась только на членов своей общины: чужаков и пленных в многочисленных стычках обычно убивали или превращали в общинных рабов, хотя обращение с ними было достаточно мягким. Лишь в отдельных случаях такого чужака могли принять в общину путем усыновления или иного специального обряда: только тогда он считался полноправным членом общины и мог рассчитывать на помощь со стороны других. Заметим, что в этом отношении очень интересный обычай существовал у викингов. Во время своих морских грабительских походов они нередко захватывали пленников с целью продажи на невольничьих рынках. Однако если в море налетала буря, и пленникам приходилось вместе с викингами участвовать в спасении ладьи, то пленники не только получали свободу, но становились равноправными викингами и могли претендовать на часть награбленной добычи.

Во-вторых, эффективная внутриобщинная помощь у многих народов осуществлялась лишь в сравнительно спокойные и сытые времена. В случае достаточно частых неурожаев, эпидемий, набегов врагов и иных бедствий погибали в первую очередь,

как правило, именно те люди, которые служили объектами поддержки: их жизнь имела для общины наименьшую ценность, и именно их зачастую лишали любой помощи, изгоняли или просто убивали.

Формы помощи в славянских общинах складывались под влиянием языческого мифологического сознания древнейших славян, сохранения общинной системы землевладения, пережитков в семейно-бытовой сфере.

Выделяются следующие основные формы защиты поддержки в древнейших славянских обществах:

- культовые формы поддержки с различными сакральными атрибутами;
- общественно-родовые формы помощи и защиты рамках рода, семьи, населения;
- хозяйственные формы помощи и взаимопомощи. В качестве примера культовых форм поддержки при' ведем пример поклонения древних славян кругу (колесу) Он означал прежде всего оберега от злых духов, был символом определенной целостности, стабильности и основательности.

Человек как бы не ощущал себя обособленным существом, он был неким единством, заключавшим в себе космическое пространство, одновременно являясь его продолжением. В то же время он не противопоставлял себя космосу, природе, а включал себя, растворялся в них, становясь таким же целым, как и они. Эта "целостность-принадлежность" достигалась общинным существованием, обрядовой и трудовой деятельностью, которые органично вплетались в контекст природы и космоса'.

Существенной особенностью являлось и то, что древние славяне связывали помощь с различными мифами, например, с оберегами. Они наделяли сакральными свойствами различные предметы и растения (предметы костюма, домашней утвари, березу, дуб, осину). Проводили родовые обряды почитания предков, обожествляя их. По представлениям древних, человек переселялся в другой мир, оставляя за собой свои привязанности, привычки, потребности. Поэтому не случайно рядом с умершими в могилу клали необходимые предметы быта, утварь и даже животных. В честь умерших устраивались тризны, погребальные состязания, игрища, трапезы

. Считалось, что покойник невидимо присутствует и принимает участие во всеобщем действии. Особое место в сакрализации процесса помощи отводилось культу героя. Показательны в этом отношении княжеские пиры, на которые собирались дружинники. В княжеских пирах "среди медопития складывались высокие христианские добродетели: милость, нищелюбие и страннолюбие". Легенды и сказания славян о княжеских пирах свидетельствуют о том, что непременными участниками трапезы были калеки-перехожие, нищие странники, получавшие богатую милостыню. Среди общинно-родовых форм помощи и поддержки особое место отводилось круговой поруке — "верви". Вервь был не только

формой гражданского права, но и системой взаимоподдержки общинников друг друга. Тем самым уже в этот период времени закладывалась традиция заботы о слабых, менее защищенных. Так, в этнографических материалах мы находим примеры поддержки стариков. Если семья не помогала пожилому человеку, то заботу о стариках брала на себя община. Для них отводился по специальному решению общества отрезок земли, где они работали. Если же пожилые люди окончательно "впадали в дряхлость", они призревались общиной. Старика определяли на постой (питание, проживание) на несколько дней, затем он "менял" своих кормильцев. Такой вид помощи стал своеобразной общественной повинностью. Не менее интересные подходы к поддержке сложились в отношении детей-сирот. Проводилось усыновление детей внутри родовой общины, так называемое "приймачество". "Приимать" в семью сироту", как правило, могли люди позднего возраста, когда им становилось трудно справляться с хозяйством или, когда у них не было наследников. Принятый в семью должен был почитать своих новых родителей, вести хозяйство и т. д. Другой формой поддержки сироты была общинная, мирская помощь. Она по своему характеру совпадала с помощью "неможным старикам", когда ребенок переходил из дома в дом на кормление. Сироте могли назначать "общественных" родителей, которые брали их на свой прокорм. Но если сирота имел хозяйство, община противодействовала усыновлению. Такие сироты назывались "выхованцами", "годованцами. Зарождаются и формы помощи вдовам. Нуждающимся вдовам оказывали помощь продуктами, это происходило, как правило, после уборки урожая. Сельская община предоставляла им также землю, на них распространялись такие формы мирского призрения, как и на стариков. В основе хозяйственной взаимопомощи и взаимоподдержки лежала всевозможная взаимовыручка. Так называемые "помочи" оказывались людям в самых различных ситуациях: при пожаре, наводнении, других экстремальных ситуациях. Особой формой поддержки были "наряды миром", они проводились в семье, если взрослые ее члены были больны. Соседи приходили, чтобы растопить печь, накормить скот, ухаживать за детьми. Обязательными "помочи" были при постройке дома, уборке урожая. При коллективных помочах происходило разделение труда, где различные виды работ выполняли различные группы. Мужики, например, пахали, женщины боронили, старики сеяли.

Одной из активных форм помощи были толоки. Они включали в себя не только совместную обработку земли, но и различные виды перевозок: сена, урожая зерна. Своеобразной была и форма складчины. То есть несколько семей объединялись, чтобы совместно заготавливать корма для скота. Совместно использовался и рабочий скот, когда обработка земли осуществлялась наемными "волами". Таким образом, можно сделать вывод о том, что именно в доклассовую эпоху зародились основы социальной поддержки

нуждающихся, а некоторые ее формы, например, общинная взаимопомощь, в измененном виде дожили и до наших дней.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Какие существуют подходы по вопросу определения источников милосердия и гуманного отношения к нуждающимся в помощи и поддержке?

2. Охарактеризуйте основные формы взаимопомощи в древнейших славянских общинах.

3. Какие виды помощи и самопомощи оказывались пожилым людям и сиротам в общинах древних славян?

Литература

1. Антология социальной работы / сост. М.В. Фирсов. Т.3. – М., 1995.

2. Басов Н.Ф. История социальной работы: практикум. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2008.

3. История социальной работы: учебник /под ред. В.И. Жукова. – М.: Изд-во РГСУ, 2011.

Тема 3. Формы и методы социальной поддержки нуждающихся в государствах Древнего Востока.

План

1. Социальная помощь различным категориям нуждающихся на территории Древнего Востока в конце IV - начале III тысячелетия до нашей эры.

2. Кодекс законов Вавилонского царя Хаммурапи, направленный на оказание помощи населению.

3. Инновационные формы социальной поддержки нуждающихся в государствах Древнего Востока.

В конце IV-начале III тысячелетия до нашей эры на территории Древнего Востока - в междуречье Евфрата и Тигра, в Египте и некоторых других землях этого региона - появляются первые государственные образования. Сначала это были сравнительно небольшие города-государства с прилегающими округами, потом некоторые из них погибали, а другие постепенно превратились в мощные империи. Позднее подобная картина наблюдалась в Китае, Индии, Малой Азии. В этих государствах также осуществляется

определенная помощь различным категориям нуждающихся. Современные исследователи имеют возможность оценить и проанализировать ее состояние, поскольку от тех времен осталось достаточное количество письменных свидетельств, выбитых на камнях или выдавленных на глиняных табличках. Часть из них посвящена государственной или общественной поддержке неимущих, другая информация, касающаяся нравственных представлений о помощи нуждающимся, сохранилась в различных религиозных текстах той эпохи.

В большинстве отечественных и западных учебников, посвященных истории социальной работы, первым из известных документов считается кодекс царя Вавилонского Хаммурапи (ок.1750 г. до н.э.), хотя существуют и более ранние свидетельства.

Прежде чем перейти к характеристике форм и методов социальной поддержки в эту эпоху, отношения к объектам социальной поддержки, необходимо уточнить, кто в эту эпоху считался потенциально неимущим. Создание первых государств было неразрывно связано с серьезным имущественным расслоением людей и упрочением института рабства, которое могло быть двойного происхождения: рабы-военнопленные и рабы за долги. Возникновение государственного аппарата и богатого жречества сопровождалось серьезным ухудшением положения многих свободных общинников, поскольку последние потеряли значительную часть своих земель, и количество собираемого урожая заметно снизилось: их бывшая земля попала в руки знати и храмов. В этих условиях при возросшей эксплуатации со стороны государства многие свободные земледельцы и ремесленники фактически попадали в положение люмпенов и были вынуждены или продаваться в рабство, или жить случайными заработками и просить подаяния. Именно с появлением государства возникает понятие “нищий”.

Отметим, что часть населения пополнила ряды нищих не только по объективным условиям, но и из-за собственной лени. Потеряв связь с общиной и не сумев найти постоянного заработка, нищие все же пытались существовать, иногда и довольно сносно. Таким образом, наряду с истинным нищим появляется нищий - профессиональный попрошайка. Кстати, первый такой типаж подробно описан еще у Гомера в “Одиссее”. Что же касается рабов, то положение их во все времена было различным. Иногда им удавалось выкупиться на волю, иногда рабов-должников освобождали власти, однако объектами поддержки они становились достаточно редко.

Около 2400 г. до н.э. в Древнем Египте (VI династия) была создана так называемая “Книга мертвых”, повествующая о посмертной судьбе человеческой души. Эта Книга содержала клятву (гл.125), которую душа древнего египтянина должна была произнести на загробном суде богов, чтобы попасть в блаженную страну Заката, а не быть поглощенной священным крокодилом. В этой клятве есть такие слова: “Я не творил несправедливого

относительно людей, я не убивал своих ближних, я не заставлял рабов моих голодать, я не был виновником бедности нищих, ... Я давал хлеб голодному, воду - жаждущему, одеяние - нагому”. [50, С.77].

Анализ этих слов позволяет сделать вывод о состоянии помощи нуждающимся в этот период существования Древнего Египетского царства. Во-первых, здесь было довольно много нищих - лично свободных бывших общинников или ремесленников, потерявших землю и имущество из-за притеснений богатых людей, в том числе чиновников фараона (большинство богачей принадлежало к разветвленной чиновничьей или жреческой иерархии). Вместе с тем такое притеснение, хотя и осуществлялось на каждом шагу, считалось делом настолько неблагоприятным, что совершавший его рисковал спасением души. Во-вторых, слова о том, что голодного надо накормить, а жаждущего напоить, почти дословно встречаются в Библии. Следовательно, еще с середины III тысячелетия до н.э. на Древнем Востоке подавать милостыню нуждающимся считалось делом весьма богоугодным и обязательным. Вместе с тем, подобная милостыня была делом чисто добровольным, что позволяет сделать предположение об отсутствии в Египте в этот период каких-либо законодательных постановлений о централизованной поддержке неимущих или предотвращении их обнищания. С несколько иной ситуацией мы сталкиваемся почти в те же годы в Древнем Шумере - ряде городов-государств, расположенных в Междуречье.

В данном регионе государственное строительство пошло по несколько иному пути, чем в Египте. Если в первом довольно быстро возникло мощное централизованное Древнее Царство, то в Междуречье достаточно долгое время существовали самостоятельные шумерские города-государства. Судя по археологическим данным и сохранившимся надписям, жизнь простого народа была там очень трудна, а вельможи пользовались захваченным у народа богатством, вызывая всеобщее недовольство. В одном из таких городов - Лагаше - около 2370 г. до н.э. появился правитель Урукагина, который провел, говоря современным языком, “либеральные реформы”, т.е. несколько снизил угнетение простого народа со стороны государства и вельмож. В одной из сохранившихся его записей находим такие слова: “Чтобы сирота и вдова мужу, силу имеющему, не предавались - с богом Нингирсу Урукагина слово это установил” (там же, 87). По мнению современных исследователей, речь здесь могла идти как о несправедливом взимании процентов с долга, так и о прямом изъятии имущества у социально незащищенных лиц. Так или иначе, это первое известное в истории постановление, защищавшее имущественные права вдов и сирот. И хотя речь не шла о какой-либо прямой материальной поддержке, сам факт защиты имущественных прав слабой стороны свидетельствует о косвенной социальной помощи, впервые засвидетельствованной законодательным путем.

Обратимся к столь часто цитируемым законам царя Хаммурапи, который правил в Двуречье несколькими столетиями позже Урукагины. Эти законы, выбитые на прочном и хорошо сохранившемся базальтовом обелиске, дошли до нашего времени в наиболее полном виде. Издавая их, Вавилонский царь Хаммурапи преследовал главную цель - укрепление своего государства и создание достаточно большой социальной базы свободных земледельцев-налогоплательщиков и воинов, на которых он мог бы опереться при проведении внутренней и внешней завоевательной политики. Примечательно, что законы были созданы уже на втором году его прихода к власти и декларировали программу всего царствования. Призванные материально поддержать главную социальную опору государства (используя современный термин - "средний класс"), защитить его собственность и предотвратить обнищание основной массы населения, впоследствии законы будут издавать многие правители: афинские архонты и первые римские императоры, французские короли и Иван Грозный. Все законы будут нести элементы социальной поддержки целых социальных групп, а не отдельно взятых нуждающихся; нищих, инвалидов и т.п.

Ко времени прихода к власти Хаммурапи в Вавилонском царстве сложилось достаточно сложное экономическое положение. Главным бичом страны стали ростовщики, которые под очень крупные проценты (от 20 до 50) давали заемы своим же свободным согражданам, а затем фактически за бесценок отбирали все их имущество, а их самих обращали в рабство. Свободное непривилегированное население Вавилона (т.е. основные налогоплательщики) резко сокращалось, их уровень жизни падал, рядовые воины были недовольны дороговизной, в достатке жили лишь крупные вельможи и те же ростовщики. Хаммурапи осознал всю опасность подобного положения и принял ряд законов, направленных на ограничение ростовщичества и поддержку простого населения. Они и были выбиты на базальтовом обелиске. Впоследствии современные историки в каждом из них выделили определенные статьи, многие из которых представляют для нас наибольший интерес.

Во-первых, это статья 113, запрещающая отбирать имущество за долги без согласия самого должника. Статья 116 фактически запрещала долговое рабство, разрешая должнику лишь отрабатывать свой долг в доме заемодавца в качестве "заложника". Статья 117 ограничивала время пребывания в "заложниках" тремя годами. Кроме того, если должник сам соглашался отдать в качестве погашения долга весь будущий урожай, суд расторгал такую сделку, чтобы не оставлять должника без пропитания. Если имели место "форс-мажорные обстоятельства" - наводнение или засуха уничтожали урожай, то возврат долга автоматически переносился на следующий год без начисления процентов.

Наемным рабочим, как сельскохозяйственным, так и ремесленникам, заработная плата была повышена на 30 – 40% (исчислялась она, разумеется, не в деньгах, которых тогда еще не существовало, а в зерне или иных материальных ценностях).

Особо защищались имущественные права воинов. Так, даже если сам воин продавал свой полученный на время службы (фактически пожизненно) земельный надел, то покупатель терял деньги, а имущество принудительно возвращалось прежнему владельцу. Если после смерти воина у него оставался маленький сын, то вдове выделялась треть надела, чтобы она могла вырастить будущего воина [17, С.296].

Сейчас трудно судить, насколько точно выполнялись законы в отношении защиты экономических прав бедных слоев населения. Некоторые из сохранившихся частных глиняных табличек свидетельствуют о том, что они соблюдались далеко не всегда. Однако сам Хаммурапи царствовал долго, разбил многих внешних врагов и расширил границы государства. Очевидно, определенную роль в этом сыграли и законы, принятые в самом начале его правления.

Обратимся к тем способам оказания социальной помощи, которые существовали в Древней Иудее. Нам представляется это особо важным, поскольку многие положения Ветхого Завета были использованы, прямо или косвенно, в законодательствах и обычаях ряда европейских стран, особенно протестантских. Как известно, в основу жизни древней Иудеи лег известный Декалог, т.е. десять заповедей, полученных Моисеем от Господа на горе Синай. По современным подсчетам произошло это около 1200 г до н.э.

На примере древнеиудейского государства мы можем проследить две тенденции в сфере развития социальной поддержки населения. Первая из них тесно связана с общей для древневосточных государств попыткой уменьшить долговую зависимость собственных сограждан. Она во многом повторяет действия Хаммурапи. Иудейский царь Езекия (VIII до н.э.) под угрозой ассирийского нашествия попытался законодательно ослабить долговую зависимость своих подданных от ростовщиков. В одном из его законов говорилось: “Если купишь раба-еврея (за неуплаченные долги), то пусть он работает у тебя шесть лет, а в седьмой год пусть он выйдет на волю даром”. Другой закон гласил: “Когда обеднеет у тебя брат твой (т.е. единоведец - свободный житель Иудеи - В.С.) и продан будет тебе, то не налагай на него работы раба - он должен быть у тебя как наемник, как поселенец” [490].

. Через несколько десятилетий законы стали еще гуманнее: при выходе раба-иудея на волю после 6-ти лет службы ему полагалось выдать несколько овец, а также несколько мер зерна и вина, чтобы не “отпустить его с пустыми руками” [там же].

Примечательно, что срок в 6 лет службы у хозяина уже спустя 2200 лет устанавливался для так называемых “сервентов” - полукрепостных слуг первых

североамериканских поселенцев, приплывших в Новый свет на “Майском цветке” из Англии и Голландии.

Однако древнеиудейская традиция, нашедшая свое отражение в Ветхом Завете, знает и иное отношение к нуждающимся, которое в переработанном виде возобновилось в христианстве. Здесь мы сталкиваемся с двумя категориями обнищавших людей. Первая из них - это профессиональные нищие, появившиеся на Древнем Востоке и в Греции на рубеже II - I тысячелетий до н.э. Они обитали по преимуществу в больших городах и занимались выпрашиванием милостыни при храмах и у домов богатых людей. Именно эти нищие-профессионалы были предшественниками современных попрошайек, которых мы можем видеть на улицах многих городов мира, особенно у храмов и на вокзалах.

Отношение к таким людям в Древнем Востоке было презрительно-снисходительным. В одной из книг Ветхого Завета, “Притчах Иисуса, сына Сирахова”, прямо говорится: “Сын мой! Не живи жизнью нищенскою; лучше умереть, нежели просить милостыни. Кто засматривается на чужой стол, того жизнь - не жизнь, - он унижает душу свою чужими яствами; но человек разумный и благовоспитанный предостережет тебя от того. В устах бесстыдного сладким покажется прошение милостыни, но в утробе его огонь разгорится” [40, С.29-32].

. В этих словах описание морального облика попрошайек, которые существуют и в наши дни. Более того, они выработали собственную “философию”, которая позволяет им без стыда существовать за счет других. В Ветхом Завете порицается нищенство, порождаемое ленью и завистью.

Отметим, что в Древней Иудее возникло и иное отношение к бедности и богатству. Имеется и другая категория нищих, вернее, небогатых людей, “нестяжателей”. Они полагали, что излишнее стремление к накоплению богатств портит духовную жизнь человека, принижает потенциально данные ему (как “образу Божию”) высокие духовные устремления. Более того, именно здесь (не в христианский период, как думают и пишут многие) еще в ветхозаветные времена в библейской книге “Левит”, входящей в самую древнюю часть Библии - “Пятикнижие”, появилось знаменитое изречение “Возлюби ближнего своего, как самого себя” [19, С.128].

. Можно предположить, что причиной этого стали особенности иудейской религии, подчеркивавшие особую избранность Израиля - народа Божьего. Однако в древней Иудее под “ближним” понимался только соплеменник-единоверец, да и в отношении него эта заповедь на практике очень часто нарушалась, о чем свидетельствовали многие пророки. Только христианство по-иному ответило, кого надо понимать под “ближним”.

Обратимся еще к одной, на этот раз “инновационной” форме поддержки нуждающихся, которая также возникла на Древнем Востоке, но впоследствии была успешно

использована и в Древней Греции, и в Испании XVI - XVII вв., и в Англии XVII - XVIII вв., и в Российской империи XIX в. Речь идет о переселении активной и работоспособной части населения, не находившей применения собственным силам у себя на Родине, на новые земли. Впервые, по крайней мере, по сведениям дошедших до нас источников, подобный способ социальной поддержки был испробован в Древней Финикии.

Финикия в первой половине I тысячелетия до н.э. представляла собой ряд фактически самостоятельных торгово-ремесленных городов-государств, раскинувшихся по восточному побережью Средиземного моря. С течением времени один или другой город формально возглавлял весь этот конгломерат, однако подобную власть нельзя было назвать прочной. Со временем финикийские колонии возникли и в Северной Африке, и даже в Испании. Здесь неоднократно практиковалось удаление наиболее активных и вместе с тем небогатых граждан в новые колонии, которые основывались иногда за тысячи километров от метрополии. Несомненно, подобная практика несла в себе элементы социальной поддержки, поскольку небогатой части населения предоставлялась возможность (за счет государства) приобрести новые земли и заметно улучшить свое благосостояние.

Вот как описывал эту ситуацию Аристотель уже в IV в. до н.э., хотя подобная практика началась многими столетиями раньше: “Хотя строй Карфагенского государства и отмечен характером господства имущих, однако карфагеняне удачно спасаются от возмущения со стороны народа тем, что дают ему возможность разбогатеть. Они постоянно высылают определенные части народа в подвластные Карфагену города и области. Этим карфагеняне врачуют свой государственный строй и придают ему стойкость” [17, С.500].

. В качестве комментария можно отметить, что подобная колонизация не всегда носила мирный характер. Само название «Карфаген» уже означает “Новый город”. А был еще и Новый Карфаген - ныне порт Картахена в Испании. Конечно, нельзя утверждать, что создание колоний по берегам Средиземного моря преследовало лишь цели социальной поддержки наиболее “беспокойных” слоев населения. Здесь имело место решение важных торговых задач, поиски мест залежей полезных ископаемых, получение дани с туземных племен и т.п. Однако функция поддержки неимущих слоев населения, а также их удаления из городов метрополий с целью не допустить волнений, несомненно, имела место. Известно, что древние греки несколькими веками позднее активно использовали подобные методы в своей социальной политике.

Подводя итоги анализу подходов к социальной поддержке в государствах Древнего Востока, можно выделить следующие основные моменты:

1. Социальная защита определенной части свободного населения становится функцией государства, причем, государство при этом защищает и собственные интересы: не

допустить обнищания или попадания в долговое рабство значительной части подданных: потенциальных налогоплательщиков и воинов.

2. В городах возникает новая социальная группа - люмпены-нищие, часть из которых занимается попрошайничеством на профессиональной основе. Отношение к этим людям со стороны основной части социума

весьма презрительное. Однако милостыню им подают, поскольку это считается богоугодным делом.

3. В ряде религиозных учений, прежде всего в иудаизме, происходит не осуждение, а защита разумной бедности, основанная на доминировании духовного над материальным. Неразумное и безразборчивое стяжание богатств здесь начинают почитать грехом.

4. Появляется новая форма социальной защиты неимущей, но работоспособной и социально активной части населения - внешняя экспансия и создание новых колоний. В первую очередь это практикуется в приморских торговых городах-государствах.

5. Вместе с тем, институт рабства не предусматривает какой-либо социальной поддержки от рабов, которых почитают за “говорящие орудия труда”. Гуманное отношение к ним зависит от дороговизны самих рабов и получаемой от них прибыли.

Все эти тенденции получили дальнейшее, уже качественно новое развитие в греко-римском мире.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Какие формы и методы социальной поддержки появились на территории Древнего Востока в конце IV - начале III тысячелетия до нашей эры?

2. Дайте характеристику состоянию помощи нуждающимся в период существования Древнего Египетского царства.

3. Какие статьи кодекса законов Вавилонского царя Хаммурапи были направлены на оказание помощи населению?

4. Охарактеризуйте новые формы социальной защиты работоспособной и социально активной части населения.

Литература

1. Антология социальной работы / сост. М.В. Фирсов. Т.3. – М., 1995.
2. Григорьев А.Д. История социальной работы. В 2 ч. Ч.1. Мн.: Тетра Системс, 2006.

3. Мельников В.П., Холостова Е.И. История социальной работы в России: учебное пособие. – М.: Издательско-книготорговый центр «Маркетинг», 2001.

4. Фирсов М.В. История социальной работы: Учебное пособие для высшей школы.- М.: Академический проект: Трикта, 2004.

Тема 4. Теория и практика социальной поддержки в античных государствах

План

1. Филантропия Древнего Рима и Греции: общее и особенное.
2. Римское и греческое законодательство в области общественной поддержки.
3. Первые теоретические изыскания в сфере социальной помощи.

Общественная поддержка в античных государствах (государства Древней Греции, эллинистические царства и Древний Рим в целом) явилась продолжением развития форм и методов социальной помощи, практиковавшихся в странах Древнего Востока. Однако, во-первых, она приобрела новое теоретическое обоснование и, во-вторых, иные, более прагматичные формы.

Как известно, античная эпоха начинается с архаического периода Древней Греции, когда греческие царства, прежде всего самое могущественное из них - Микенское, обладали многими чертами государств Древнего Востока. Именно оттуда дошло до нас первое литературное описание классического профессионального нищего по прозвищу Ир, изображенного Гомером в “Одиссее”. И хотя сама поэма, по всей видимости, была создана через несколько столетий после происходивших событий, это описание не становится менее ярким. Ир (прозвище было дано ему по имени вестницы богов Ириды и означало “на побегушках”) обитал не в крупном городе, а на маленьком острове Итака, родине Одиссея, но и здесь он сумел обеспечить себе вполне пристойное существование. Вот как описывает его Гомер в 18 песне “Одиссеи”: “В двери вошел тут один всем известный бродяга, шатаясь по миру, скудным он жил подаяньем и в целой Итаке славен был жадным желудком своим, и нахальством, и пьянством [17, С.221].

Следует отметить, что Гомер сумел в этом кратком описании выделить основные личностные качества профессионального нищего: жадность, склонность к алкоголизму и принципиальное нежелание заниматься постоянным трудом. Впрочем, в этой поэме, равно

как и в “Илиаде”, нищие и бродяги упоминаются достаточно часто. Сам Одиссей в целях разведки нередко использовал личину нищего бродяги. Отсюда следует, что нищенство и бродяжничество были уже достаточно распространены в начале античной эпохи. В целом к таким людям относились с презрением. “В античные времена нищета считалась пороком. ... Нищета низводила человека на низшую ступень общества, вызывала к нему презрительное отношение окружающих, лишённое сочувствия”, - отмечается в современных исследованиях [80, С.382].

. Тем не менее, такие люди старались как-то существовать, а во времена эллинизма (III - I вв. до н.э.) в крупных городах их число резко увеличилось.

Однако проблема обнищания свободных и трудолюбивых граждан (кроме спартанцев) встала в греческих городах-государствах достаточно остро уже в классический период с конца VI в. до н.э. Как и на Востоке, она была связана с проблемами ростовщичества и потерей свободными земледельцами своих наделов, а ремесленниками - мастерских. Даже активная заморская колонизация (от Северо-Восточного Причерноморья до Италии и Сицилии), проводившаяся здесь с VI в. еще интенсивнее, чем в Финикии, не смогла до конца решить проблему обнищания полноправных свободных граждан многих греческих городов-государств. Не лучшим образом повлияли на эту проблему и перманентные войны как с Персией, так и между собой. В этих условиях ряд полисов, прежде всего Афины, были вынуждены принять ряд законов, направленных на поддержку неимущих граждан.

В Афинах принятие таких законов было связано, прежде всего, с именем архонта Солона (VI в. до н.э.). По свидетельству Плутарха, в этот период “неравенство между бедными и богатыми дошло до высшей точки, государство находилось в чрезвычайно опасном положении ... Весь простой народ был в долгу у богатых: одни обрабатывали землю, платя богатым шестую часть урожая; другие брали у богатых в долг под залог тела (т.е. попадания в рабство). Многие были вынуждены продавать в рабство даже собственных детей ...” (71, с. 168). Солон, будучи избранным на высшую должность архонта, провел ряд реформ, нормализовавших внутреннюю жизнь государства. В соответствии с принятыми по его инициативе законами:

- отменили долги и вернули земледельцам утраченную землю;
- регламентировали максимальный процент, который мог взять ростовщик;
- запретили продажу афинских граждан за долги;
- подтвердили закон, каравший граждан за “праздность”, т.е. уничтожили практику существования человека на проценты за данные в долг деньги;
- разрешили сыновьям не содержать престарелых отцов, если те не обучили детей какой-либо полезной профессии.

Необходимо сказать, что эти законы носили достаточно компромиссный характер, учитывая интересы как бедных, так и состоятельных граждан. Однако они на некоторое время сняли социальную напряженность и позволили значительной части разорившихся афинян вернуться к нормальной социальной жизни.

Следующим афинским лидером, который активно занимался делами социальной поддержки в масштабах всего города-государства, стал Перикл (V в. до н.э.). К этому времени Афины уже были крупнейшим и богатейшим городом в Греции. В афинской казне скопились значительные деньги (как собственные, так и военных союзников). Вместе с тем, значительная часть городского населения, не несшая непосредственно военной службы, а находившаяся в резерве, пребывала в безделье. В этих условиях Перикл, думается, впервые в мире, организовал колоссальные общественные работы, в результате которых был построен знаменитый Парфенон и созданы другие известные произведения искусства. Вот как описывает это Плутарх:

“... Перикл хотел, чтобы рабочая масса, не несущая военной службы, не была обездолена, но вместе с тем, чтобы она не получала денег в бездействии и праздности.»

Перикл представил народу множество грандиозных проектов сооружений и планов работ, требовавших применения разных ремесел и рассчитанных на долгое время, чтобы остающееся в городе население имело право пользоваться общественными суммами нисколько не меньше граждан, находящихся во флоте, в гарнизонах, походах. Действительно, там, где были материалы: камень, медь, слоновая кость, золото, черное дерево, кипарис; где были ремесленники, обрабатывающие эти материалы: плотники, мастера глиняных изделий, медники, каменотесы, красильщики золота, размягчители слоновой кости, живописцы, эмалировщики, граверы; люди, причастные к перевозке и доставке этих материалов: по морю - крупные торговцы, матросы, кормчие, а по земле - тележные мастера, кучера, крутильщики канатов, веревочники, шорники, строители дорог, рудокопы; где, словно у полководца, имеющего собственную армию, у каждого ремесла была организованная масса низших рабочих, не знавшая никакого мастерства, имевшая значение простого орудия, “тела” при производстве работ, - там эти работы распределяли, сеяли благосостояние во всяких, можно сказать, возрастах и способностях” [71, С.295].

Столь длинная цитата приведена, чтобы проиллюстрировать обширные замыслы и дела Перикла. Плутарх, правда, умалчивает о том, что Периклу надо было занять граждан Афин чтобы не привлекать к этой работе бесплатных рабов), чтобы хоть каким-то законным путем обеспечить их существование и избежать социальных волнений. К тому же обстоятельства сложились исключительно выгодно: большой войны с Персией не было, а значительная часть истраченных денег принадлежала не самому городу, а союзникам афинян, хранившим в Афинах общую казну, ею Перикл и воспользовался, чтобы оплатить

работу сограждан. За всю античную эпоху таких крупных общественных работ с привлечением свободных граждан, а не бесплатных рабов, больше не проводилось. Однако сам принцип организации общественных работ в дни голода и бедствий вместо бесплатной раздачи денег трудоспособному населению оказался весьма эффективным. Он часто применялся впоследствии в Европе и России (во время таких общественных работ в дни голода построена при Борисе Годунове знаменитая колокольня Ивана Великого в Московском Кремле). общественные работы используются и в наши дни.

Еще одной формой социальной поддержки в Афинах стала выплата определенных “пенсий” гражданам, особо отличившимся на государственном поприще. Впрочем, эти пенсии заметно отличались от современных: отдельные заслуженные граждане полиса могли принимать участие в бесплатных общественных трапезах или регулярно получать продукты натурой. Примечательно, что именно этот обычай и привел к смертельному приговору философу Сократу. Его обвинили в безбожном “развращении” молодежи. Однако философ пользовался большой популярностью, и суд, учитывая это, предложил Сократу самому назначить себе наказание. Он же в ответ предложил, чтобы его допускали к бесплатным обедам. Суд счел эту насмешку за серьезное оскорбление и в наказание осталось прежним – смертный приговор.

Несколькими столетиями позже подобные проблемы: обнищание значительной части свободного населения за счет долгов и переизбыток праздных граждан в городах - возникли и в Римской республике, а затем и в Римской империи. Однако там их пытались решать иными путями, чем в Афинах. Еще со II в. до н.э. в Римской республике отмечалось обезземеливание крестьян, что приводило сразу к двум весьма неприятным последствиям: во-первых, к скапливанию в самом Риме люмпенизированного населения, которое не принимало активного участия в производительном труде - ему было трудно конкурировать с ремесленниками, у которых трудились фактически бесплатные рабы: в Риме их было заметно больше, чем в Греции. Поэтому эти люмпены предпочитали становиться клиентами знатных родов или жить на подачки государства. Весьма распространенной была и торговля голосами на выборах, поскольку в Римской республике большинство выгодных чиновничьих должностей было выборным, а прямой денежный подкуп избирателей с I в. до н.э. стал своеобразной народной традицией.

В этих условиях часть римской “политической элиты” попыталась провести реформы по предоставлению земельных участков безземельным римским гражданам с целью привлечения их к производительному труду и увеличения потенциального резерва для воинских наборов. Земли, которые предполагалось раздать мелкими наделами, были общественными, находились в аренде у богатых патрициев и обрабатывались рабами. Попытка проведения этой реформы называется движением братьев Гракхов. Как известно,

реформа эта не удалась: землю получила лишь незначительная часть бедных римских граждан, а сами братья были убиты: тому были весьма объективные причины: мелкие землевладельцы плохо конкурировали с крупными хозяйствами, обслуживаемыми рабами, часть желающих получила землю вне Италии, во вновь завоеванных провинциях: ближней (Нарбоннской) Галлии и Африке. Многие пролетарии не хотели становиться земледельцами, предпочитая жить в самом Риме за счет государственных раздач. Кроме того, уже с начала I в. до н.э. легионеры стали получать жалование и иные льготы и многие предпочли завербоваться в армию. Внешние захватнические войны очень сильно пополнили римскую государственную казну. Все это привело к тому, что в период поздней республики и ранней империи в Риме стали широко практиковаться бесплатные раздачи денег и иных материальных ценностей населению, но только полноправным римским гражданам - мужчинам, начиная с 11 лет.

Подобная практика, несомненно, несла в себе элементы социальной поддержки, поскольку часть раздач доставалась именно беднейшим слоям населения, неработоспособным старикам и инвалидам. Кроме того, особые льготы были установлены для многодетных отцов семейств, имевших трех и более детей. С другой стороны, подобные раздачи несли также функцию “подкупа” беднейшей части населения и приучения его к праздности, поскольку деньги появлялись, главным образом, за счет ограбления вновь завоеванных земель. Как же осуществлялись такие раздачи? По свидетельству римского историка Светония (I в. н.э.), еще в I в. до н. э. Гай Юлий Цезарь “щедро раздавал все, о чем его просили”. После успешного окончания всех войн, вернувшись в Рим диктатором с неограниченными полномочиями и огромной добычей, Цезарь “своим старым легионерам ... выдал из добычи по двадцать четыре тысячи сестерциев (больших бронзовых монет) ... Он выделил им и землю, но не сплошной полосой, чтобы не сгонять прежних владельцев. Народу он раздал по десять мер зерна (одна мера - около 9 литров) и по столько же фунтов (римский фунт - около 300 г.) оливкового масла, деньгами по 300 сестерциев, обещанных ранее, и еще по сотне за то, что пришлось ждать. Тех, кто платил в Риме за жилье до 2000 сестерциев в год и в Италии до 500, он на год освободил от платы. Вдобавок и устроил пир и раздачу мяса [14, С.55].

Следует отметить, что вскоре Цезарь решил упорядочить и несколько снизить ежемесячную бесплатную раздачу зерна и сократил число получавших с 320 до 150 тысяч. В качестве компенсации диктатор приказал аннулировать все проценты по долгам, а они доходили до 25 в год.

Подобную политику продолжали и преемники Цезаря. Так, Август, сохранив и даже повысив ежемесячную раздачу зерна, “народу он то и дело раздавал денежные подарки, но не всегда одинаковые: то по четыреста, то по триста, а то и по двести пятьдесят сестерциев

на человека; при этом он не обходил и малолетних, хотя обычно мальчики допускались к раздачам с одиннадцати лет [14, С50].

Впрочем, когда требования народа переходили допустимые, с точки зрения властей, границы, то власти действовали жестко. Тот же Август, “когда горожане стали жаловаться на недостаток и дороговизну вина, ... унял их строгими словами: “Мой зять Агриппа досрочно выстроил водопроводов, чтобы никто не страдал от жажды!”. В другой раз, когда народ стал требовать обещанных подарков, он ответил, что умеет держать свое слово; когда же толпа стала домогаться и подарков обещанных, он эдиктом выразил порицание ее наглости и бесстыдству и объявил, что подарков не даст, хотя и собирался. ... Однажды, во время сильного неурожая, от которого трудно было найти средства, он выселил из Рима всех работорговцев с их рабами, всех иноземцев, кроме врачей и учителей [14, С.255].

Безусловно, Август мог позволить себе подобное, обладая достаточно прочной властью. Он даже подумывал прекратить хлебные раздачи, чтобы “соблюсти интересы земледельцев”, а самих горожан заставить работать, но не решился на это, опасаясь социального взрыва. Следующие императоры хлебные и иные раздачи неуклонно продолжали.

Подобная практика со временем получила распространение и в других городах Римской империи в период ее стабильного существования, примерно до начала III в. н.э. Однако впоследствии, когда экономическое положение государства ухудшилось, такие выдачи сократились, а затем и вовсе исчезли. В III в. так называемые “солдатские императоры”, т.е. императоры, поставленные на престол легионерами, устанавливали всевозможные льготы для отставных солдат-ветеранов, а не для всего населения или каких-либо наиболее нуждающихся его категорий. Что же касается всего народа, то здесь в исключительных случаях отдельные поздние римские императоры пытались вводить фиксированные цены на основные продукты и ремесленные изделия, а также минимальную оплату труда для наемных рабочих. Однако эти меры были недостаточными для улучшения жизни беднейших слоев населения.

Следует остановиться на весьма необычной для рабовладельческой формации мере социальной поддержки - определенной защите Римским государством прав и положения рабов, принадлежавших частным лицам. Это было связано, во-первых, с изменением экономической ситуации, когда прямая эксплуатация рабского труда становилась невыгодной, и многие из рабов отпускались “на оброк” и получали право владеть собственным имуществом. Эти имущественные права рабов и защищало государство от произвола хозяев-рабовладельцев.

Во-вторых, уже в II в. н.э. количество рабов резко увеличилось, и жестокое обращение с ними могло привести к опасным для империи восстаниям. Если во II - I вв. до

н.э. речь шла только о беспощадном подавлении таких крупных восстаний, как Сицилийское или восстание Спартака, то во II в. н.э. империя уже не чувствовала себя способной справиться с подобным движением. Известно, что при императоре Адриане были приняты законы, по которым беспричинное убийство раба хозяином считалось преступлением, а серьезные наказания для рабов определял уже не сам рабовладелец, а государственный суд. Если же доказывалось жестокое обращение хозяина со своим рабом, то последнего могли передать другому рабовладельцу.

В Древнем Риме возникла еще одна форма социальной поддержки в виде взаимопомощи определенных групп горожан. Еще во времена ранней Римской республики (ок. IV в. до н.э.) в городе появились специальные коллегии, объединявшие группы граждан по производственному (по типу ремесленных цехов) или по территориальному (жители одного квартала) признаку. Эти организации отчасти выполняли и функции взаимопомощи, например, оплачивали похороны своих членов, давали небольшие беспроцентные ссуды и т.п. Во времена империи такие коллегии нередко запрещались властями из-за опасения их политической активности, однако они возродились вновь и просуществовали до IV в., когда были включены в государственную систему с целью получения круговой поруки для своевременной выплаты налогов.

В античную эпоху появились первые теоретические изыскания в сфере социальной поддержки. Как правило, они не проводились самостоятельно, а включались греческими философами в политические сочинения, где описывавшие государственное устройство.

К сожалению, в знаменитом “Государстве” Платона этой проблеме не уделялось достаточного внимания. Идеальное государства - это целостное гармоническое явление - земное отражение небесного “эйдоса” (идеи). По замечанию А.Ф.Лосева, “Платону принадлежит целое рассуждение о богатстве и бедности - двух врагах социального строя. Не должно быть ни бедных, ни богатых” [44, С.823].

. Если же в исключительных случаях и возникнет необходимость как-либо заботиться о людях, попавших в тяжелое положение, - то это, прежде всего, прерогатива государства. Впрочем, оно вовсе не обязано этим заниматься. И здесь мы сталкиваемся с мыслью, которая впоследствии будет волновать многих европейских философов и социологов: кто виноват в том, что человек попадает в тяжкие обстоятельства: воля рока, внешние экономические условия или он сам, со своей ленью и иными пороками? Платон склоняется к мысли, что виновен в этом сам человек. “Бедность заключается не в уменьшении имущества, а в увеличении ненасытности”, - утверждает он [92, С.10].

. По его мнению, если лентяй не хочет работать, то его надо заставить, а если пьяница не может удержаться от вина, то его надо насильственно лишить такой возможности

или предоставить своей судьбе. Впоследствии эти идеи будут развиты отдельными протестантскими теологами и представителями Раннего Просвещения.

Аристотель полагал, что забота о нуждающихся - прежде всего задача государства. Однако он несколько “мягче” Платона указывал, что человеколюбие (филантропия - греч.) есть природное качество человека и помощь своим близким - весьма похвальное качество.

Следует отметить, что в древнегреческой философии некоторые современники Платона, такие же люди из кружка Сократа, как и он сам, заняли совершенно противоположную позицию. Речь идет о философах-киниках, прежде всего Антисфене и его последователе Диогене Синопском. Они, в противоположность всей античной традиции презрения к нищете и бедности, провозгласили ее своим лозунгом и единственным путем для свободного и независимого от обыденного общественного мнения человека. Эти люди и их последователи пытались вернуться к первоначальной природе человека, не “испорченной” цивилизацией. Ходили они в обносках, питались, чем придется, однако находили себе единомышленников, также уставших от погони за достатком и жестких социальных правил поведения. По свидетельству раннехристианского церковного деятеля Максима Трирского, Диоген “стал обходить землю, уподобляясь птице, обладающей разумом, не боясь тиранов, не подчиняясь насилию законов, не обременяя себя общественными делами, не тревожась о воспитании детей, не сковывая себя браком, не занимаясь обработкой земли, не обременяя себя военной службой и не промышляя морской торговлей, напротив, он осмеивал все это” [50, С.91-92].

Философия киников не исчезла вместе с античной цивилизацией. В высоком своем смысле она нашла отражение в воззрениях Ж.Ж. Руссо и Л.Н. Толстого. В вульгаризированном виде же она послужила основой мировоззрения хиппи, отчасти, радикальных “зеленых”, бродяг, профессиональных нищих. Отзвуки подобных воззрений встречаются и в некоторых современных философских учениях.

Подводя итоги развития социальной поддержки в эпоху античности, можно сделать следующие выводы:

- государственная политика греческих государств и Древнего мира в этой сфере в какой-то степени продолжила политику государств Древнего Востока, направленную на предотвращение обнищания значительной части свободного населения;

- в этот период возникли новые формы государственной социальной поддержки: общественные работы, государственная поддержка наиболее бедствующих слоев населения деньгами и продовольствием, назначение пенсий наиболее заслуженным гражданам, предоставление льгот военным ветеранам, государственная защита рабов и т.п.;

- в Древнем Риме возникли коллегии - первые в мире общественные организации, объединявшие небогатых горожан для защиты собственных интересов и взаимопомощи;

- появились первые философско-теоретические обоснования организации социальной поддержки, причем в этой области высказывались самые различные точки зрения.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Какие формы помощи характерны для древних греков и древних римлян?

Проведите сравнительный анализ.

2. Какие новые формы государственной социальной поддержки появляются в этот период?

3. «Одиссея» как древнейший памятник филантропической деятельности.

Выскажите свое мнение.

Литература

1. Антология социальной работы / сост. М.В. Фирсов. Т.3. – М., 1995.

2. История социальной работы: учебник /под ред. В.И. Жукова. – М.: Изд-во РГСУ, 2011.

3. Мельников В.П., Холостова Е.И. История социальной работы в России: учебное пособие. – М.: Издательско-книготорговый центр «Маркетинг», 2001.

4. Холостова Е.И. Генезис социальной работы в России. – М., 2006

Тема 5. Христианское милосердие

План

1. Зарождение христианского милосердия.

2. Отражение идей милосердия в проповеднической деятельности Иисуса Христа.

В XX - начале XXI в. в нашей стране появилось немало исследований, посвященных вкладу христианства в развитие социальной работы. К сожалению, во многих из них сохраняется старый, возникший еще в эпоху Просвещения тезис, согласно которому

христианство является лишь этическим учением о добре, гуманизме и справедливости. Исходя именно из такого понимания, многие пытаются объяснить истоки и конкретные формы христианской “помощи ближнему”.

Мы полагаем, что если говорить о христианстве и, в частности, о христианском милосердии, то надо понимать его так, как понимали сами первые христиане. По высказыванию современного богослова, религия (ни одна - ни православие, ни ислам) не учит нравственности. Она указывает путь к бессмертию. Соблюдение этических религиозных норм, в том числе и помощи ближнему, является лишь способом достижения бессмертия души и попадания ее в рай, а не самоцелью христианина. Хотелось бы отметить, что в настоящей главе будет изложено именно православное понимание христианского милосердия в том виде, в каком оно существовало до отпадения в 1054 г. римокатоличества от вселенского православия с центром в Константинополе

Подчеркиваем, что роль христианского милосердия в становлении современной социальной работы огромна. Это связано не только с тем колоссальным влиянием, которое оказало христианское учение на всю европейскую культуру. Думается, что само христианство лучше и глубже других религиозных учений и философских теорий смогло понять душу человека, ее внутренние движущие мотивы: иначе учение Христа не смогло бы сыграть такой огромной роли в развитии всей человеческой цивилизации. Еще в начале I тысячелетия раннехристианский богослов и проповедник Тертуллиан заметил, что душа человеческая по природе своей христианка, а Отцы Церкви (наиболее авторитетные богословы (I - V вв.) называли добродетельных языческих мудрецов древности, в частности, Сократа и Платона, “христианами до Христа”.

Следует также отметить, что в Новом Завете часто речь идет о нищих. Современные толкователи рассматривают понятия «нищий» и «бедняк» как синонимы. Однако для современников Христа, знакомых с иудейской религией, было совершенно ясно, что речь идет об ином. Знаменитая Нагорная проповедь Христа начинается словами: “Блаженны нищие духом ...”. Так написано у евангелиста Матфея. У Луки эта проповедь звучит на одно слово короче: “Блаженны нищие ...”. Слово “духом” здесь опущено. Какие же нищие (по – древнееврейски, “анавим”, единственное число “ани”) имеются здесь в виду? Православная толковая Библия поясняет этот термин так: “благочестивый, который тяготится в своем сердце сознанием, что он жалок и беспомощен, обращается к Богу, и не знает, и не ожидает для себя никакой помощи, кроме той, которой он просит от милосердного Бога, есть истинный “ани” [88, С.82].

. Нищие Ветхого Завета, о которых говорил Иисус, - это люди определенного склада, те, кто всецело связал свою судьбу с поисками и исполнением воли Бога. Они могли быть

как бедняками, так и вполне обеспеченными людьми, и утешение их - не в материальном достатке, а в причастности к Богу.

Обратимся непосредственно к христианскому милосердию. Во многих современных исследованиях по истории социальной работы упоминается, что в основе концепции христианской помощи лежит любовь к ближнему и делаются ссылки на библейский призыв “возлюбить ближнего как самого себя”. Действительно, эти слова имеются в Новом Завете. Но как мы уже отметили, это лишь цитата из книги “Левит”, входящей в Пятикнижие, наиболее древнюю часть Библии. В самом Новом Завете Иисус только дважды упоминает это высказывание. В первый раз на вопрос, каким заповедям необходимо следовать, он отвечает, что двум: первой и главной - любви к Богу и - второй, - любви к ближнему. Далее Иисус говорит, что он дает новую заповедь: «возлюбите друг друга, как Я возлюбил вас». Это новая заповедь не отрицает ветхозаветного требования о любви к ближнему, но она христоцен рична, т.е. совершеннее первой. Любовь к ближнему должна стать не обязанностью, порой не совсем приятной, но особым состоянием души, духовной потребностью. Впрочем, достигается это не сразу, а некоторым духовным усилием, о чем впоследствии будут неоднократно писать Отцы Церкви.

Другой важной проблемой является вопрос, кого именно понимать под “ближним”? В Ветхом Завете на него не дается четкого ответа, но подразумевается, что это, скорее всего, единоплеменник и единоведец, т.е. правоверный иудей. Язычники не требуют к себе подобного отношения перед лицом Бога. Однажды такой же вопрос был задан фарисеем и самому Христу. Он “сказал Иисусу: А кто мой ближний?”[3, С.29].

. В ответ Иисус рассказал притчу о некоем правоверном иудее, на которого напали разбойники и оставили раненым на дороге. Проходившие мимо священник и левит (человек из рода наследственных священников), спешившие на службу в Иерусалимский храм, не оказали ограбленному и истекавшему кровью человеку помощи. На помощь пришел только “добрый самаритянин”, т.е. житель области Самария, по иудейским понятиям полуязычник, - иудей, осквернивший себя параллельным служением языческим богам. В христианском богословии эта притча получала различные толкования. Однако из нее следует прямой вывод: “ближний” - этот тот, кто находится рядом с тобой и нуждается в твоей помощи, независимо от того, христианин он или язычник. И такая помощь для Бога важнее, чем служба Ему в храме.

В Новом Завете имеются и прямые рекомендации по подаче милостыни. Она должна совершаться тайно, чтобы не выставляться заслугой перед людьми: ее нельзя осуществлять для собственного мирского прославления или удовлетворения внутреннего чувства гордыни за свою праведность. “Итак, когда творишь милостыню, не труби перед собою, как делают лицемеры ... чтобы прославляли их люди ... У тебя же, когда творишь милостыню, пусть

левая рука не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была втайне” (Мф.6,1-4). Запрещалось также расспрашивать нищих об их судьбе и нуждах - это также могло быть истолковано, как знак гордыни, чувство собственного морального и материального превосходства над нуждающимися.

Впрочем, в том же Новом Завете, а именно во Втором послании апостола Павла, осуждалась и праздность и выпрашивание незаработанного. Павел, рассказывая о своем пребывании в одном городе, подчеркивает, что он одновременно проповедовал Христа и зарабатывал себе на пропитание физическим трудом, не желая быть нахлебником у принявшей его христианской общины. Этот рассказ заканчивается знаменитыми словами: “Кто не хочет работать - пусть не ест” (2 Фес.3,10). Заметим, что вопреки распространенной советской трактовке “не ест” должен не тот, кто “не работает”, а тот, кто “не хочет работать”.

Впоследствии проблемы христианского милосердия нашли отражение в трудах многих известных раннехристианских богословов. Мы остановимся на нескольких из них, так называемых “трех святителях” - Василии Великом, Григории Богослове и Иоанне Златоусте, живших примерно в одно время: на рубеже IV - V вв., т.е. спустя всего несколько десятилетий после окончательного принятия Римской империей христианства. Василий и Григорий были родом из Малой Азии и подружились еще в юности во время совместного обучения в тогда еще языческой Афинской Академии, где изучали эллинскую философию. Василий стал епископом небольшого малоазийского города Кеосарии, а после его смерти эту кафедру занял Григорий. Иначе сложилась судьба Иоанна Златоуста: он стал епископом столицы Византийской империи - Константинополя, тогда одного из самых крупных городов Средиземноморья, население которого оставалось еще полуязыческим. Затем Иоанн был смещен с епископской кафедры, самовольно на нее вернулся и в конце концов умер в изгнании. Он был очень ярким проповедником и блестящим оратором, в многочисленных “словах”- проповедях бичующим пороки жителей столицы, которые формально став христианами, сохраняли еще многие языческие элементы мировоззрения и поведения.

Для Василия Великого милосердие было напрямую связано с состраданием ближнему, попавшему в тяжелое положение, и оказанием ему возможной помощи. “Милосердуем о том, кто из великого богатства впал в крайнюю нищету, кто из крепкого телесного здоровья перешел в крайнее его изнеможение, кто прежде восхищался красотой и свежестью своего тела, и потом поврежден обезображивающими болезнями [92, С.13].

. Таким образом, под милосердием Василий понимал, прежде всего, нравственную помощь, хотя и не отрицал необходимости определенной материальной поддержки нуждающихся. Достаточно близкую позицию занимал и Григорий Богослов. Он различал “высшее благодеяние” и “меньшее благодеяние”. К первому, духовному, относились дары

Духа святого (т.е. допущение к церковным таинствам - причастию, исповеди и др.) и священные книги, чтение которых способствует спасению души. Ко второму, душевному и материальному, Григорий относил различные конкретные формы помощи нуждающимся: “доставь пищу, подай рубище, принеси лекарство, перевяжи раны, расспроси о бедственном положении, поговори о терпении” [92].

Иначе толковал милосердие и подачу милостыни пламенный проповедник и обличитель грешников Иоанн Златоуст. Само наличие нищих он считал весьма полезным в качестве объектов милосердия для желающих совершить добрые дела христиан-неофитов Константинополя. Иоанн ставил весьма актуальный и в наши дни для верующих людей вопрос: стоит ли подавать милостыню явному грешнику - бродяге и пьянице, который полученное, наверняка, сразу же пропьет в ближайшем кабаке? Ответ звучал следующим образом: “... хотя бы он был и самый порочный человек, утоли голод его” [51, С.32].

). На утверждение мнимого оппонента о том, что попрошайка, по сути своей, - лентяй и пропойца, Иоанн задавал встречный вопрос: “А сам-то ты всегда разумно тратил свои деньги?”. Единственным ограничением подачи милостыни являлось то, что предлагалось давать немного, и лучше продуктами питания или старой одеждой, чем деньгами. Примечательно, что подобной позиции в наши дни придерживается Русская Православная Церковь. Впрочем, Иоанн осуждал попытки “откупиться” от Бога путем раздачи большой милостыни. “Какая польза (для спасения души) - спрашивал он, - если кто щедрую подает милостыню, но лихоимствует и притесняет других?” (там же, 33). Объектом милосердия может стать и язычник - дающему это тоже зачтется на небесах. “Хотя бы даже язычника мы увидели в несчастье, и ему надобно оказать добро, и вообще всякому человеку, находящемуся в несчастных обстоятельствах”, - писал Иоанн (там же).

Не вызывает сомнения тот факт, что подобная раздача безразборчивой милостыни могла породить и на практике порождала значительное количество профессиональных нищих, которые жили за счет подаяния. Думается, что это понимал и сам Иоанн. Однако он полагал, что пробуждение христианских чувств у жителей Константинополя важнее. Равным образом подача милостыни так же важна для дающего, как и для принимающего ее. Иоанн считал, что Церковь должна отдавать себе отчет, с какими именно людьми ей приходится иметь дело. Впоследствии, когда христианские чувства окрепнут, а мировосприятие людей изменится, можно будет действовать и по-иному.

Так же, как и Григорий Богослов, Иоанн Златоуст различал два вида благодеяний: духовные и телесные. К первым он относил способность увещанием отвратить грешника от греха, научить истине, подать совет, молиться за грешника Богу; ко вторым: “питать - алчущих, напоить жаждущего, одеть нагого или имеющего недостаток в приличной одежде, посетить находящегося в темнице, посещать больных, странника в дом принять и успокоить,

погребать умерших в убожестве” (там же). Почти все эти советы войдут позднее в известное “Завещание” Владимира Мономаха.

Именно такое понимание сущности христианского милосердия, выдвинутое раннехристианскими Отцами Церкви, затем легло в основу всей системы социальной поддержки, действовавшей в Западной Европе и на Руси до Реформации, т.е. до XVI в., а в католических и православных странах и позднее.

Мы полагаем, что необходимо остановиться на некоторых догматах христианской Церкви, которые, будучи воплощенными в жизнь после христианизации Римской империи, сыграли значительную роль в оздоровлении моральной жизни людей и, отчасти, в улучшении их материального положения. Это также имеет определенное, хотя и косвенное, отношение к социальной поддержке населения.

Так, Церковь осудила и добилась запрещения некоторых варварских языческих обычаев. Во-первых, если в самой Римской империи ритуальные человеческие жертвоприношения прекратились еще до нашей эры, то в ряде варварских государств они процветали вплоть до принятия их властителями христианства. Достаточно вспомнить, что на Руси последнее такое жертвоприношение произошло всего за пять лет до крещения киевлян в Днепре и организовал его не кто иной, как будущий равноапостольный князь Владимир Святой.

Во-вторых, Церковь добилась запрещения кровопролитных гладиаторских игр, что случилось только в IV в. н.э., когда Римская империя формально уже приняла христианство. Первоначально еще Константин Великий в начале названного столетия по просьбе римского епископа запретил публичные гладиаторские поединки. Но последующие императоры, подчиняясь многочисленным требованиям зрителей-язычников, возобновили гладиаторские бои. Только в середине века они были отменены окончательно, чему сопутствовали драматические обстоятельства. На арену в разгар состязаний бросился монах Телемак и стал разнимать сражающихся. Его изрубили мечами, а зрители и сам император были так потрясены этим событием, что гладиаторские игры запретили навсегда.

В-третьих, христианство отвергло различное отношение к людям по их национальному и социальному признакам. Перед Господом все были равны: и иудей, и эллин, и раб, и свободный. Рабы на равных правах входили в христианские общины. Христианство не выступало против самого института рабства. У апостола Павла есть высказывание, которое сводится к идее: в каком состоянии (рабском или свободном) ты “призван”, т.е. вступил в христианскую общину, то в “таком и оставайся”. Однако, если представится возможность, то “выбери лучшее”. Что понимать под лучшим, апостол не разъяснял. Примечательно, что Мартин Лютер однозначно понимал под этим освобождение от рабства. Однако православные и католические богословы были более осторожны и

“лучшее” связывали с лучшим положением для спасения души, а не для социальной жизни. Но именно христианство впервые заставило взглянуть на раба как на человека, равного перед Господом с самыми могущественными земными владыками.

В-четвертых, только после принятия христианства в Римской империи убийство собственных детей стало считаться уголовным преступлением. До этого в Риме (и почти во всех других государствах Древнего мира) жизнь ребенка до его совершеннолетия (в Риме, напомним, оно наступало в 11 лет) всецело принадлежала его отцу. Собственного ребенка в случае необходимости можно было продать в рабство, а можно было и убить. Ответственность за это не наступала. Первой обязанностью “детей” было полное подчинение воле “отцов”. Но вот в одном из посланий апостола Павла прозвучал призыв: “Отцы, не раздражайте своих детей!”. Это был качественно новый подход к проблеме отношений поколений во всем Древнем мире. Христианство призывало ценить и уважать личность ребенка так же, как и взрослого.

В-пятых, призыв к милосердию и прощению относился не только к поддержке неимущих, но и к отношению к грешникам, даже к преступникам. На вопрос одного из апостолов, можно ли до семи раз прощать грех, Иисус ответил, что можно до семи раз по семь. На практике это коснулось сразу двух аспектов. С одной стороны, несколько гуманнее стали законы, и исчез такой вид казни, как распятие. В самом Риме, позаимствовавшем его из Финикии, распятие применялось только по отношению к рабам или отъявленным государственным преступникам, но не могло быть применено к римским гражданам. Распятием кончили свою жизнь большинство первых христианских проповедников, в том числе апостолы Петр и Андрей Первозванный (последний был распят на так называемом косом кресте, откуда и берет начало русский военно-морской Андреевский флаг.), апостол Павел, происходивший из знатной семьи и имевший римское гражданство, был казнен иначе. После принятия христианства распятие было отменено во всей Римской империи.

С другой стороны, гуманнее стали отношения и внутри общества. Достаточно вспомнить рассказ из Евангелия от Иоанна о “блудной жене”, которую хотели забросить камнями, но ее спас Христос, сказав: “Кто из вас без греха, пусть первый бросит в нее камень” (Ин.8, 7).

. Примечательно, что это один из трех евангельских эпизодов, который не встречается ни в рукописных Евангелиях, ни в цитатах ранее V века, - настолько подобный подход был нов и непривычен даже для христиан. Блаженный Августин, например, полагал, что этот эпизод специально был вставлен в Новый Завет “блудниками”, чтобы оправдать собственные грехи, и предлагал “выкинуть как сор” эти строки из Евангелия. Однако Церковь оставила их каноническими, посчитав, что они полностью отражают сам дух христианского учения.

Безусловно, принятие христианства не привело и не могло привести к установлению “тысячелетнего царства Божия” на земле. Оставались и жестокость, и социальная несправедливость, и эксплуатация одних людей другими. Мы не будем приводить богословское объяснение этого явления. Однако в одном из своих посланий апостол Павел четко подметил одно, очень характерное для человека качество: “Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю” (Рим.7, 19). Христианство показало новый путь не только всему человечеству, но и каждому человеку отдельно. Его постулаты, в том числе в отношении милосердия и оказания помощи ближнему, оказали очень большое влияние на отношение к нуждающимся и в целом на развитие системы социальной поддержки в христианских странах на много столетий вперед.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Как проблемы христианского милосердия нашли отражение в высказываниях известных раннехристианских богословов?
2. Что представляет собой ранняя христианская парадигма помощи?

Литература

1. Антология социальной работы / сост. М.В. Фирсов. Т.3. – М., 1995.
2. История социальной работы: учебник /под ред. В.И. Жукова. – М.: Изд-во РГСУ, 2011.
3. Мельников В.П., Холостова Е.И. История социальной работы в России: учебное пособие. – М.: Издательско-книготорговый центр «Маркетинг», 2001.

Тема 6. Развитие системы социальной поддержки нуждающихся в Средневековой Европе, Византии и Древней Руси

План

1. Средневековая европейская парадигма помощи и поддержки.
2. Особенности социальной поддержки в Средневековой Византии.
3. Средневековые традиции помощи и поддержки на Руси.
4. Княжеские традиции попечения о нуждающихся.

Как известно, после окончательной гибели в V в. Западной Римской империи на части ее территории образовалось несколько “варварских” королевств, часть же земель продолжала быть населена племенами, находившимися на пути к созданию собственных государственных образований. В западной истории этот период (от падения Рима до империи Карла Великого) принято называть “темными веками”, поскольку достоверных исторических сведений об этом периоде сохранилось сравнительно немного, почти не имеется сведений и о функционировании системы социальной поддержки в первых европейских средневековых государствах. Можно предположить на основании так называемой “Саллической правды” - сборника законов древних франков, что здесь доминировала общинная взаимопомощь, поскольку большинство “варваров” сохранило так называемые “общины-марки” с лично свободным населением. Определенной социальной поддержкой, преимущественно в городах, занималась церковь. После принятия христианства многими варварскими королями, церковь стала получать так называемую “десятину” - которую можно определить, как десятипроцентный налог с прибыли. Четверть этого налога, согласно церковным положениям, шла на помощь нищим и убогим.

Отметим что, в некоторых крупных городах Франции и Италии, где обладало большим влиянием духовенство и сохранялись элементы римской цивилизации, в эти века под эгидой Церкви основывались некоторые благотворительные учреждения. Так, еще в 545 г. в г. Лионе был открыт приют для бездомных, а в 787 г. в г. Милане - первый в Европе приют для подкинутых детей.

Положение несколько изменилось с IX - X вв., когда большинство крестьян в континентальной Европе (в отличие от Англии и, особенно, Скандинавии, почти не знавших классического крепостного права) попало в крепостную зависимость от феодалов, в том числе и церковных. Теперь и в сельских общинах, где появились собственные священники, общинная помощь стала дополняться церковной, причем некоторые церковные деятели прямо указывали на недопустимую эксплуатацию крестьян со стороны феодалов. Так, уже в XII столетии настоятель богатого и влиятельного Клунийского монастыря во Франции писал: “Всем ведомо, как светские сеньоры утесняют своих несвободных крестьян - мужчин и женщин. Не довольствуясь обычными их повинностями, они постоянно и без милосердия изъясляют притязания на самое их имущество вместе с их личностью и на самую их личность вместе с имуществом. И вот, сверх положенного, они трижды, четырежды и сколько им вздумается раз в году добро их расхищают, бессмысленными службами их утесняют и тяжкое невыносимое бремя на них налагают [13, С.169].

На это крестьяне отвечали многочисленными грозными восстаниями и массовым бегством от своих господ, пополняя ряды городских люмпенов лесных разбойников.

В подобных условиях крепнущая королевская власть была вынуждена вмешиваться в отношения феодалов и крепостных, желая хоть как-то облегчить участь последних. Французский король Людовик Святой пошел по пути упорядочения церковной поддержки в сельских общинах и связи ее с поддержкой государственной. В 1254 г. он издал указ, согласно которому в каждой общине необходимо было вести список бедных (обычно этим занимался местный священник - кюре, как едва ли не единственно грамотный человек) и организовывать соответствующую помощь им за счет средств общины и церковных сборов. Еще дальше пошел один из преемников Людовика X Святого - Филипп IV Красивый (один из известных персонажей популярных у нас романов Мориса Дрюона). Во время его правления крестьяне получили возможность за выкуп освободиться от личной крепостной зависимости. Конечно, столь серьезная реформа была подготовлена важными экономическими причинами и в значительной степени отвечала интересу большинства феодалов. Вместе с тем, освобождение крестьян от личной зависимости и превращение их в арендаторов, а то и владельцев определенных земельных наделов, можно рассматривать и как крупный акт социальной поддержки большей части населения в общегосударственном масштабе.

Обратимся к средневековым европейским городам. Здесь так же, как и в сельской общине, имели место элементы взаимной светской и негосударственной взаимопомощи. Ремесленные цеха, прямые наследники древнеримских городских профессиональных коллегий, оказывали определенную помощь своим членам, если те попадали в сложное материальное положение. Впрочем, эта помощь была избирательной и нерегулярной. Ремесленник, попавший в сложное материальное положение по личной вине, скорее исключался из цеха, чем получал поддержку. Однако и внутри самих цехов произошло определенное расслоение на сравнительно зажиточных и владевших мастерскими хозяев-мастеров и подмастерьев, проходивших у них обучение и нередко подвергавшихся эксплуатации со стороны хозяев. Такие подмастерья в свою очередь образовывали собственные союзы, внутри которых могли оказывать посильную помощь друг другу.

Впрочем, и городская купеческая верхушка вносила определенный вклад в дела милосердия. Здесь появились сравнительно небольшие религиозные братства мирян, которые самостоятельно занимались делами благотворительности, в том числе открытием различных приютов и богаделен, посещением больных и т.п. В 1256 г. Рейнский союз городов ввел у себя впервые в западноевропейской истории специальный светский налог в пользу бедных, за счет которого городские магистраты содержали различные благотворительные учреждения.

Однако основным видом социальной поддержки, явно доминировавшим в средневековом европейском обществе, была помощь, оказываемая католической церковью.

В предыдущей лекции мы рассматривали основные принципы церковного милосердия, зародившиеся еще в античную эпоху. В средневековой Европе они получили свое дальнейшее развитие как в области теории, так и практики. Обратимся к двум теоретическим аспектам данной проблемы. Во - первых, в развитии идей Иоанна Златоуста о том, что нищий есть необходимый член социума, поскольку подача ему милостыни помогает спасти душу обеспеченным людям, католическая церковь несколько идеализировала сам феномен нищенства и бедности. Особенно преуспел в этом итальянский монах, впоследствии причисленный к лику святых, Франциск Азисский (конец XII - начало XIII в.), образовавший специальный орден миноритов ("меньших братьев") - нищенствующих монахов, по молитвам которых должны были спасать свои души жертвователи. Все это привело к росту профессионального "светского" нищенства, благо условия жизни были весьма тяжелыми и люди из низших классов в одночасье могли лишиться всего своего имущества.

Центрами призрения таких нищих стали крупные храмы и богатые монастыри. В средневековой Европе «нищие у монастырских ворот окружались в идеологии и доктрине католичества своего рода ореолом, были своего рода божьими гражданами, частью картины тогдашнего патриархального строя, не отверженцами Бога и общества, а определенным сословием на общественной лестнице, наподобие того, как и проститутки имели своего святого, патрона-угодника» [48, С.90].

Впрочем, подобные богословские игры с "Мадонной Бедностью» закончились в XIV в. в Северной Италии народными движениями, призывающими, со ссылками на собственных «апостолов,» отнять у богатых имущество и «все поделить поровну». В результате толпами люмпенов и примкнувших к ним бедняков был разграблен ряд богатых итальянских городов, а восставшие разбиты и уничтожены. Схожие волнения происходили в этот период и во Франции. Сам же монашеский Орден францисканцев, идеологических последователей Франциска Азисского, перешел на более умеренные позиции и перестал проповедовать нищету как самое благое для человека состояние.

Другой особенностью теоретического осмысления христианского милосердия Западной церковью (в отличие от Восточной) стала идея о том, что мирянам пристойнее подавать милостыню не непосредственно нищим, а через церковные структуры, которые лучше справятся с этой задачей. С XII в. в католической церкви складывается убеждение, что владыкой всего церковного имущества является Папа Римский, и раздача милостыни становится все более централизованной. Коснулось это в первую очередь городов, поскольку в сельской местности довольно значимую роль продолжала играть внутриобщинная взаимопомощь. Центрами раздачи милостыни стали крупные и богатые монастыри. Следует заметить, что как в Западной, так и в Восточной Европе монастырским крестьянам в

экономическом плане жилось несколько легче, чем тем, которые находились в зависимости от светских феодалов.

В XII в. в Западной Европе происходит определенная “специализация” в делах милосердия у различных монашеских орденов: тринитариинцы посвящали себя освобождению пленных христиан у арабов, женский орден сепулькринок - воспитанию найденышей и помощи больным детям. Тогда же возникло и первое религиозное братство св. Бергарда, члены которого видели свою основную задачу не в пребывании в монастырях, а в мирском служении неимущим: помощи вдовам, сиротам, больным, умирающим.

Усилиями католической церкви в 40-х гг. XIII в. было создано специальное полумонашеское благотворительное “Общество милосердия”, куда могли вступать представители различных социальных слоев. Члены этого общества, следуя новозаветным принципам милосердия, ходили и осуществляли свою деятельность с закрытыми лицами. Помимо прямой подачи милостыни, они ухаживали за больными, помогали странникам и т.п. Можно предположить, что создание подобной структуры, хотя и под эгидой церкви, явилось прообразом многочисленных негосударственных светских благотворительных обществ, которые появились в Европе уже в XIX столетии.

Необходимо отметить, что церковная милостыня далеко не ограничивалась раздачей денег, продовольствия и имущества нищим и другим категориям нуждающихся, как регулярно, так и во время массовых бедствий. Какие же еще формы социальной поддержки практиковались церковью в средневековой Европе?

Во-первых, это было строительство различных больниц, которые нередко совмещали в себе функции странноприимных домов. К древнейшим лечебницам такого рода принадлежали следующие: госпиталь в Париже, построенный еще во времена Карла Великого (начало IX в.); больница святого Варфоломея в Лондоне, созданная в 1102 г.; больница в Риме, основанная папой Иннокентием в 1204 г., и ряд других подобных заведений. Во время эпидемий, особенно во время страшной эпидемии чумы середины XIV в., когда вымерла чуть ли не треть всего населения Европы, монахи ухаживали за больными и умирающими, оказывали им посильную медицинскую помощь и организовывали погребения умерших.

Во-вторых, еще в раннем средневековье в Европе, в частности в Париже, были созданы специальные воспитательные приюты для подкинутых детей и детей-сирот. Этой деятельностью, а также воспитанием подкидышей и сирот занимались различные монашеские ордена.

В-третьих, первые школы в Европе были созданы также церковью, зачастую при монастырях. Первой из них стала школа при монастыре, где настоятелем был Бенедикт Нурийский, основатель западного монашества. И в дальнейшем, особенно после

реформации, создание учебных заведений играло важную роль в благотворительной деятельности католической церкви, причем, дети из беднейших семей зачастую обучались там бесплатно, а иногда могли находиться и на полном пансионе.

Таким образом, в средневековой Западной Европе параллельно действовали три основных вида социальной поддержки:

- традиционная общинная взаимопомощь в деревнях, которая приняла своеобразную форму цеховой взаимопомощи в городах;

- церковная помощь в различных формах, причем, в городах она являлась доминирующей;

- централизованная государственная помощь, выражавшаяся, главным образом, в издании различных указов и эдиктов, в какой-то степени облегчавших экономическое положение бедных слоев населения.

Что касается последней, то определенный интерес для исследователя представляют также законодательные положения, запрещающие просить подаяние здоровым людям. В середине XIV в. такие законы почти одновременно были приняты во Франции и в Англии. Напомним, однако, что это был самый разгар Столетней войны между этими государствами и подобные законы, конечно же, почти не исполнялись, особенно во Франции, ставшей основным местом ведения боевых действий.

Отметим, что подобная картина наблюдалась и в средневековой Византии, однако здесь оказание социальной поддержки отличалось некоторыми особенностями, обусловленными особым путем развития и упадка этого государства.

Напомним, что Византийской империей была названа Восточная Римская империя (по имени своей столицы - города Византий, вскоре переименованного в Константинополь). Однако в европейской историографии старое название сохранилось за всей империей. Процесс становления феодального государства шел здесь иными путями, чем в Западной Европе, поскольку в Византии сохранились многие древнеримские традиции. Сельская община была здесь заметно слабее, чем на западе, и в тоже время многие крестьяне - бывшие рабы, колоны и иные категории населения, находились в меньшей зависимости от феодалов, чем на Западе, но в большей от государства, которому платили многочисленные налоги. В первой половине VI в. император Юстиниан I, известный законодатель, опубликовал новые и подтвердил ряд старых законов Римских императоров (начиная еще с Адриана), которые регламентировали налоговые сборы и ряд старых законов, направленных на защиту прав граждан. Он же запретил в законодательном порядке попрошайничать работоспособным людям. В Константинополе этот закон исполнялся жестче, чем в городах Западной Европы.

Вместе с тем, государственный налоговый гнет в Византии был заметно выше, чем на Западе. Некоторые императоры, приходившие к власти на волне народных волнений,

временно снижали налоги и принимали иные меры к облегчению положения беднейшей части населения, но спустя некоторое время, налоги вновь возрастали. В подобных условиях основной формой социальной поддержки в Византии стали церковная помощь и частная милостыня.

Помимо официальной церковной милостыни, раздававшейся Константинопольским патриархом и иными высшими иерархами церкви, в Византии широкое распространение получила благотворительная деятельность монастырей. Как и на Западе, они становились центрами социальной поддержки не только в периоды народных бедствий, но и оказывали помощь нуждающимся сравнительно регулярно. Особенно этим прославилось палестинское монашество, которое, в отличие от погруженных в мистическую созерцательную жизнь египетских и сирийских монахов, а, отчасти, и греческих, четко осознавало социальную роль Церкви как источника не только приобщения людей к вере, но и их материальной поддержки. Среди таких палестинских монахов можно назвать Евфимия Великого, Феодосия Кинвиарха, Савву Освященного и др. Последний особенно прославился, как создатель ксенодохий - странноприимных домов для странников и паломников. Известны и другие примеры, когда при византийских монастырях организовывались приюты, лечебницы и т.п. Уточним, что все эти процессы происходили на несколько сот лет раньше, чем в Западной Европе.

Существовали в самом Константинополе и общественные организации граждан, так называемые “димы”. Формально они объединяли сторонников различных “партий” при ипподроме и включали в себя лиц самого разного социального положения. Но внутри этих домов их членами оказывалась и помощь друг другу, иногда построенная по принципу “патрон -клиент”, а иногда как взаимопомощь равных по социальному положению лиц.

Впрочем, сама Византийская империя, за исключением всего нескольких кратковременных этапов подъема, находилась в состоянии перманентного упадка и под конец своего существования (первая половина XV в.) включала в себя лишь сам Константинополь с окрестностями и несколько полусамостоятельных областей в Греции. Вместе с тем, накопленную в течение тысячелетия культуру, в том числе и традиции социальной поддержки, Византия завещала самому мощному и единственному полностью независимому православному государству той эпохи - Руси.

При обращении к традициям социальной помощи в Древней Руси можно отметить, что они были довольно близки к западноевропейским, хотя возникновение новых форм поддержки отмечалось с “опозданием” на несколько столетий. Это, несомненно, было связано с тем фактом, что Русь приняла христианство лишь в 988 г., т.е. почти на 400 лет позже франков.

В дохристианский период социальная поддержка у восточнославянских племен имела по преимуществу внутриобщинную форму, которая рассматривалась в предыдущих разделах. В последние годы появилось достаточное количество научной литературы по истории социальной работы в России, где рассматриваются эти проблемы, поэтому остановимся на них кратко. Ситуация кардинально изменилась только после принятия христианства, причем это изменение произвело на умы современников такое впечатление, что Нестор-летописец, писавший всего сто лет спустя после крещения Руси) назвал образ жизни своих не столь отдаленных некрещеных предков “звериным обычаем”.

После крещения Руси князь Владимир, в подражание византийским императорам, стал проводить некоторые княжеские “мероприятия” по оказанию помощи нуждающимся: раздачу государственной милостыни и т.п. Особое впечатление на современников производили его регулярные огромные пиры, которые могли посещать все желающие, а для немощных и убогих, пищу развозили на телегах по всему Киеву. Но главными объектами княжеских милостей оставалась его главная опора - дружинники, которых он “ласкал без меры”.

Несколько по-иному повела себя Церковь. Более всего известно о благотворительной деятельности первого на Руси монастыря - Феодосьево-Печерского (ныне Киево-Печерская лавра), названного так по имени одного из первых его игуменов - Феодосия (XI в.), впоследствии причисленного к лику святых. “Близ самого монастыря Феодосий построил дом “нищим, слепым, хромым, трудоватым (больным)” с церковью во имя св. Стефана, и на содержание этой богадельни шла одна десятая всех монастырских доходов. Каждую субботу Феодосий посылает в город воз хлебов для заключенных в тюрьмах. Одно из слов святого - “О терпении и любви” - написано в поучение ропщущей братии, недовольной его неумеренной благотворительностью: “Лепо бо бяше (лучше бы было) нам от трудов своих кормиты убогия и странная, а не празним пребывати, преходите из келии в келию”[94, С.64].

Однако Феодосий, а также некоторые другие первые игумены монастыря занимались и другим видом социальной поддержки - они активно заступались за невинно осужденных простолюдинов и даже участников восстаний перед княжьими судьями и самими князьями. И такое заступничество иногда приносило успех. “Отец наш Феодосий многим заступник быть пред судьями и князи”, - писал Нестор-летописец. (там же, 65). Впоследствии лишь самые отважные русские иерархи будут заступаться перед властями за невинно осужденных, как это сделал, например, уже в XVI в. митрополит Московский Филипп (Колычев), публично обвинив Ивана Грозного в невинно пролитой крови.

В дальнейшем княжеско-церковная благотворительность на Руси продолжала развиваться. Строились училища, новые странноприимные дома, князья продолжали

снабжать нуждающихся в форме милостыни. До сих пор не решен вопрос, почему один из московских князей, Иван, носил прозвище Калита, т.е. Кошелек. То ли он собирал туда большие налоги, то ли постоянно носил с собой кошель для раздачи милостыни нищим. Не прекратилась, хотя и несколько снизилась, раздача княжеской и церковной милостыни даже в годы татаро-монгольского нашествия. Однако после свержения татарского ига возникли новые формы поддержки, например, выкуп за казенный счет пленных из татарской неволи.

Среди монастырских благотворителей особой известностью пользовался Иосиф Волоцкий, настоятель богатого подмосковного Волоколамского монастыря. Он собирал большие пожертвования от князей, бояр и богатых дворян, но значительную часть монастырской казны тратил именно на помощь бедным: от покупки скота и сельскохозяйственного инвентаря для обедневших крестьян, до помощи им продовольствием в дни голода и открытия приюта для сирот при монастыре. Как и в случае с Феодосием Печерским, подобная расточительность вызывала недовольство даже в среде самих монахов. “Всех не накормит, а нас переморит”, - говорили они. В результате Иосиф был вынужден на некоторое время покинуть монастырь и превратиться в нищего странника-монаха. Впрочем, братия вскоре раскаялась и призвала его обратно на игуменство.

Следует обратить особое внимание и на ту роль, которую сыграла христианизация Руси в развитии системы образования как одной из косвенных форм социальной поддержки. Становление системы различных школ и училищ в Древней Руси проходило достаточно сложно. Если мы имеем данные об их активной организации в конце X - начале XII вв. князьями Владимиром Святым, Ярославом Мудрым и Владимиром Мономахом, то позднее, уже во второй половине XII и, особенно в XIII столетии, число таких школ явно сократилось. Связано это было как с распадом раннефеодального и сравнительно централизованного государства - Киевской Руси - на отдельные, фактически самостоятельные княжества, так и с последствиями татаро-монгольского нашествия, когда многие очаги культуры – города - были сильно разрушены или просто уничтожены. Да и следующее, XIV столетие, когда сравнительно независимыми русскими городами оставались лишь Псков и Новгород, и только начиналось постепенное возвышение Московского княжества, было наполнено постоянными военными столкновениями с внешними врагами - татарами и литовцами и между самими русскими князьями. Хотя какие-то княжеские и частные училища в этот период, по всей видимости, функционировали, сведений об их деятельности сохранилось крайне мало.

Несколько по-иному сложилось положение с обучением и воспитанием, которое осуществлялось в монастырях. Следует различать два вида такого воспитания.

Во-первых, это различные монастырские училища, в которых обучались и послушники, и будущее белое духовенство - священнослужители, и дети мирян. Их

деятельность была во многом близка работе школ, о которых говорилось выше, хотя и с несколько большим уклоном в религиозное воспитание. Характерным примером подобного училища может служить уже упоминавшаяся школа для женщин, организованная Ефросиньей Полоцкой. Школа первоначально находилась при городской церкви (монахине Ефросинье было позволено проживать вне стен обители), а позднее при вновь созданном монастыре. Имеются сведения, что подобное женское учебное заведение было создано в начале XII в. сестрой Владимира Мономаха Анной, которая после неудачной попытки выйти замуж за наследника Византийского престола ушла в монахини и вскоре стала настоятельницей женского монастыря, при котором и было открыто училище. “Школы” для юношей имелись и при мужских монастырях. Об этом свидетельствует целый ряд данных, правда, как правило, косвенных и отрывочных. Так, например, из некоторых источников XIV - XVI вв. известно, что при монастырях находились дети и юноши-миряне, не готовившиеся поступать в монахи, желавшие научиться грамоте. (Вместе с тем, в одном из церковных документов второй половины XV в. держать таких учеников в обители прямо воспрещалось во избежание соблазна содомского греха.) В Житии преподобного Иосифа Волоцкого (вторая половина XV - начало XVI вв.) говорится, что он в богатом монастыре, где был настоятелем, организовал приют для 50-ти детей-сирот, в котором они воспитывались и обучались (94, с.180).

Впрочем, что касается просветительского значения древнерусских монастырей, то обычно у историков принято говорить о них в тонах положительных и оптимистических. Следует, однако, выражаться точнее. В западных монастырях от начала Бенедиктинского Устава (V в.) книжность и школьное просвещение являлись одними из прямых аскетических подвигов. Во-вторых, роль древнерусских монастырей в деле “общественного” воспитания всего российского социума далеко не ограничивалась деятельностью училищ, которые, в первую очередь, создавались для обучения грамоте и чтению книг. Думается, гораздо большая заслуга монашествовавших состояла в том, что сами они и старшие церковные иерархи (в подавляющем большинстве выходцы из монастырей) на протяжении нескольких веков занимали ведущее место в христианизации населения Руси в целом, т.е. постепенном формировании в сознании людей новой системы ценностей и норм поведения, отличных от традиционно языческих. Своеобразным окончанием этапа древнерусской благотворительности стал созыв церковного Стоглавого собора уже в начале правления Ивана Грозного (середина XVI в.). В числе прочих вопросов этот Собор решал и проблему социальной поддержки, прежде всего подачи милостыни. Собор констатировал, что на Руси появилось огромное количество нищих и рекомендовал самых здоровых из них принуждать к работе, а подавать только малолетним и больным. Все эти решения остались на бумаге, и реальная борьба с нищенством началась в России только в эпоху Петра I.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Охарактеризуйте основные виды социальной поддержки в Средневековой Европе.
2. Раскройте историческое значение княжеского нищелюбия в древней Руси.
3. Какова роль древнерусских монастырей в деле “общественного” воспитания всего русского социума?

Литература

1. Антология социальной работы / сост. М.В. Фирсов. Т.3. – М., 1995.
2. История социальной работы: учебник /под ред. В.И. Жукова. – М.: Изд-во РГСУ, 2011.
3. Мельников В.П., Холостова Е.И. История социальной работы в России: учебное пособие. – М.: Издательско-книготорговый центр «Маркетинг», 2001.

Тема 7. Католическая и протестантская концепции благотворительности

План

1. Особенности католической концепции благотворительности.
2. Виды социальной помощи в католических организациях.
3. Протестантские позиции в сфере благотворительности и их богословское обоснование.
4. Новые подходы к социальной поддержке в Новое время.

Различие католической и протестантской концепций благотворительности, особенно ярко проявившееся в XVI - XVII вв., основывается на серьезных расхождениях в некоторых вероучительных положениях этих двух христианских конфессий. Необходимо также учитывать, что Протестантство само по себе крайне неоднородно. Оно разделилось на несколько направлений спустя всего несколько десятков лет после своего возникновения и продолжало дробиться далее в сторону усиления радикализма отдельных своих сект. Отметим, что отношение к благотворительности у этих направлений протестантизма со временем менялось, что также необходимо учитывать при анализе отношения к социальной поддержке у представителей католиков и протестантов в различные века.

Считается, что православие - это христианство, мало изменившееся со времен античности; католичество - это христианство средневековья; а протестантизм - христианство Нового времени. Католическая благотворительность в средние века в принципе была довольно близка к благотворительности православной, практиковавшейся первыми христианами, но все же имела свои отличия, связанные с рядом особенностей католической конфессии.

Само слово “католичество” в переводе на русский язык с древнегреческого означает “соборность”. Заметим, что православная Церковь также именует себя соборной, или (на средневековом греческом) “кафолической”. Тем не менее, толкование этих терминов у разных конфессий различное. В католичестве соборность означает подчинение всей церковной организации римскому епископу, именуемому римским папой. На практике ему подчинялись все церковные организации: епископства, самостоятельные крупные монастыри и церковные ордена. В некоторые периоды папы активно претендовали и на светскую власть, полагая, что все их распоряжения обязательны для христианских королей. Однако в рассматриваемый нами исторический период (XVI в.) папство переживало глубокий кризис - в некоторые годы законно избранных пап было трое.

Тем не менее, отлаженная система католической благотворительности продолжала действовать и в XVI в., а в следующем столетии (в связи с так называемой контрреформацией) она даже усилилась. Католичество всегда подчеркивало важную социальную роль церкви. Кроме того, оно никогда не отказывалось от спасения (души) делом”. В евангельском послании апостола Иуды есть слова о том, что без дел вера мертва. Поэтому католическая церковь стремилась всячески помогать нуждающимся в самых различных формах.

Как уже было сказано выше, подобная помощь осуществлялась как в плане духовном (организация различных школ и т.п.), так и в материальном: (прямая раздача денежной и натуральной милостыни беднякам). В современной и дореволюционной отечественной литературе иногда пропагандировалось мнение о том, что католическая церковь прежде всего стремилась к накоплению собственных богатств и увеличению своей прямой и косвенной политической власти. Необходимо отметить, что такое мнение несколько односторонне. И у католиков были свои подвижники, щедро занимавшиеся делами благотворительности. Ими были и отдельные “князья церкви” - епископы, архиепископы, и кардиналы, и богатые монастыри, и церковные ордена. Интересен тот факт, что католические монахи, равно как и рыцари - члены рыцарских монашеских орденов (например, Тевтонского, называемого у нас обычно крестоносцами) давали обет личной бедности и далеко не все нарушали его. Пожертвованные деньги шли не только на

укрепление церковной власти и строительство храмов, но и на широкую благотворительность.

Даже продажа индульгенций, которую так критиковали протестанты и православные, отчасти способствовала благотворительности. Она имела свое богословское обоснование. Западное христианское богословие унаследовало от Древнего Рима определенную юридическую особенность мышления. Своеобразно толкуя некоторые библейские тексты и труды Отцов Церкви, западные богословы пришли к мысли о так называемых “сверхдолжных” заслугах святых. Смысл этой идеи заключался в том, что некоторые из святых имели столько заслуг перед Господом, что их хватало не только для спасения душ самих этих святых, но часть из них оставалась в “запасе” у Церкви, которая могла распорядиться ими по своему усмотрению. Как правило, именно сверхдолжными заслугами, а не решениями очередного папы “обеспечивались” индульгенции. Многие покупавшие их глубоко верующие католики действительно верили, что совершают “доброе дело” и отдают деньги на дела милосердия.

Как уже отмечалось, многие католические организации имели свои приюты для бездомных и госпитали, училища для детей из бедных семей; щедро раздавали денежную и натуральную милостыню. Подобная деятельность носила более или менее централизованный характер, что и отличало ее от той благотворительности, которая появилась позднее у протестантов.

Следует обратить внимание еще на одну особенность католической благотворительности, о которой обычно забывают или отзываются о ней с иронией. Речь идет о деятельности католических миссионеров в заморских колониях, захваченных Испанией и Португалией. Что бы ни говорили об эксплуатации индейцев Южной Америки и негров в некоторых странах Африки (эксплуатация была сильнейшая), миссионерская деятельность там сыграла и свою положительную роль. Во-первых, это связано с прекращением очень распространенных там, особенно у ацтеков, человеческих жертвоприношений. У Иосифа Бродского есть такое стихотворение:

“Я был в Мексике. Взбирался на пирамиды ...

Что б они рассказали, если б заговорили?

Ничего. В лучшем случае о победах

над соседним племенем, о разбитых

головах. О том, что слитая в миску

Богу Солнца людская кровь укрепляет

в последнем мышцу;

что вечерняя кровь восьми молодых и сильных

обеспечивает восход лучше, чем будильник.

Все-таки лучше сифилис, лучше жерла
единорогов Кортеса, чем эта жертва.

Если вам глаза скормить суждено воронам,
лучше, если убийца - убийца, а не астроном”

Важно, что человеческие жертвоприношения в колонизированных землях были искоренены именно под влиянием католической церкви.

Во-вторых, индейцы специальной папской буллой были признаны такими же людьми, как и белые. Их крестили, и они формально стали равны с колонизаторами. Вот как описывает эту ситуацию Л.Н.Гумилев: “Испанцы заставили ... индейцев работать в своих гасиендах, очень сильно эксплуатировали их, загнали их в серебряные рудники, но таких издевательств, какие индейцы терпели раньше от местных своих властителей, испанцы не допускали. Вместе с тем, испанцы привезли сюда скот, вьючных животных, облегчили передвижение для индейцев, они учили крещеных индейцев грамоте, а инкским и ацтекским вождям давали титул дон, т.е. причисляли к дворянству, и те не платили налогов.” [18, С.163].

. В результате до настоящего времени почти все страны Латинской Америки остаются католическими и влияние Церкви там значительно, чем в США и Канаде, колонизированных протестантами. Напомним, что в середине XIX в. первым демократически избранным президентом Мексиканской республики стал адвокат Бенито Хуарес - чистокровный индеец, воспитанник католической миссии. Трудно представить себе североамериканского индейца в роли одного из отцов-основателей США.

Перейдем теперь к рассмотрению протестантских позиций в сфере благотворительности и их богословскому обоснованию. Принято считать, что основателем протестантизма был Мартин Лютер, обнародовавший во втором десятилетии XVI в. свои знаменитые тезисы. Фактически он был лишь продолжателем некоторых идей чеха Я. Гуса и англичанина Д. Виклифа, однако именно Лютер положил начало той реформации, которая позднее охватила почти половину Европы. В чем же состоял его “протест” против католицизма?

Лютер обвинил церковную иерархию во главе с папой во многих грехах и потребовал резкого снижения ее роли в церковных делах. Но главное состояло не в этом. Лютер выдвинул тезис о так называемом “оправдании верой” (*sole fide*). Имелось в виду оправдание души человека на Страшном Суде. Что же касается “добрых дел”, без которых, по словам апостола Иуды, “вера мертва”, то Лютер долго не знал, как поступить с этой цитатой. Он даже предполагал убрать ее из Нового Завета как позднейшую фальшивую “папистскую” вставку. Подобное понимание основного способа спасения души предполагало довольно серьезные последствия.

Известно, что в католичестве, равно как и в православии, одним из обязательных условий спасения души является “жизнь в Церкви”, включающая участие в церковных таинствах, прежде всего в исповеди и принятии причастия, происходящих с участием священника, через которого и происходит снисхождение Святого Духа на человека. Лютер же посчитал таковые обряды чисто символическими, а роль священника свел к функциям проповедника и церковного администратора. Хотя в лютеранской (протестантской) церкви и сохранились епископы, их роль стала также чисто административной. (У католиков и православных только епископы имеют право рукоположения в священники. Через “рукоположение” высших церковных иерархов и епископов, как преемников апостолов, на человека снисходит особая благодать, позволяющая ему выполнять обязанности священника и совершать таинства.)

Таким образом, Лютер утверждал, что главная роль в спасении своей души ложится на самого верующего. Отсюда следовало, что только личное (индивидуальное) духовное усилие способно привести к главной для христианина цели - спасению своей души. В подобной ситуации роль отдельно взятой личности заметно возрастала. Для того чтобы “правильно” верить, человек должен был не только слушать проповедников, но и самостоятельно читать и осмысливать Библию, а для этого необходимо было знать грамоту. В Европе именно с именем Лютера связана идея о всеобщем обязательном начальном образовании, которую он изложил в письме к бургомистрам немецких протестантских городов.

С другой стороны, протестантскими теологами не одобрялась подача безразборчивой милостыни, столь распространенная у католиков и православных, а сами нищие осуждались. Для спасения души нельзя “откупиться” от Господа, приобретая индульгенцию или отдавая деньги незнакомому попрошайке, который, вероятно, их просто пропьет. (Напомним, что Иоанн Златоуст утверждал иное): если протестант хочет действительно помочь человеку, он должен просветить его душу. Однако нищие бесплатно отказывались слушать протестантские морализаторские проповеди.

Выступал Лютер и против монастырей – мест сборищ ленивых и жадных монахов (хотя первоначально и сам он был монахом). Пожалуй, только материальная помощь внутри протестантской общины не осуждалась: в общине все хорошо знали друг друга и могли правильно оценить, попал ли человек в сложное материальное положение из-за собственных дурных наклонностей или в силу внешних, не зависящих от него обстоятельств. Поэтому именно помощь внутри церковной общины стала первоначально доминировать в протестантской среде.

Лютер же отстаивал идею о том, что работоспособные нищие должны трудиться и самостоятельно зарабатывать себе на пропитание: общественной поддержки достойны

только неработоспособные. Нищих детей он предлагал учить различным ремеслам, чтобы впоследствии они смогли сами себя обеспечивать. Впрочем, идея о привлечении работоспособных нуждающихся к труду, даже насильственным путем, не была его изобретением. Известно, например, что еще в первой половине XIII в. на Руси епископ Владимирский обязал здоровых нищих, попрошайничавших около городских храмов, работать на церковных огородах.

Протестантство (лютеранство) достаточно быстро распространилось на севере Европы, захватив часть германских княжеств, Швецию и Англию, где оно получило название англиканства. Более того, в лютеранство перешел церковный рыцарский Орден крестоносцев, который базировался в Пруссии. Магистр Ордена сложил с себя священническое звание, женился и стал наследственным герцогом Пруссии (она находилась тогда в вассальной зависимости от Польши), а его рыцари-монахи - светскими баронами и дворянами.

Однако у Лютера нашлись более радикально настроенные, чем он сам, последователи. Самым известным из них стал француз Жан Кальвин, обосновавшийся в Женеве и вскоре фактически ставший править ею. Если учение Лютера было главным образом “протестом”, откуда и возникло название “протестанты”, то Кальвин произвел настоящую “реформу” церкви, дав название всему движению Реформации. Известны и более радикальные проповедники, чем сам Кальвин, например, Иоанн Лейденский и ряд других, которые призывали к уравниванию имущества и, даже, общности жен. Так, в немецком городе Майнце, где некоторое время фактически правил Иоанн, были разграблены дома богатых горожан, а их имущество поделено между бедняками. Для установления окончательного равенства, в том числе и в сфере образования, были сожжены все библиотеки. Впрочем, общины столь радикальных реформаторов вскоре были ликвидированы воинской силой.

Кальвинисты (во Франции их называли гугенотами, а в Англии - пуританами) пришли к выводу, что посмертная судьба каждого человека предопределена заранее. Это объяснялось следующим образом: Бог есть Абсолют, он всеведущ и предвидит посмертный удел каждого христианина. Следовательно, есть небольшое число лиц, которые заведомо спасутся и попадут в рай, а все остальные - в ад. Самому человеку не дано такого дара предвидения. Однако он может получить косвенное подтверждение собственной избранности: во-первых, за счет принадлежности к кальвинистской общине и глубокого знания Библии и, во-вторых, за счет успешного ведения собственных земных дел (более подробно эта концепция изложена в известной книге М.Вебера “Протестантская этика и дух капитализма”).

Ранние кальвинисты практически не занимались благотворительностью. Они были уверены, что если человек обнищал, то он в чем-то согрешил и явно не попадает в категорию

избранных. Кроме того, среди радикальных протестантов огромной популярностью пользовался именно Ветхий Завет с его идеями избранности “народа Божьего”, каковым себя и считали представители этих сект, иногда именовавшихся “Новый Израиль”. Оттуда же они почерпнули идею греховности потомков грешника до седьмого колена, наказание детей за грехи отцов, нетерпимое отношение ко всем инакомыслящим и право на их истребление и т.п.

Во время правления Кальвина из Женевы всех нищих изгнали, а подавать им милостыню считалось большим грехом. Равным образом относились к нищим и пуританские сторонники О.Кромвеля в Англии. У пуритан и близких к ним по убеждениям радикальных протестантов чрезвычайно высоко ценилась личная инициатива и предприимчивость человека, его самостоятельное умение зарабатывать деньги и обеспечивать свою семью. При этом не особо поощрялось безразборчивое обогащение - человек, в соответствии с заповедями Моисея, должен быть честным и не “желать имущества ближнего своего”. Впрочем, под ближними понимались, прежде всего, единоверцы. В отношении же лиц, исповедующих другую веру, даже христиан-католиков, допускались грабежи и всяческое насилие. Достаточно вспомнить поведение кромвелевских солдат при завоевании католической Ирландии или отношение колонистов в Северной Америке к коренному населению - индейцам-язычникам.

Безусловно, наиболее ярко проявился социальный идеал пуритан при устройстве ими в начале XVII в. первых колоний-поселений в Северной Америке. Сохранился ряд документов, регламентирующих жизнь этих поселений. Там наряду со свободными колонистами фрименами были и нанятые ими в Англии слуги - сервенты, чье положение мало отличалось от положения рабов, хотя эти сервенты зачастую принадлежали к той же секте. Единственное отличие от рабов состояло в том, что, как и в Древней Иудее, сервентов должны были через семь лет отпустить на волю. Отметим, что в одном из первых документов, составленных в колонии, на месте которой возник город Бостон, пояснялось: “Каждый сервент, который служил верно и добросовестно своему хозяину семь лет, не должен быть отпущен безо всего; если же он не проявил верности, добросовестности и усердия на своей службе - при хорошем обращении с ним хозяина, он не будет отпущен на свободу, пока власти не сочтут, что он выполнил свои обязанности” [82, С.129].

. Иные статьи этого документа подробно перечисляют обязанности сервентов в отношении своих хозяев. Известно, что положение сервентов - христиан-пуритан - в пуританской же общине было весьма тяжелым. Ни о какой любви к ближнему здесь речи не шло. Пуритане считали, что они живут по заветам раннехристианских общин, но фактически у них господствовали законы Древней Иудеи.

Через определенное время многие протестанты, даже самые радикальные, пересмотрели свое отношение к благотворительности. Однако подобная благотворительность носила прежде всего миссионерский и просветительский характер, а затем - вид материальной поддержки нуждающихся. Особенно этим прославились баптисты - секта, отколовшаяся от американских пуритан еще в XVII столетии. Само название секты, которое можно перевести, как “крестители”, указывало на то, что баптисты крестили своих единомышленников во взрослом возрасте, когда человек уже осознанно принимал новое учение. (в России до революции баптистов называли штундистами; в последние годы они сами предпочитают именовать себя “евангельскими христианами”.) В XVIII в. в США ими был создан “Проповеднический союз”, который начал создавать “дома для призрения сирот, стариков, школы и баптистские курсы, больницы” [82, С.95].

Другая протестантская секта, активно занимающаяся благотворительной деятельностью - методисты. Секта возникла в Англии в XVIII в., отколовшись от официальной англиканской (лютеранской) церкви. Методисты, в отличие от многих других протестантских сект, догматически признают, что для спасения души необходимы “добрые дела”. Однако благотворительность методистов, как и других протестантов, носит прежде всего миссионерско-морализаторский характер, когда своим личным примером праведной жизни они пытаются воздействовать на лиц с асоциальным поведением. Впрочем, в последние десятилетия методисты занялись и материальной поддержкой нуждающихся.

От крайних протестантов откололись и такие секты, которые уже приобрели явно антихристианскую направленность. Это, например, “Свидетели Иеговы”. Достаточно указать лишь на то, что они не верят в бессмертие души человека, но взамен обещают построить “тысячелетнее царство Бога на Земле”, в котором будут решены все социальные вопросы. Бескорыстной благотворительностью сторонники этой секты практически не занимаются, переключившись преимущественно на миссионерскую деятельность.

Существуют и иные протестантские секты: полу-христианские или чисто антихристианские, которые пытаются вести свою пропаганду, сочетая ее с оказанием потенциальным прозелитам определенной материальной помощи. Они достаточно далеко ушли даже от лютеранства и пытаются вербовать своих сторонников самыми разнообразными способами: от участия в медитациях и иных видах трансперсонального воздействия на подсознание до денежных подачек. Большинство из них можно отнести к разряду тоталитарных, поскольку в своей внутренней политике они весьма агрессивны, поэтому к рассказам различных уличных проповедников и зазывал, обильно появившихся ныне на улицах разных городов нашей страны, необходимо относиться с крайней осторожностью.

Если же в целом сравнивать подходы католичества и протестантизма к проблемам благотворительности, то можно отметить следующее:

1. У католиков первоначально наблюдалось сочетание нравственной и материальной помощи нуждающимся. Здесь, как и у православных, широко практиковалась безразборчивая милостыня, когда просящего “не расспрашивали”, что он за человек. Католическая материальная поддержка проводилась сравнительно организованно через церковные учреждения. Подобный подход имел как свои позитивные, так и негативные стороны. Он, например, приводил к росту профессионального нищенства, на что обращали внимание протестанты, а впоследствии и представители философии Просвещения. Вместе с тем, подобная организованная и централизованная материальная поддержка нуждающимся помогала многим элементарно выжить в условиях постоянных войн и периодических неурожаев.

2. У протестантов различных толков на первых порах благотворительность осуществлялась или внутри общины (лютеране) или проявлялась вообще очень слабо (кальвинисты), поскольку вина за бедственное положение возлагалась прежде всего на самого человека с его пороками (ленью, безынициативностью, пьянством и т.п. И впоследствии протестантская благотворительность, несмотря на свою материальную составляющую, носила прежде всего миссионерско-просветительский характер, когда нуждающегося пытались “переделать” духовно, а не снабдить его средствами к существованию.

3. Впоследствии оба этих подхода - католический и протестантский - начали испытывать тягу к сближению. Но некоторые отличия между ними продолжают существовать и в наши дни.

Под Новым временем в традиционной отечественной исторической науке обычно понимают период второй половины XV - XVII вв. Общая характеристика этой эпохи связана с постепенным отмиранием феодального способа производства и феодальных традиций и становлением новых, раннекапиталистических отношений в наиболее передовых и развитых странах Европы. В западной историографии этот исторический период иногда именуют временем Реформации и Контрреформации, указывая на идеологическую подоплеку проходивших в ту эпоху войн и иных событий.

Новое время было весьма бурной эпохой. Старые идеологические представления в этот период менялись на принципиально новые, что, частично, нашло отражение в протестантской идеологии. Вместе с тем, и католичество сумело найти достойный ответ на вызовы времени, укрепиться внутренне и выработать новые формы отношения с мирянами, в том числе в сфере образования и социальной поддержки. Было бы неверным считать этот период малорелигиозным. Напротив, религиозность основной части населения была ничуть

не меньше, чем в Средние века, а религиозный фанатизм, равно протестантский и католический, приводил к бесчисленным кровавым жертвам. Именно в Новое время в результате ожесточенных религиозных войн и оттока некоторой части населения во вновь приобретенные колонии, население Европы, особенно Центральной, вновь уменьшилось. Именно эта эпоха явилась для Европы временем не только географических и смелых научных открытий, но и временем расцвета инквизиции, причем протестанты здесь “успешно” соревновались с католиками.

Как же отразились все эти события на организации социальной помощи? Прежде всего следует отметить, что в результате многочисленных межрелигиозных войн (особенно так называемой Тридцатилетней войны первой половины XVII в.), сопровождавшихся разрушениями и грабежами мирного населения, а также экономических кризисов, связанных с переходом к новому способу производства, значительно ухудшилось материальное положение значительной части народа во многих странах. Одна Германия в результате Тридцатилетней войны, закончившейся в 1648 г., потеряла до трех четвертей своего населения. Так, перед войной здесь насчитывалось около 16 миллионов человек, а после войны - всего около 4 миллионов” [34, С.150].

В подобных условиях какая-либо эффективная социальная помощь была практически невозможна.

Начнем с католических стран. Самой мощной из них в этот период была Испания. В 1480 г. с падением Гранады, последнего оплота арабов (мавров) на Пиренейском полуострове, закончилась длившаяся несколько столетий Реконкиста, т.е. война за освобождение Испании от мавров. И уже в течение ближайших десятилетий Испания резко активизирует свою деятельность по захвату новых земель преимущественно в Новом Свете. Туда отправляются оставшиеся без средств к существованию, обедневшие дворяне-идальго, солдаты-наемники и разного рода бедные авантюристы в надежде на скорое обогащение. В какой-то степени здесь повторилась ситуация, описанная еще Аристотелем в повествовании о новых колониях Карфагена. Государству удалось избавиться от нескольких десятков тысяч социально активных, но явно нуждающихся подданных, предоставив им возможность получать доходы в новых землях. Большая часть этих авантюристов погибла, но некоторые сумели разбогатеть. Кроме того, американские колонии становятся на два столетия поставщиками драгоценных металлов для Испании. Впрочем, большинство этих денег не пошло на развитие экономики и решение социальных проблем, а было растрчено в многочисленных религиозных войнах в самой Европе.

Отметим, что фактически только двум странам - Испании и Португалии - в XVI - начале XVII столетия удавалось (отчасти) решать свои социальные вопросы за счет эксплуатации колоний и переселения туда части нуждающегося собственного населения.

Именно они обладали в этот период самым крупным океанским флотом и успели захватить наиболее “выгодные” земли как в Новом Свете, так и в Юго-Западной Азии. Папа римский даже специальной буллой, изданной в начале XVI в., разделил весь нехристианский мир между Испанией и Португалией по одному из меридианов. По этому разделу Испании доставалась почти вся Америка (кроме Бразилии), а Португалии - восточные земли в Азии. Почти все попытки, предпринятые Англией и Францией в конце XVI - начале XVII вв. устроить свои колонии в Новом Свете, в том числе и в Северной Америке, фактически закончились провалом. Успешная колонизация этими державами Североамериканского континента началась только в 30-е гг. XVII столетия и изначально продвигалась достаточно медленно.

Впрочем, в западноевропейских странах Средиземноморья, прежде всего в Испании, в XVI столетии возникло еще одно направление социальной поддержки, связанное с выкупом рабов-христиан из турецкой неволи. Турецкие и алжирские пиратские корабли в течение этого столетия буквально терроризировали европейское мореплавание в Средиземном море и территории ближайшего побережья, захватывая пленных и обращая их в рабов в Северной Африке. Миссию по сбору средств для выкупа этих пленных и сам выкуп взяла на себя католическая церковь. Отметим, что именно таким образом был выкуплен из неволи известный испанский писатель Мигель Сервантес.

Традиционной же помощью нуждающимся в этих странах по-прежнему занималась католическая церковь в привычных для нее формах.

Достаточно сложным было положение с социальной помощью во Франции, которая во второй половине XVI столетия вступила в период нестабильности, закончившийся только с приходом к власти короля Генриха IV Наваррского. В первой половине XVI столетия в Европе, в том числе и во Франции, наступила так называемая “революция цен”, связанная с резким обесцениванием серебряной монеты из-за ввоза испанцами в Европу огромного количества серебра из Центральной и Южной Америки. Инфляция ударила прежде всего по самым нуждающимся слоям населения, и число нищих заметно возросло. В этот же период во Франции впервые произошло событие, имевшее впоследствии огромное значение для социальной жизни всей Западной Европы. В стране увеличилось число мануфактур, однако заработная плата рабочих здесь устанавливалась местными органами власти и была крайне невелика. Желая удержать наемную рабочую силу, король Франциск I издал указ о запрещении нарушать сроки контрактов и приравнял ушедших рабочих к “бродягам”, грозя им тюремным заключением. В ответ в некоторых крупных городах (по образцу союзов подмастерьев, о которых мы упоминали выше) были созданы союзы (“братства”) наемных рабочих, отдаленные прообразы современных западных профсоюзов. Члены этих «братств» оказывали друг другу различные виды поддержки и пытались отстаивать свои права перед

предпринимателями. Впрочем, достаточно скоро особым королевским указом они были распущены.

В период правления Франциска I, желавшего избежать социального взрыва и как-то улучшить положение неимущих, в стране в очередной раз были предприняты попытки скоординировать действия церкви и государства по социальной поддержке самых нуждающихся слоев населения. По королевскому указу 1536 г. все нетрудоспособные нищие должны были быть занесены в специальные общинные книги и под контролем кюре получать регулярную “пенсию”. Для этой цели кюре разрешалось собирать специальный налог с прихожан. Однако в середине XVI столетия во Франции в разгар смуты и межконфессиональных кровавых столкновений подобная деятельность оказалась свернутой. Нельзя сказать, что социальная помощь в этот период в стране исчезла полностью. Однако старались помогать только “своим”: католики - католикам, гугеноты - гугенотам. Число объектов подобной поддержки заметно увеличилось.

И только с приходом к власти Генриха IV социальная поддержка в стране вновь несколько стабилизировалась. Сам король стремился возродить и упрочить экономическое положение простого народа Франции. Именно ему принадлежат слова о том что бы каждый крестьянин имел возможность по воскресеньям есть курицу. В стране, по королевскому указу, был значительно снижен общий подоходный налог (талья), что позволило стабилизировать экономику и несколько улучшить положение беднейших слоев населения. Генрих IV король своим указом 1597 г. ввел обязательную материальную поддержку детей родителями, а престарелых родителей - детьми. Если ранее это было лишь христианской этической нормой, то теперь стало государственным законом. После прекращения межрелигиозных войн, закончившихся победой католиков, католическая церковь вновь усилила свою благотворительную деятельность.

Сумела контрреформация дать достойный ответ Реформации и в сфере благотворительности, в первую очередь, в области народного просвещения. Это сделал орден иезуитов. По замечанию Гумилева, в конце XVI в. “в орден вошло много монахов, которые посвятили себя школьному образованию. Они стали учить детей и в ряде стран, в частности в Испании, отчасти во Франции и в Италии, им удалось остановить развитие протестантизма”. Иезуиты смогли остановить Реформацию в том же XVI столетии и в Польше, причем, в первую очередь, делами милосердия. Мало симпатизировавший католицизму российский историк Н.И.Костомаров писал: “Никто столько не показывал дел милосердия и любви, как иезуиты; ни от кого бедный и страждущий не видел такого радушного участия и материальной помощи, как от иезуитов. Во время моровых поветрий (эпидемий) иезуиты с опасностью для жизни ухаживали за больными. Никто так же не

отличался благочестием, скромностью и бескорыстием, никто так скоро не выучивал отданных в учение детей и не выпускал их с видимыми признаками мудрости” [42, С.33].

По- иному сложилась ситуация с поддержкой нуждающихся в Германии, принявшей лютеранство. В результате нескольких войн между протестантами и католиками на землях Германии был провозглашен принцип: “Чья власть, того и вера”, означавший, что княжество, курфюршество или самостоятельное архиепископство принимает ту веру, которой придерживается его глава. Таким образом, Германия оказалась раздробленной на несколько десятков небольших самостоятельных государств, одни из которых были протестантскими, а другие - католическими. В католических государствах в целом сохранялись старые средневековые принципы оказания социальной поддержки. Исключением стало разве лишь то, что введение в некоторых из них специального “налога на бедных”, из которого централизованно оказывалась помощь особо нуждающимся. Большую роль в деле милосердия продолжали здесь играть и институты католической церкви.

Что же касается протестантских государств Германии, то, в соответствии с лютеранской концепцией, помощь нуждающимся здесь попытались переложить на городские и сельские общины. В ряде своих посланий к главам этих государств Лютер попытался дать практические рекомендации по осуществлению поддержки нуждающихся. Он резко высказывался против бродячих нищих и рекомендовал каждой общине приписать к себе “своих” нищих и изгонять “чужих”. Равным образом в “Уставе общественной кружки” (1523 г.) Лютер регламентирует общественные сборы на помощь неимущим нищим и воспитание нищих-детей, которые должны совершаться за счет пожертвований членов общины под руководством пастора. “С Реформацией начина-ют формироваться два основных подхода по регламентации профессионального нищенства: локализация данного явления при помощи законов и возложение на гражданское общество соответствующих налогов и сборов” [92, С.16-17]..

Важно, что на практике, особенно в очень тяжелых для Германии и наполненных войнами XVI и первой половине XVII вв., эти рекомендации выполнялись далеко не всегда. Не все общины желали “приписывать” к себе нищих и за собственный счет оказывать им помощь. Несколько успешнее подобная деятельность была организована в протестантской Швеции, на территории которой не было войн, а достаточно зажиточные общины могли позволить себе заботиться о нищих и неимущих. Кроме того, не совсем понятно было, что делать с работоспособными нищими, когда найти для них работу не удавалось. В XVII столетии и в Германии, и в Англии появились первые “рабочие дома”, но условия пребывания в них были очень тяжелыми, и многие предпочитали убежать оттуда.

В связи с изменившимся отношением к работоспособным нищим в протестантских странах они начали подвергаться репрессиям со стороны государства. Так, в некоторых

германских княжествах пойманных взрослых и здоровых попрошаек в XVII - XVIII вв. насильно зачисляли в солдаты или отправляли на тяжелые физические работы, фактически - на каторгу. В самом начале XVIII столетия, практически в эпоху раннего Просвещения, в Ганновере был принят закон, согласно которому попавшегося в первый раз работоспособного нищего отправляли на некоторое время на тяжелые работы. Если он попадался во второй раз, его секли плетью и клеймили, а в третий раз - вешали, даже если за ним не числилось иных преступлений кроме попрошайничества. Отметим, что это было лишь повторение английского закона первой половины XVI в., если учесть, что в начале XVIII столетия Ганновер находился в династическом союзе с Англией.

Обратимся к английским законам, принятым в первой половине XVI в., во время правления первого протестантского короля Англии Генриха VIII Тюдора. Впрочем, возможно, это было вызвано не только влиянием протестантизма, но и личностью самого короля, неуравновешенного и крайне жестокого человека, периодически казнившего своих жен и главных сановников (при нем был казнен канцлер Томас Мор, осмелившийся публично не одобрить указ об очередном королевском разводе).

Так называемые “тюдоровские” законы о нищих, сохранившиеся и при дочери Генриха, знаменитой английской королеве Елизавете I, стали чуть ли не образцом самого жестокого отношения к нищим и бродягам. В Англии (еще задолго до Тюдоров) в 1349 г. был принят парламентский акт о разрешении деятельности светских благотворительных организаций, однако последующая война Алой и Белой Розы фактически прервала подобную деятельность. Вместе с тем, нищих и бродяг государство не преследовало, если они не совершали уголовных преступлений. Англия продолжала оставаться преимущественно сельскохозяйственной страной без классического крепостного права. В таких условиях общинная взаимопомощь, дополненная церковной, оказывалась весьма эффективной. С 30-х гг. XVI в. положение изменилось.

После разрыва Англии с католичеством все земли монастырей и иерархов церкви были конфискованы в королевскую казну, а затем проданы всем желающим по невысокой цене: такие земли в Англии составляли: треть от всего земельного фонда. Одновременно католическая церковь лишилась материальной возможности оказывать социальную поддержку нуждающимся. В тот же период в Англии весьма выгодным стало производство шерстяного сукна из овечьей шерсти, поэтому новые владельцы под разными предлогами сгоняли крестьян с земли с целью устроить там овечьи пастбища. Именно этот процесс имел в виду Томас Мор, когда писал, что в Англии “овцы съели людей”. Равным образом и традиционное “домашнее” производство сукна в деревне оказалось не в состоянии конкурировать с крупным мануфактурным. В результате значительная часть крестьян оказалась без средств к существованию и превратилась в люмпенов, скитающихся по

дорогам или живших случайными заработками в крупных городах. Современник в 1550 г. писал о Лондоне: “сколько бедных, слабых, хромых, слепых, увечных, больных, к которым примешиваются и праздные бродяги и негодные преступники, лежат и ползают, прося милостыню на грязных улицах” [13, С.326].

. В одном только Лондоне подобных люмпенов насчитывалось около 50-ти тысяч, что составляло большую цифру для страны с населением всего в несколько миллионов человек.

Английское правительство, чувствуя себя достаточно сильным после подавления нескольких крестьянских восстаний, проходивших под католическими лозунгами, никак не помогало этим людям. Напротив, был принят ряд жестоких законов, направленных на борьбу с попрошайничеством. Заметим, что он касался только здоровых и работоспособных нищих. Старым и больным бродягам милостыню собирать официально разрешалось. Так, по закону 1531 г. такие люди должны были получать специальную “лицензию” на право просить милостыню.

К “тюдоровским” законам, направленным на борьбу с побирательством работоспособных людей, можно отнести следующие:

- бичевание пойманного нищего и взятие с него клятвенного обещания “возвратиться на родину и приняться за труд”;

- при повторном задержании такого человека - бичевание и отрезание уха, а при задержании в третий раз - повешение;

- в середине XVI столетия был принят еще один закон, согласно которому уклонявшийся от работы бродяга на время отдавался в рабство (в буквальном смысле этого слова) тому, кто на него донесет. Хозяин имел право принуждать его плетью ко всякой работе, продавать, завещать и т.п. В случае побега такого раба клеймили и отдавали в рабство навечно, а при серии побегов - казнили, как государственного преступника;

- в 1563 г., уже при Елизавете, был издан более “гуманный”, так называемый “закон о подмастерьях”. Он обязывал каждого человека в возрасте от 20-ти до 60-ти лет, не имевшего определенных занятий, работать у того человека, кто пожелает его нанять. До истечения срока контракта наемнику запрещалось покидать хозяина. Продолжительность рабочего дня и сумма оплаты устанавливались местным мировым судьей. Работали, как правило, “от рассвета до заката”, а зарплата была мизерной.

Подобные законы продержались, по крайней мере, формально, в Англии до середины XVIII столетия. Чем же можно объяснить их появление? Представляется, что на это было, как минимум, несколько основных причин:

- во-первых, лютеранская идеология постоянно подчеркивала личную ответственность человека за свою судьбу, причем не только посмертную, но и земную.

Бедность пытались объяснить ленью, отсутствием личной инициативы, склонностью к алкоголю и т.п. Конечно, могли быть и внешние неблагоприятные обстоятельства, но человек с верой в Бога и “Божьей помощью” должен был суметь преодолеть их упорным трудом. Если он не мог этого сделать, виной были его собственные грехи. Подобная идеология, заметим, надолго пережила классическое лютеранство. Ее следы можно найти и в работах философов Просвещения. Отметим, что лютеранство не в меньшей степени, чем чисто светская феодальная идеология, несло в себе идею человеческого неравенства, в том числе и перед Богом. Поэтому принудить “ближнего своего” к работе насильственно и наказать его за “лень” считалось вполне допустимым. Таким образом, идеологическая основа появления жестоких законов против нищих появляется в этот исторический период вполне закономерно;

- во-вторых, были и экономические причины подобных правительственных действий. В период бурного развития английского капитализма, в частности изготовления качественного и сравнительно недорогого, конкурентоспособного сукна, проблема дешевой рабочей силы стояла достаточно остро. Англии необходимо было экономически победить своих основных конкурентов в этой сфере: Голландию и Испанию, - что она в результате и сделала. Весьма привлекательным для новой буржуазии и нового дворянства, - джентри, было быстрое накопление первоначального капитала, который незамедлительно нужно было быстро пустить в оборот. Для накопления такого капитала требовались дешевые рабочие, и промышленность их получала за счет разорившихся крестьян, не только готовых, но и обязанных работать за гроши. Кроме того, в XVI столетии у Англии еще не было колоний, куда можно было бы отправить этих “лишних” людей. Уже в следующем, XVII в. а особенно в XVIII вв. десятки и сотни тысяч неимущих, но социально активных англичан нашли свои силы применения в колониях, сначала в Ирландии, где в сущности повторилось разорение и даже физическое уничтожение ирландского крестьянства; в Северной Америке, а затем и в Австралии. Кроме того, английское королевское правительство во второй половине XVI в. вело ожесточенную борьбу с Испанией, прибыли от которой были огромны, и “отвлекаться” на эффективную социальную поддержку у него просто не оставалось ни времени, ни сил.

Следует также сказать, что действие и сам дух “тюдоровских” законов о бедных существовали еще долго после их формальной отмены. Достаточно тяжелое положение английского беднейшего городского населения продолжалось еще несколько столетий, вплоть до 30-х гг. XIX в., когда в результате ожесточенной политической борьбы оно несколько улучшилось.

Подводя итоги развития форм социальной поддержки в XVI - XVII вв., мы можем отметить, что это было достаточно сложное время, может быть, даже более трудное для беднейшей части населения, чем в Средние века. Однако именно в Новое время появились

принципиально новые подходы к социальной работе: четкая градация нуждающихся на работоспособных и неработоспособных и активная борьба с профессиональным нищенством. Этот подход практиковался прежде всего в протестантских странах. Постепенно эти элементы стали проникать в традиционно католические страны и даже в Россию.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Сравните подходы католичества и протестантизма к проблемам благотворительности.
2. Какие виды католической материальной поддержки существовали в этот период?
3. Охарактеризуйте новые подходы к социальной помощи в Новое время.

Литература

1. Антология социальной работы /сост. М.В. Фирсов. Т.3. – М., 1995.
2. История социальной работы: учебник /под ред. В.И. Жукова. – М.: Изд-во РГСУ, 2011.
3. Мельников В.П., Холостова Е.И. История социальной работы в России: учебное пособие. – М.: Издательско-книготорговый центр «Маркетинг», 2001.

Тема 8. Философы Просвещения о целях и задачах социальной помощи

План

1. Влияние философии Просвещения на внутреннюю политику ведущих европейских стран XVIII столетия.
2. Идеология раннего английского Просвещения в трудах Д. Локка.
3. Представители французского Просвещения о проблемах социальной помощи (Ш. Монтескье).

Основная направленность философской мысли эпохи Просвещения связана с “борьбой за установление “царства разума”, основанного на “естественном равенстве”, за политическую Свободу и гражданское равенство”[39].

Важнейшими путями для достижения этой цели считалось распространение в народе знаний и установление “справедливых” законов, которые могли бы обеспечить достойное существование каждого человека в отдельности и всего общества в целом. Кроме того, подобные законы обеспечивали бы соответствующее социальное воспитание, способное формировать образованных и добродетельных людей. Обращались философы Просвещения и к проблемам социальной поддержки. Однако их в первую очередь интересовали вопросы: откуда берется бедность, являются ли ее причиной личностные качества отдельного человека или существующие несправедливые социальные порядки? Только ответив на них, философы давали свои рекомендации по наиболее эффективной организации социальной поддержки.

Следует отметить, что философия Просвещения - явление достаточно сложное и неоднородное. У ее представителей были различные воззрения на многие аспекты человеческого бытия, в том числе и на сущность социальной помощи. Поэтому в нашей работе мы остановимся на взглядах нескольких известных философов Просвещения, живших в разных странах и в разное время.

Следует подчеркнуть, что философия и идеология Просвещения оказали значительное влияние на внутреннюю политику ведущих европейских стран XVIII столетия. Выдающиеся монархи времен “просвещенного” абсолютизма, такие как Фридрих II в Пруссии, Иосиф II в Австрии, Екатерина II в России, руководствовались этой идеологией в выработке принципов государственной жизни. Определенное (хотя и меньшее) влияние эта идеология оказала на положение дел в Англии, Франции, германских княжествах и скандинавских странах. Значительно слабее было ее влияние в экономически отсталых Испании и итальянских государствах, где были весьма сильны позиции католической церкви. К последней многие философы Просвещения относились крайне негативно: Вольтер называл ее “гадиной”, а Дидро полагал, что православие оставляет людям гораздо больше внутренней свободы, чем католицизм. Все это, безусловно, отразилось на понимании и обустройстве социальной помощи.

Необходимо уточнить, что в каждой стране формы и методы поддержки нуждающихся, предлагавшиеся идеологией Просвещения, имели свою специфику. Первоначально мы остановимся на идеологии раннего английского Просвещения, ярким представителем которого стал известный мыслитель и педагог Джон Локк, живший во второй половине XVII - начале XVIII в: именно в его работах тесно переплелись протестантские и “просвещенческие” идеи.

Дж. Локк, сын кромвелевского офицера, ярого пуританина по убеждениям, получил соответствующее воспитание. Что касается личных религиозных пристрастий самого Локка, этот вопрос остается практически закрытым: известно только, что материалистом и атеистом (как об этом писали в отечественных учебниках советского периода) он не был. В творчестве

Локка, в том числе в его размышлениях об обществе и собственности, достаточно ярко проглядывают элементы именно протестантских воззрений.

В своей работе “Два трактата о правлении” Локк пытался ответить на вопросы о происхождении собственности и социального неравенства. Собственность Локк считал неотъемлемым правом любого человека, в основе же собственности лежит личный труд. “Труд его (человека) тела и работа его рук по самому строгому счету принадлежат ему. Что бы тогда человек ни извлекал из того состояния, в котором природа этот предмет создала и сохранила, он сочетает его со своим трудом и присоединяет к нему нечто, принадлежащее лично ему, и тем самым делает его своей собственностью” [21, С.277].

. К такой собственности философ относит и землю, которую человек обрабатывает. По мнению Локка, одни люди более трудолюбивы и сумели скопить большую собственность, чем другие. Для доказательства этого тезиса приводятся и богословские доводы: “Бог отдал мир всем людям сообща, но так, как он отдал им его для их блага и удобства, ... то нельзя предположить, будто бы он хотел, чтобы мир всегда оставался в общем владении и невозделанным. Он дал его для того, чтобы им пользовались прилежные и рассудительные (и труд давал им право на это), а не для прихоти или алчности сварливых и вздорных” [21, С.280].

Таким образом, Локк в основу благосостояния людей ставит прилежность и трудолюбие их самих и их предков. Если же человек не имеет собственности, то в этом виноват он сам со своими грехами, леностью и т.п. Этот подход весьма напоминал позицию кальвинистов в отношении неимущих. Мысль о том, что человек - хозяин своей судьбы, настолько доминирует у Локка, что нищенское существование неудачников его просто не интересует.

Впрочем, философ осуждал несправедливое стяжание богатства ради богатства, если в его основе не лежит честный труд. В своей ранней работе (1664 г.) - “Опыты о законе природы” он задавал вопрос: “Является ли личная выгода каждого человека основанием закона природы?” и отвечал: “Нет, не является” (21, с. 47). С точки зрения Локка, противопоставление личных выгод интересам общества, когда это связано с обманом, насилием и иными грехами, указанными в Библии, аморально и не может служить законным средством приобретения собственности. Гарантом соблюдения прав человека и главного из них, права на собственность, Локк полагал божественный закон (нашедший отражение в людских законах), которого должен придерживаться монарх, как правитель и все остальные члены общества.

Вместе с тем, английский мыслитель, - человек своего времени, - вполне оправдывал рабство, в которое человек попадает в качестве военнопленного. Это трактовалось следующим образом: победитель, захватывая пленного, становится хозяином его жизни и

смерти и таким образом приобретает этого человека в собственность. Можно предположить, что таким образом Локк оправдывал работорговлю неграми, приносящую англичанам в этот период большие доходы. Заметим, что сам Локк к концу жизни стал весьма состоятельным человеком и даже выступил одним из соучредителей английского государственного банка.

Несколько по-иному подходили к проблемам богатства, бедности, собственности и помощи неимущим представители французского Просвещения, творившие несколькими десятилетиями позже Локка в абсолютистской Франции. Из всех философов Французского Просвещения (именно во Франции в XVIII столетии эта школа была наиболее сильной), пожалуй, Ш. Монтескье наиболее подробно рассматривал проблемы социальной помощи. В своей известной книге “О духе законов” (1748 г.) он посвятил вопросам социальной помощи специальную главу, назвав ее “О богадельнях”, под которыми подразумевал любые благотворительные заведения.

Книга Монтескье включает в себя рассуждения о законах, существовавших в различных странах на разных исторических этапах, и соответствующие морализаторские выводы автора о достоинствах и недостатках этих законов. По мнению французских философов Просвещения, для достижения гармонии в человеческом обществе достаточно его “просветить”, т.е. принять соответствующие законы, образовать граждан и тем самым обеспечить их разумное, добродетельное поведение. В этом случае все социальные вопросы решаются сами собой. Огромная роль отводилась всемогущему человеческому Разуму, который способен выработать совершенные правила, по которым должно жить государство и общество. Поискам таких законов в разных государствах и эпохах и была посвящена книга Монтескье.

Отправной точкой его рассуждений о происхождении бедности и попрошайничества стал следующий постулат: “Бедность проистекает не от того, что человек ничего не имеет, а от того, что он не работает” [53, С.528].

. В этом Монтескье вполне солидарен с пуританином и индивидуалистом Локком. Однако далее следуют выводы, навеянные уже сознанием бывшего католика, знатного аристократа, государственного чиновника и подданного абсолютной монархии. Следовательно, полагал Монтескье, необходимо создать такие условия, в которых здоровый человек будет работать, а старые и больные не станут просить милостыню и тем самым подавать дурной пример работоспособным. Обязанность обеспечить такие условия лежит на государстве. “... На нем лежит долг обеспечить всех граждан верными средствами к жизни: пищей, приличной одеждой” [53, С.529]. и тем самым обеспечить старым и больным одиноким людям достойные условия существования. Таким образом, Монтескье выступал за создание сети благотворительных заведений для одиноких неработоспособных под

контролем государства. Впрочем, эта проблема не являлась главной в его рассуждениях о принципах социальной поддержки.

Наиболее важным для Монтескье было уничтожение попрошайничества среди работоспособных, широко распространенного в его время. Одну из причин этого он видел в широкой раздаче милостыни и существовании разного рода благотворительных заведений, в которых кормились вполне здоровые люди. Такие заведения (богадельни), по его мнению, приучали к лени, а она вела к бедности государства в целом. Главной причиной создавшейся ситуации Монтескье считал широкое распространение безразборчивой католической благотворительности и приводил конкретные примеры.

Так, он весьма высоко отзывался об английском короле Генрихе VIII, разогнавшем монастыри и состоявшие при них богоугодные заведения. “Он, - писал Монтескье, - уничтожил богадельни, где простой народ находил средства к существованию. После этого преобразования в Англии водворился дух торговли и промышленности” [53, С.530].

. При этом автор забывал указать, что в результате подобных действий Генриха значительная часть английского крестьянства оказалась на грани нищеты. Благополучной и любимой им за конституционное устройство Англии, Монтескье противопоставлял отсталое и застойное Папское государство. “В Риме, благодаря богадельням, все пользуются довольством, за исключением тех, кто работает...”, - утверждал он (там же).

Рассматривал Монтескье и такую ситуацию, в которой отдельный человек или целая социальная группа внезапно впадали в бедность, теряли источники доходов и т.п. В этом случае государство обязано немедленно прийти им на помощь, причем допускалось использование различных средств: от временного помещения в государственный рабочий дом до выдачи беспроцентных ссуд. Такой подход объяснялся Монтескье двумя главными причинами:

- человек не должен длительное время пребывать в бедственном состоянии и быть нахлебником, иначе это может войти в привычку;

- необходимо предотвратить возможные социальные выступления бедняков и беспорядки.

В силу крайне негативного отношения к католицизму вообще, Монтескье предполагал передать все вопросы социальной помощи в руки светских властей. Таким образом, предлагался достаточно рациональный, хотя и очень наивный метод борьбы с бедностью. Некоторые идеи Монтескье, особенно о государственном характере социальной поддержки и предоставлении экстренной помощи внезапно потерявшим работу, использовались в законодательстве отдельных стран, в первую очередь, Пруссии, России и Австрии.

Отметим, что среди философов-французов, современников Монтескье, полностью его идеи разделяли далеко не все. Более радикальной позиции придерживался, например, Ж.Ж.Руссо (хотя его и трудно отнести непосредственно к сторонникам Просвещения). В своем трактате “О политической экономии” Руссо утверждал, что одной из важнейших задач государства является направленная политика на предупреждение бедности, равно как и излишнего богатства граждан в целом. “Только в отношении людей со средним достатком законы действуют со всей своей силой; они в равной мере бессильны и против сокровищ богача, и против нищеты бедняка ... Вот почему одно из важных дел правительства: ... не воздвигать приюты для бедных, но ограждать граждан от возможности превращения в бедняков» [78, С.96].

. В этих словах явно чувствуется влияние платоновской утопии о возможности создания идеального государства.

Некоторые философы Просвещения пошли еще дальше, хотя у них редко встречались прямые призывы к революции, они требовали коренной перестройки всей законодательной системы на основании “разума”. Впрочем, наиболее радикальные из них, например, Гольбах, были готовы и на крайние меры. “Несчастья народов влекут за собой революцию; среди людей, ожесточенных бедствиями, начинаются брожения, и неизбежным результатом этого являются государственные катастрофы ... Если народы доведены до отчаяния и совершенно несчастны, то у них есть последнее средство - оружие; и с риском гибели они могут попытаться положить конец своим страданиям” [13, С.566].

. Отметим, что подобные заявления в работах классических философов Французского Просвещения встречались довольно редко.

Делая выводы о роли философии Просвещения, следует отметить, что ее англосаксонские представители, даже не будучи убежденными протестантами (от Д. Локка до Б. Франклина), возлагали надежды на благополучие социума в индивидуальном трудолюбии и инициативе отдельных лиц. Профессиональное попрошайничество, особенно здоровых и работоспособных людей, ими порицалось, и они не видели в них достойных объектов помощи общества.

Известно, что представителей французского Просвещения проблемы социальной поддержки и социального неравенства в целом привлекали, и они предлагали собственные подходы к решению этой проблемы. Многие из них, порицая леность и праздность нищих и бродяг, полагали, что именно государство должно издать такие законы (и гарантировать их исполнение), согласно которых, человек, попавший в нужду не из-за собственных прегрешений, а в силу по независящих от него обстоятельств, мог бы получить поддержку от государства и общества, чтобы вновь зажить нормальной социальной жизнью и самостоятельно себя обеспечивать. Кроме того, практически все французские философы

этой эпохи резко осуждали католическую церковь за ее безразборчивую благотворительность, полагая, что именно раздача незаработанных денег является причиной профессионального попрошайничества и “развращает” бедняков, отталкивая их от занятий производительным трудом.

В наиболее “чистом” виде воплотить в жизнь подобные концепции социальной поддержки беднейших слоев населения попытались в конце XVIII столетия деятели Великой французской революции.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Проанализируйте вопросы о происхождении собственности и социального неравенства в работе Д. Локка “Два трактата о правлении».
2. Дайте характеристику взглядам Ш. Монтескье на проблему социальной помощи (книга «О духе законов»).

Литература

1. Антология социальной работы /сост. М.В. Фирсов. Т.3. – М., 1995.
2. История социальной работы: учебник /Под ред. В.И. Жукова. – М.: Изд-во РГСУ, 2011.
3. Мельников В.П., Холостова Е.И. История социальной работы в России: учебное пособие – М.: Издательско-книготорговый центр «Маркетинг», 2001. Циткилов П.Я. История социальной работы. – Ростов – н/Д, 2006.

Тема 9. Система социальной поддержки в ведущих странах Западной Европы на рубеже XVIII-XIX вв.

План

1. Влияние идей эпохи Просвещения на формирование новых подходов к организации социальной помощи нуждающимся.
2. Концепты прав человека и развитие идеологии социальной благотворительности в европейских странах.
3. Влияние идей Французской революции на становление системы помощи и поддержки.
4. Создание многоуровневой системы социальной поддержки в государствах Европы в конце XVIII - начале XIX вв.

В европейских государствах, где “просвещенный абсолютизм” проявился наиболее ярко (Пруссия, Австрия, Россия), под влиянием некоторых идей философии Просвещения была предпринята попытка создать централизованную государственную систему социальной поддержки, для которой общинная помощь служила бы лишь дополнением. Так, например, при Фридрихе II (середина XVIII в.) в Пруссии предполагалось всех нуждающихся делить на две основные категории: тех, кто получает помощь в своем приходе, и тех, кто помещается в муниципальные благотворительные учреждения. Государственные власти должны были контролировать всю эту деятельность.

Нечто подобное предпринималось и в Австрии в конце XVIII столетия (полное официальное название этого государства до начала XIX в. Священная Римская империя германской нации) “просвещенным” императором Иосифом II. Впрочем, в католической Австрии, приходская помощь не играла такой важной роли, как в протестантской Пруссии. Здесь продолжали действовать многочисленные церковные благотворительные заведения, которые дополнялись с 1778 г. сетью государственных приютов, богаделен и работных домов. Тремя годами ранее была создана система Приказов общественного призрения и в России. Вместе с тем, во всех этих странах существовали законы, запрещающие бродяжничество и профессиональное нищенство, хотя строже всего они были опять же в протестантской Пруссии.

Несколько иным путем развивалась социальная работа в Англии. До середины XVIII в. здесь продолжала действовать децентрализованная система общественной помощи, возникшая еще в начале XVII в. Основная забота по оказанию помощи, по-прежнему возлагалась на общины и магистраты, которые оказывали материальную поддержку “своим” нуждающимся, создавали приюты, работные дома (первый из них был организован в Бристоле еще в 1679 г.) и т.п. Государство брало на себя и карательные функции по отношению к работоспособным нищим, не желавшим идти в работные дома. Законы против бродяг, хотя уже и не предусматривали смертной казни, но оставались достаточно суровыми. Особенностью Англии в деле трудоустройства работоспособных неимущих стала возможность постепенной эмиграции их в колонии Нового и Старого Света. Если в конце XVII столетия в Северную Америку переселялись преимущественно представители радикальных протестантских сект, а английские владения в Азии и Океании были еще незначительными, то к середине XVIII в. положение изменилось. Значительная часть не востребовавшихся в метрополии лиц получила возможность покинуть ее и переселиться в заморские владения.

Целый ряд разнообразных причин, в первую очередь значительные финансовые возможности государства, сравнительно либеральные общественные настроения и возможность эмиграции социально-активных неимущих привели к тому, что в конце XVIII в. в

Англии были приняты уникальные для Европы той эпохи законы по борьбе с бедностью. Согласно законам 1782 и 1796 гг., было отменено принудительное привлечение к труду в работных домах. Эти заведения были перепрофилированы в богадельни и приюты для одиноких неработоспособных стариков и инвалидов. Многим нуждающимся, в том числе и работоспособным, материальная поддержка (за счет органов местного самоуправления) стала оказываться по месту жительства. Однако совершенно новым в деле социальной помощи во всей Европе стал английский закон 1795 г. о добавочной заработной плате.

Согласно этому закону, принятому в 1795 г., (во время правления тори (консерваторов) во главе с У. Питтом), для каждой местности устанавливалась минимальная заработная плата, обеспечивавшая прокормление семей. Если работник не мог заработать всю эту сумму, то недостающая часть должна была доплачиваться ему за счет органов местного самоуправления. Необходимо отметить, что закон этот был вынужденным. Ухудшение положения беднейших слоев населения Англии, вызванное постоянными войнами, в первую очередь с революционной Францией, привело к многочисленным акциям протеста: от многотысячных митингов в Лондоне до разграбления продовольственных складов и восстаний на флоте. Правительство опасалось влияния революционных идей, шедших из Франции и получивших распространение среди значительной части английского общества. В подобных условиях закон о дополнительной плате был призван несколько сгладить социальные противоречия и предотвратить прямые бунты. Необходимо отметить, что принятие подобного закона могла позволить себе лишь самая богатая из всех европейских стран - Англия.

Однако впоследствии эти действия себя не оправдали и были подвергнуты критике. Во-первых, резко возросли местные налоги в пользу бедных. Во-вторых, возможность получения незаработанных денег не способствовала стремлению трудиться у самих нуждающихся. В-третьих, не было возможности обеспечить этими деньгами всех бедняков, да и сама минимальная заработная плата была столь мала, что не могла реально облегчить положение всех нуждающихся. После окончания наполеоновских войн и некоторой экономической и политической стабилизации закон был отменен (1834 г.).

Весьма специфичным было развитие социальной помощи в абсолютистской королевской Франции. Здесь по-прежнему продолжали активно действовать многочисленные церковные благотворительные организации и государственные "госпитали", т.е. богадельни, например, знаменитый Инвалидный дом для солдат-инвалидов в Париже (впоследствии расширенный Наполеоном), созданный еще в 1662 г. и рассчитанный на 4000 мест. В канун революции, в 1789 г., монахи ордена бернардинцев в одной из епархий в течение полутора месяцев снабжали продовольствием свыше 1000 человек. В дополнение к церковной помощи законом 1774 г. были организованы специальные государственные "дома призрения нищих". Их создание входило в комплекс

экономических реформ, разработанных генеральным контролером финансов Тюрго, видным экономистом и последователем философов Французского Просвещения. Фактически это были работные дома для принудительного привлечения к труду и “перевоспитания” бродяг и профессиональных попрошайек. Впрочем, их деятельность, как и во многих других европейских государствах, была крайне неэффективной, поскольку профессиональные нищие трудиться не желали, а разыскать их всех и заставить работать было крайне сложно.

Уже перед самой революцией первый министр Людовика XVI, либерально настроенный Неккер, попытался кардинально реформировать всю систему социальной поддержки во Франции. Эти действия были вызваны в первую очередь значительным ухудшением положения беднейшей части населения страны. Он предлагал расширить церковно-приходскую помощь, причем в случае необходимости эта деятельность могла частично финансироваться государством. В Париже по инициативе Неккера были созданы так называемые “общественные мастерские”, куда могли приходиться и изготавливать свои изделия безработные ремесленники. Однако общий финансовый кризис государства и неконкурентоспособность дорогостоящих “общественных мастерских” не позволили оказать реальную помощь безработным.

Наиболее интересными следует признать те формы социальной помощи, которые возникли во второй половине XVIII в. в некоторых мелких германских государствах, прежде всего в вольном (так называемом “имперском”, т.е. формально находившемся в составе Священной Римской империи на правах самостоятельного административного образования, но фактически независимом) городе Гамбурге.

В первой половине XVIII в. в большинстве германских государств существовала традиционная система социальной помощи. Этим обязаны были заниматься церковные общины и муниципальные власти. В большинстве этих государств, особенно протестантских, существовали репрессивные законы по отношению к нищим и бродягам, а также специальные исправительные заведения для их перевоспитания и принудительного привлечения к труду.

Однако после крупного голода в Германии (1772-1773 гг.) во многих городах стали образовываться так называемые негосударственные “патриотические” светские благотворительные общества, ставившие своей задачей помощь нуждающимся соотечественникам. В 1788 г. подобное общество было создано и в Гамбурге. Основателями его стали ученый-экономист Бюш и купец Фогт. Прежде чем перейти к описанию принципов деятельности этой организации, необходимо становиться на тех идеологических предпосылках, которыми руководствовались учредители.

Философия Просвещения в Германии в XVIII столетии имела некоторые особенности по сравнению с “классической” французской. Крупнейшим ее представителем

был Готхольд Эфраим Лессинг (1729-1781 гг.). Его взгляды, равно как и других представителей Германского Просвещения, были связаны больше с этическими проблемами, чем с утилитарным решением конкретных социальных задач, как, например, у Ш.Монтескье. Лессинг полагал, что постепенно человечество может прийти к созданию идеального общества, однако это зависит не только от научного, но и от нравственного “просвещения”. Недаром высшую стадию развития человечества он называл “вечным евангелием”, где отношения между людьми будут зависеть не только от действия разумных законов, но и от гармонически развитого, гуманного внутреннего состояния самих людей.

Подобные настроения получили в конце XVIII в. широкое распространение в Германии. Именно здесь брал начало немецкий сентиментализм и, в какой-то степени? романтизм. Гуманное отношение к нуждающимся, искреннее желание помочь людям, а не воспитать “новую породу” (как предполагал И.И.Бецкой), лежало в основе деятельности Гамбургского общества. Однако способы такой помощи оставались лишь “просветительскими”: т.е. поддержка неработоспособных и предоставление работы тем, кто мог ее выполнять.

Первоначально Бюш и Фогт создали в Гамбурге “Общий дом призрения для бедных”, где оказывалась помощь нетрудоспособным и предоставлялась работа здоровым. В Обществе работали 180 попечителей, которые должны были заниматься индивидуальной поддержкой и контролем поведения призреваемых. В основу социальной помощи был положен следующий принцип: “каждый бедняк должен зарабатывать столько, сколько он может. То, чего он не заработает для своего содержания, будет дано ему в виде милостыни”. Однако размер этого денежного вспоможения был ограничен: “бедняк получает лишь то, чего он не может, а не то, чего он не хочет заработать” (105, с. 335).

В первое десятилетие деятельности общества результаты были блестящими. Его финансирование шло главным образом за счет частных пожертвований, а они были весьма велики. В городе открылось несколько фабрик и два профессиональных училища (ткацкое и техническое) для бедняков. Число официально зарегистрированных нуждающихся упало в Гамбурге с 7 до 3-х тысяч человек. Более того, многие из призреваемых сумели встать на ноги и отказаться от помощи общества. В тот же период их число уменьшилось. В отчете Общества за 1791 г. появились слова: “В Гамбурге больше не существует уличных нищих, терпеть нужду в Гамбурге невозможно” (там же).

Гамбургское благотворительное общество пользовалось широкой известностью в Европе. С его руководителями совещались австрийский император Иосиф II и Наполеон. В рескрипте российского императора Александра I об учреждении Человеколюбивого общества - первой в России крупной благотворительной организации (1802 г.), имеются слова: “действовать как в Гамбурге”.

Однако уже в самом начале XIX в. дела Общества заметно пошатнулись. Безусловно, одной из причин этого стали наполеоновские войны и оккупация города войсками маршала Даву. Гамбург и прилегающая к нему местность получили у французов новое, весьма характерное наименование - "Область 32-ой дивизии". Содержание этой дивизии, новые налоги, континентальная блокада (т.е. запрещение французскими властями торговли с Англией) - все эти факторы существенно повлияли на размер добровольных пожертвований в пользу бедных, которые заметно снизились. Но, по мнению многих исследователей истории социальной работы, не эти причины стали доминирующими в постепенном прекращении деятельности Гамбургского общества.

Как любая общественная организация, Общество во многом держалось на энтузиазме жителей Гамбурга, как жертвователей, так и добровольных попечителей. Общественные настроения 80-х гг. XVIII в. в Германии активно способствовали возникновению подобного энтузиазма. Его закрепили первоначальные успехи. Однако в городе всегда существовала определенная часть нуждающихся, желавших лишь получить помощь и не стремившихся к самостоятельным заработкам (по данным конца XIX в., в обычных экономических условиях в Германии это было 3-5 % от общего числа работоспособного населения). Именно на этих лиц воспитательные меры практически не оказывали воздействия, а строгих законов, наказывавших за тунеядство, в Гамбурге в то время не существовало.

Падению общественного энтузиазма в деле благотворительности способствовало отсутствие окончательных позитивных результатов в деле борьбы с нищенством, которое, несмотря на бодрые заверения, сделанные в 1791 г., продолжало иметь место. В 1801 г. Гамбургское благотворительное общество стало испытывать дефицит в средствах. Организованные им фабрики, в силу больших расходов на них, не смогли конкурировать с другими аналогичными предприятиями и без внешних субсидий достаточно быстро разорились. "Идеальный подъем гуманных идей, как бы высоко его ни ценить, ... ничего не может поделать в борьбе с действительностью». Так пессимистически характеризовалось положение дел в Гамбургском благотворительном обществе в период завершения и полного прекращения его деятельности [105, С.322].

Подобные процессы, хотя и в меньших масштабах, происходили во многих других германских городах, где в конце XVIII столетия были созданы светские благотворительные общественные организации.

Что же касается католических и экономически отсталых стран Юга Европы, то в них продолжала доминировать церковная помощь и процветала безразборчивая милостыня, хотя веяния эпохи Просвещения коснулись их. В Испании, Португалии, государствах Италии предпринимались определенные, иногда успешные попытки ограничить роль католической

церкви, особенно монашеских орденов, в деле оказания социальной поддержки. В частности, это было связано с роспуском Иезуитского ордена (1773 г.) и всех его благотворительных заведений (достаточно скоро орден был снова восстановлен).

Таким образом, эпоха Просвещения была связана с коренными изменениями в деле социальной помощи во многих европейских государствах. Главной особенностью этих изменений стала идея о необходимости предоставления работы трудоспособным нуждающимся как панацеи от всех социальных бед. Предполагалось, что достаточно воспитать, “просветить” этих нуждающихся, и они смогут самостоятельно зарабатывать себе на жизнь. Заботу же о неработоспособных одиноких лицах должны взять на себя общественные организации под контролем государства или само государство.

Однако выполнение этой программы в “чистом” виде не было обеспечено ни в одной из стран. Наиболее последовательно в этой области пыталась действовать Екатерина II в России. Тем не менее, именно в XVIII столетии под явным влиянием идеологии Просвещения получили развитие такие формы социальной поддержки, как выплата пособий, создание светских благотворительных обществ и разного рода касс взаимопомощи и, наконец, попытки обеспечить возможность трудиться работоспособным лицам. В последний раз попытка создать систему социальной поддержки непосредственно на основе идей Просвещения была предпринята в революционной Франции в конце XVIII - начале XIX вв.

Идеология Французской революции во многом базировалась на взглядах философов-просветителей, хотя и обладала определенными особенностями, связанными с новым, революционным миропониманием. В полной мере это отразилось и на новых подходах к проблемам социальной работы. В Конституции 1791 г., подготовленной сравнительно умеренными революционерами, призрение бедных объявлялось государственной задачей. Для практического решения вопросов социальной помощи Национальным собранием был организован “Комитет для искоренения нищенства”. Отметим определенную категоричность в самом его названии: предполагалось, что в новых условиях (с установлением конституционной формы правления) нищенство, как порождение королевской деспотии, удастся “искоренить” в короткие сроки и на вечные времена.

Комитет предлагал сосредоточить все усилия, прежде всего, на профилактической работе по предотвращению обнищания людей. “Правительству следовало заботиться более о том, чтобы предупредить общественную нищету”, - говорилось в одном из его документов. Предлагалось снизить налоги, поддержать национальную промышленность, использовать все те же “Общественные мастерские”, переименованные в “Национальные мастерские”. Однако на практике все эти меры не могли способствовать кардинальному решению проблемы помощи безработным даже в центре революции - Париже, не говоря уже о провинции.

В более радикальных тонах представлялось дело социальной поддержки в известной “Декларации прав человека и гражданина”, где утверждалось, что “общественное призвание бедных - священный долг всех граждан”. Та же мысль нашла отражение и в новой, уже якобинской Конституции 1793 г. “Общество обязано оказать своим несчастным гражданам поддержку, путем ли доставления им работы, путем ли наделения средствами к существованию тех, которые не в состоянии работать” (105, с. 326). Безусловно, это было повторение основных идей Монтескье, которые попытались осуществить на практике в “чистом” виде.

В стране была практически разрушена старая, дореволюционная система благотворительных заведений, особенно церковных. Бедность была объявлена “исчадием монархии”, а употребление слова “милостыня” вообще запрещено, как позорящее достоинство “человека и гражданина”. Вместо этого предлагались все те же “национальные мастерские” и работные дома, которые следовало организовать в каждом департаменте Французской республики.

В качестве помощи одиноким неработоспособным лицам, новой властью была предложена система государственных пенсий. Всех этих лиц следовало занести в особую “Книгу общественной благотворительности” и ежегодно, в день взятия Бастилии, выплачивать им определенные денежные суммы. Подобные пенсии действительно пытались выдавать, в том числе и потерявшим работу трудоспособным лицам. Однако выпуск революционным правительством ничем не обеспеченных ассигнаций привел лишь к росту инфляции. В 1795 г. умеренные термидорианцы, сменившие у власти наиболее радикально настроенных якобинцев во главе с Робеспьером, были вынуждены возвратиться к старой, дореволюционной системе социальной поддержки, разрешив деятельность церковных благотворительных организаций.

Уничтожить нищенство во Франции раз и навсегда попытался и император Наполеон. Свою концепцию в этой области он изложил в письме к министру внутренних дел, написанном в сентябре 1807 г., в период расцвета Империи. Наполеон утверждал: “Дело должно быть поставлено так, чтобы можно было сказать: каждый нищий будет арестован. Но арестовать его, чтобы поместить в тюрьму, было бы глупостью и варварством; его нужно задержать только для того, чтобы научить добывать себе средства существования. Необходимо поэтому в каждом департаменте иметь один или два благотворительных работных дома или мастерских” [46, С.230].

. В письме тому же адресату, написанном через два месяца, Наполеон предполагал, что сумеет “уничтожить нищенство одним ударом”.

На практике это пытались осуществить это следующим образом. В “Декрете о нищих”, изданном в 1808 г., первый параграф гласил: “Нищенство воспрещается на всем

пространстве империи”. В каждой провинции были организованы специальные “депо», т.е. сборные пункты, куда нищие должны были приходить сами или доставляться полицией, а также работные дома. Предполагалось, что, проведя несколько месяцев в этом работном доме, трудоспособные нищие “приучатся” к труду, сумеют заработать некоторую сумму денег и в дальнейшем смогут самостоятельно добывать средства к существованию. Однако эта попытка полностью провалилась. Многие нищие, попавшие в “депо”, или пытались бежать оттуда, или, выйдя по прошествии нескольких месяцев, снова занимались попрошайничеством. Впоследствии многие депо, вследствие их низкой эффективности были закрыты, а нищих стали сажать в тюрьму. Кодекс 1810 г. предполагал от 3-х до 6-ти месяцев заключения в специальные работные дома за профессиональное попрошайничество. Этот закон действовал во Франции до конца XIX в.

Анализируя причины неудач Наполеона в борьбе с нищенством, многие исследователи отмечали, что сами попрошайки и бродяги вовсе не стремились зарабатывать на жизнь честным трудом, поэтому помещение в работный дом рассматривали как заключение в тюрьму, нежели способ возвращения к нормальной социальной жизни: те же лица, которые попадали туда впервые, достаточно быстро проходили хорошую школу подготовки к бродяжничеству и профессиональному нищенству.

С другой стороны, во времена правления Наполеона и последовавшей реставрации во Франции были достигнуты значительные успехи по оказанию социальной помощи истинно нетрудоспособным, больным, детям-сиротам. Главную роль в этом взяли на себя разного рода церковные благотворительные конгрегации (объединения), восстановленные после завершения бурных революционных событий. Уже в 1800 г. республика передала им крупные земельные участки, за счет дохода с которых и финансировалась благотворительная деятельность. Кроме того, многие из этих организаций получили прямые государственные дотации.

В целом наполеоновская Франция в деле социальной поддержки в некоторой степени повторила путь России. Если в нашей стране с конца XVIII столетия значительную часть благотворительных учреждений по детскому призрению возглавляла императрица Мария Федоровна, то во Франции с 1809 г. покровительство над подобными заведениями взяла на себя мать Наполеона - Летиция Бонапарт. Несомненно, что в таком образцовом бюрократическом государстве, каким была Французская империя, эти учреждения смогли достаточно эффективно функционировать, что признавалось многими современниками.

Не стоит забывать, что одним из самых величественных зданий, возведенных в Париже во время правления Наполеона, стал Дворец инвалидов. Купол этого здания, предназначенного для приюта наполеоновских ветеранов, был покрыт, по образцу московских церквей, увиденных Бонапартом в 1812 г., чистым золотом. Уже сам этот факт

свидетельствует о том большом значении, которое император предавал заботе об увечных и одряхлевших солдатах.

Таким образом, в некоторых государствах Европы в конце XVIII - начале XIX вв. предпринимались попытки создать стройную и многоуровневую систему социальной поддержки, состоящую из трех основных компонентов:

- государственного (на общегосударственном, и муниципальном уровнях);
- церковного (централизованного в католических странах и на церковно-общинном уровне - в протестантских);
- общественного светского, заключающегося в деятельности первых светских благотворительных организаций, только зарождавшихся в этот исторический период.

Первоначально в деятельности всех этих структур, кроме церковных, уже имевших многовековой опыт благотворительности, допускалось немало ошибок и присутствовали необоснованные надежды скорого искоренения нищеты, как социального явления в целом. Иногда это вызывало определенное разочарование (особенно у общественных филантропов) и деятельность их организаций сворачивалась. Не оправдали себя и попытки построить всю социальную поддержку на основе идей философии Просвещения в их “чистом” виде.

Однако именно на рубеже XVIII - XIX вв. в Европе зародились те инновационные подходы к общественному призрению, которые, получив определенное развитие, легли в основу этого вида деятельности в следующих двух столетиях.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Охарактеризуйте основные теоретические проблемы помощи и поддержки нуждающихся в европейских странах в рассматриваемый период.
2. Что характерно для становления французской модели помощи и поддержки?
3. Какова роль работных домов в становлении закрытой системы поддержки?

Литература

1. Антология социальной работы /сост. М.В. Фирсов. Т.3. – М., 1995.
2. История социальной работы: учебник /под ред. В.И. Жукова. – М.: Изд-во РГСУ, 2011.
3. Социальная работа в Германии и Австрии /под ред. Зимней И.А.-М., 1992.
4. Циткилов П.Я. История социальной работы. – Ростов – н/Д, 2006.
5. Энциклопедия социальной работы: В 3 т. Т.1. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 1993.

Тема 10. Развитие социальной помощи в Европе в первой половине XIX в.

План

1. Государственные и полугосударственные формы социальной поддержки нуждающихся во Франции.
2. Особенности социальной помощи в Англии первой четверти XIX в.
3. Организация социальной поддержки нуждающихся в Германии и Швеции.

Окончание наполеоновских войн, спад либеральных настроений в Европе и возвращение консервативных настроений, которыми характеризовалось второе десятилетие XIX в., оказали определенное влияние на организацию социальной поддержки населения. Вместе с тем, опыт, накопленный в этой области на рубеже XVIII - XIX вв. не был забыт и нашел свое применение. Таким образом, первую половину XIX столетия, особенно до начала европейских революций 1848 г., можно считать периодом определенной стабилизации, временем прекращения радикальных экспериментов в сфере поддержки нуждающихся слоев населения. В то же время, в этот период отработывались некоторые подходы к социальной помощи, особенно в области государственной поддержки и общественной благотворительности, которые стали бурно развиваться в Европе и Соединенных Штатах Америки уже во второй половине XIX в.

Примечательно, что сменившие во Франции Наполеона Бурбоны во многом сохранили те же формы социальной поддержки нуждающихся, которые были созданы во времена Первой империи. Здесь существовали различные государственные структуры, осуществлявшие призрение: работные дома, детские приюты, богадельни и т.п. Таким образом, во Франции изначально делался упор на организацию государственной или полугосударственной (через церковные благотворительные конгрегации) социальной помощи. Разного рода светские благотворительные общества не получили в этой стране в первой половине XIX в. широкого распространения. Возможно, это было связано с общим недоверием, которое монархические власти (особенно до революции 1830 г.) испытывали к любым общественным организациям, а отчасти и к “государственническим” подходом ко многим социальным проблемам, существовавшим во Франции как при Бурбонах, так и при Наполеоне. Впрочем, во Франции в последние годы правления короля Луи Филиппа (1830-1848) в ряде городов были созданы и светские негосударственные благотворительные общества, положившие в основу своей деятельности так называемую Эльберфельдскую систему.

Несколько иначе сложилась ситуация в Англии, где до 1834 г. продолжал действовать “Speenhamland act” 1795 г., согласно которого работоспособным главам семей полагалась “добавочная плата”, дополнявшая самостоятельный заработок человека до прожиточного минимума: однако уже в первой четверти XIX века подобная система проявила свои негативные стороны.

Наполеоновские войны, континентальная блокада и одновременная (закончилась в 1814 г.) война с США нанесли определенный урон английской экономике. Число работоспособных лиц, нуждавшихся в материальной поддержке, росло одновременно, повышались налоги. Кроме того, подобная дополнительная плата отнюдь не стимулировала инициативу в поисках работы со стороны самих нуждающихся. В результате всего этого, несмотря на значительные затраты, достаточную помощь всем тем, кто имел на это право по закону, оказать не удавалось: и в стране, особенно в крупных городах, появилось большое количество нищих.

В подобных условиях в Англии первой четверти XIX в. начала вновь активизироваться помощь со стороны приходов, распространявшаяся, главным образом, на лиц неработоспособных: стариков, инвалидов, детей-сирот. Особенностью этого вида деятельности стало то, что она осуществлялась, как правило, в отношении лиц собственного прихода, т.е. была строго адресной и индивидуальной. Для одиноких работоспособных лиц постепенно были возрождены работные дома.

Интересные сведения об этом историческом этапе английской благотворительности содержатся в документальной книге Ч. Диккенса “Очерки Боза”, описывающей лондонские нравы в первой половине 30-х гг. XIX в. Примечательно, что выдающийся английский писатель, в целом признавая пользу благотворительности, относился к подобной деятельности несколько иронически. Он полагал, что занимались ею экзальтированные пожилые дамы и старые девы, которые, при отсутствии личного богатого социального опыта, далеко не всегда могли приносить реальную помощь нуждающимся. Так, в упомянутой книге, в главе “Дамские общества”, он именует некоторых из благотворительниц “выжившими из ума старушками”.

Необходимо подчеркнуть, что в той же главе содержится информация о наличии небольших специализированных благотворительных обществ только в одном приходе: “Наш приход изобилует дамскими благотворительными учреждениями. Зимой, когда промочить ноги не редкость и простуда тоже обычное дело, у нас имеются дамское общество для раздачи супа, дамское общество для распределения угля и дамское общество для раздачи одеял; летом, когда много фруктов и не меньше желудочных заболеваний, у нас имеется дамская аптека и дамский комитет для посещения больных; и круглый год у нас существует общество дамских экзаменов, дамское общество по распространению библий и молитвенников, и дамское общество по снабжению новорожденных приданым на первый

месяц жизни”. Несмотря на присутствие явно иронического тона в этих словах, возможно сделать некоторые практические выводы:

- в английских приходах создавались многочисленные общества (как правило, дамские) по оказанию какого-либо специального вида помощи;

- эти общества были небольшими и включали в себя, как правило, нескольких “активисток” при кураторстве местного приходского священника;

- объектами их поддержки становились члены общины, причем не всегда самые нуждающиеся (например, одно из обществ оказывало помощь в обучении детей в местной приходской школе).

Очевидно, что развитие благотворительности в Англии в отмеченный период было связано не только с чисто социально-политическими причинами, но и с несколько изменившимся отношением к самим нуждающимся, что, кстати, очень заметно и у самого Диккенса. В предыдущие столетия и даже в эпоху Просвещения в Англии (и ряде других протестантских стран) в нищих и разорившихся видели, как правило, только лентяев и пьяниц, т.е. лиц, ответственных за свое бедственное положение. Однако на рубеже XVIII - XIX в. даже в протестантской британской империи (не без влияний германского сентиментализма и романтизма) отношение к нуждающимся стало постепенно меняться.

С одной стороны, многих из них, особенно, злоупотреблявшие алкоголем и бродяжничавшие продолжали рассматривать как “отбросы общества”. В “Очерках Боза” Диккенс высказывает следующую сентенцию: “нищета ... слишком часто возникает от одной и той же причины - от пьянства, от этого безудержного влечения к медленной и верной отраве, этой страсти, которая не считается ни с чем на свете, заставляет забывать о жене, о детях, счастье, положении в обществе и бешено увлекает свои жертвы вниз, в бездну, в смерть”. Читателям становилось совершенно ясно, что подобные люди жалости и поддержки не заслуживают.

Однако, с другой стороны, у Диккенса в ряде его произведений описаны и “благородные оборванцы”. Слово “благородный” здесь означало не социальное происхождение, а отношение к жизни. В отличие от первой категории нуждающихся они всю жизнь пытались честно зарабатывать, и лишь внешние обстоятельства ввергли их в нищету. При этом “благородные оборванцы» не опускаются, а стараются хоть как-то исправить свое положение. Вот как их характеризовал сам Диккенс: “Но одно мы знаем досконально: человек, дошедший до крайней бедности, ... если он при этом стыдится своей бедности и хоть и тщетно, но пытается скрыть ее от посторонних взоров, более всех представителей рода человеческого достоин сострадания. Достойны его - за немногими исключениями - все благородные оборванцы». Примечательно, что подобным образом Диккенс относился и к нуждающимся женщинам: часть из них опускалась и превращалась в

мелких воровок и попрошайек, а другие пытались восстановить свое социальное положение. Таким образом, в английском обществе во второй четверти XIX в. отношение к нуждающимся частично меняется и некоторые из них признаются достойными стать объектами социальной поддержки, и даже уважения.

В большинстве мелких германских государств, которые вновь обрели независимость после упразднения в 1813 г. созданного Наполеоном и находившегося под его протекторатом Рейнского союза, в последующие десять лет дела в области социальной помощи также обстояли не лучшим образом. Реальной помощью нуждающимся по-прежнему пришлось заниматься, главным образом, церковным приходом и, отчасти, государственными властями.

Известно, что у бывшего Гамбургского общества уже во второй четверти XIX в. появился достойный преемник - Общество Эльберфельдское, названное так по имени одного небольшого германского города. Оно было основано в 1843 г. решением городского совета. Здесь пытались использовать те же принципы поддержки нуждающихся, что и в Гамбургском патриотическом обществе, и на первых порах добились определенных успехов. Финансирование производилось из городской казны, а практической социальной работой занимались добровольцы. В отличие от большого и богатого Гамбурга, в Эльберфельде больше внимания уделялось не организации новых рабочих мест, а специальной поддержке отдельных нуждающихся. Этот опыт перенимался во многих европейских странах, в том числе и в России. “Эльберфельдскую система апробировалась и в России задолго до реформ Александра II: в 1846 г. князь В.Ф.Одоевский и граф В.Ф. Сологуб создали в Петербурге Общество посещения бедных, которое “в целях приостановки беспорядочной подачи милостыни, оказания материальной, медицинской и иной помощи истинно нуждающимся выявляло бедных по месту жительства и помогали в соответствии с их нуждами”, - замечает современный отечественный исследователь” [29, С.63].

Видимо, в единственном германском государстве - самом сильном из всех - королевстве Пруссия - внутриобщинная помощь и работа немногочисленных светских благотворительных обществ, и деятельность органов местного самоуправления в этой области дополнительно финансировались со стороны государства, а также жестко контролировались последним. Здесь продолжалась борьба с бродяжничеством на государственном уровне, существовали достаточно крупные общегосударственные налоги, направленные на поддержку беднейших слоев населения.

Характерно, что даже в сравнительно благополучной и мало пострадавшей от войн конца XVIII - начала XIX вв. Швеции также наблюдался некоторый спад в деле оказания социальной помощи. Еще в 1807 г. король этой страны попытался создать в Стокгольме строго государственную систему учреждений общественного призрения, где служили специальные королевские чиновники, определявшие, кто из нуждающихся, какую

конкретную помощь должен получать. Это начинание, в чем-то копирующее Приказы общественного призрения Екатерины II, а в чем-то “ - депо для нищих” Наполеона, не увенчалось успехом. Подобную неудачу можно объяснить целым рядом причин:

- относительной слабостью государственной королевской власти в целом и сильной парламентской традицией (заметим, что король уже через два года был свергнут с престола за попытки ввести новые налоги);

- нежеланием парламента создавать очередную бюрократическую структуру и тратить на нее средства из государственной казны;

- достаточной (для своего времени) эффективностью традиционной внутриобщинной помощи.

Уже в 1812 г. государственная деятельность по призрению нуждающихся в Швеции фактически была свернута, дело социальной помощи стало осуществляться, как правило, церковными приходами.

Таким образом, можно отметить, что 10 - 20-е гг. XIX столетия в наиболее развитых странах Европы, кроме, пожалуй, Франции и России, в деле социальной помощи происходили определенные изменения, характеризовавшиеся следующими моментами:

- некоторым спадом в деятельности общественных светских благотворительных организаций;

- возрастанием роли приходской помощи (в традиционно протестантских странах);

- усилением вмешательства государства в этот вид деятельности.

Что же касается традиционно католических стран, таких как Австрийская империя, итальянские государства, Испания и Португалия, а также южноамериканские колонии последних, то здесь изменения в области социальной помощи в первой половине XIX в. (особенно, в первой трети) происходили заметно медленнее, чем в протестантских странах или Франции, где идеи философии Просвещения оказали наибольшее влияние на умонастроения образованных людей. Так в австрийской монархии продолжала действовать смешанная система государственного и церковного общественного призрения. В итальянских королевствах и Папском государстве, а также в Испании, после наступления там католической реакции осуществлялась преимущественно церковная помощь. В Ватикане, например, в первой половине XIX в. продолжал существовать средневековый обычай, согласно которому, папа римский лично раздавал тысяче нищих по мелкой монете.

Попробуем проанализировать причины подобных изменений в деле социальной поддержки в Европе в первой половине XIX столетии. Во-первых, они, несомненно, были связаны с кризисом философии Просвещения и, отчасти, гуманистических воззрений, характерных для рубежа XVIII - XIX вв. Надежды на возможность разумного устройства социальной помощи, на выработку единого, “научного”, философски обоснованного подхода

к делу поддержки неимущих, или, говоря словами В.И. Герье “правильной теории социальной помощи”, не увенчались успехом. Слишком односторонний подход к проблеме человека вообще и причин бедности, в частности, основанный лишь на влиянии внешних неблагоприятных факторов или слабого “просвещения”, неправильного воспитания этих лиц, показал свою несостоятельность.

Равно не эффективными оказались и чересчур “гуманный” подход к нуждающимся и надежды на то, что при доброжелательном к ним отношении профессиональный нищий или бродяга исправятся сами собой. В наши дни такая точка зрения не пользуется популярностью, но в начале XX вв. многие русские и зарубежные историки социальной работы именно в этом видели первоначальные успехи и дальнейшие неудачи деятельности светских благотворительных обществ, в первую очередь Гамбургского.

Во-вторых, определенная консервативная реакция, политическая и идеологическая, наступившая в Европе после Венского (1814) и Веронского (1822) конгрессов, и приход к власти в большинстве европейских стран консервативно настроенных политиков, также не способствовали развитию деятельности разного рода светских негосударственных, в том числе и благотворительных, организаций. Не случайны поэтому и попытки государства активно вмешиваться в их деятельность.

Отметим, что в большинстве протестантских стран не государство, а именно церковные общины взяли на себя основную долю заботы о неимущих. Это можно объяснить, как большей самостоятельностью и независимостью этих общин, нежели, общин католических или православных, так и исторически сложившейся большей самостоятельностью местных органов самоуправления в большинстве традиционно протестантских стран: (от Швейцарии до Скандинавии). Не следует также думать, что приходская помощь была неким шагом назад по сравнению с общественными благотворительными организациями. Последние возникали, как правило, в крупных городах, в то время как в сельской местности приходы не уступали своих позиций в деле поддержки неимущих. У приходской помощи имелось и очень важное преимущество, которое не могло быть эффективно реализовано в общественной благотворительности: даже если не учитывать религиозно-нравственное воспитательное воздействие, которое могли оказать священник и прихожане на человека, чей асоциальный образ жизни привел к нищете, то все равно этот человек с детских лет был уважаем прихожанами. Его отношение к людям, манера поведения и т.п. позволяли легче определять причины, по которым прихожанин попадал в категорию нуждающихся, а следовательно и виды воздействия. Можно утверждать, что по отношению к членам прихода, социальная помощь обеспечивала действительно индивидуальный подход. В деятельности первых общественных благотворительных организаций (того же Гамбургского общества) обеспечить такой подход было значительно

сложнее, поскольку личностные качества отдельных представителей обширного и неоднородного контингента нуждающихся не были достаточно хорошо известны благотворителям.

Благотворители, чересчур увлеченные идеями общественного блага и гуманизма, зачастую не замечали многочисленных отрицательных черт значительной части своих подопечных. Знакомство с этими людьми до подачи ими просьб о помощи обычно бывало очень коротким, тем более не могло быть и систематического применения ко многим из них каких-либо принудительных мер: это было “негуманно” и не отвечало настроениям “просвещенных” благотворителей-энтузиастов. Отметим, что нечто подобное проявилось и в России, в деятельности С.-Петербургского общества посещения бедных, созданного В.Ф.Одоевским уже в 40-е гг. XIX в, вначале действовавшего весьма успешно, но затем фактически свернувшего свою работу.

Благотворительная деятельность церковных приходов изначально не могла стать универсальной в деле социальной поддержки: помогали только своим, причем человек мог рассчитывать на такую помощь, при условии, если он несколько лет являлся активным прихожанином, отрицательно относились к появлению “чужих” нищих. Так, например, в Пруссии они попадали под общинную помощь только в том случае, если община соглашалась “приписать” их к себе, а это случалось далеко не всегда.

Однако до середины 30-х - начала 40-х гг. XIX в. приходская помощь в большинстве развитых стран Европы и, тем более, в США, где вмешательство федеральных властей в дела штатов и общин вообще было слабым, оставалась доминирующей. После 1830 г. произошли определенные сдвиги в области социальной поддержки, и общественные благотворительные организации попытались активизировать свою работу на качественно новом уровне.

Примерно с конца 30-х - начала 40-х гг. положение дел в области социальной поддержки в Европе начинает постепенно меняться. Это было обусловлено многими причинами, но в первую очередь, изменениями в общественном мировоззрении, происходившими в Европе. Эти явления можно охарактеризовать как некий рецидив идей на новом качественном уровне Просвещения, происходивший в различных странах и носивший своеобразные национальные оттенки. Вместе с тем, новая тенденция - усиление либеральных настроений, проявлялась в той или иной степени, во многих странах Европы. Наиболее яркие проявления либерализма были связаны с предреволюционными ожиданиями и самими революциями, свершившимися во Франции, Венгрии и некоторых германских государствах. В подобных условиях деятельность общественных благотворителей, не связанных ни с государством, ни с церковью (особенно католической), заметно возросла.

1. В чем сущность и отличие Эльберфельдской и Гамбургской систем помощи?
2. Дайте характеристику английской системы закрытой и открытой помощи.

Литература

1. Антология социальной работы /сост. М.В. Фирсов. Т.3. – М., 1995.
2. История социальной работы: учебник /под ред. В.И. Жукова. – М.: Изд-во РГСУ, 2011.
3. Социальная работа в Германии и Австрии /под ред. Зимней И.А.-М., 1992.
4. Циткилов П.Я. История социальной работы. – Ростов – н/Д, 2006.
5. Энциклопедия социальной работы: В 3 т. Т.1. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 1993.

Тема 11. Организация социальной помощи и ее теоретическое обоснование в странах Европы во второй половине XIX- начале XX вв.

План

1. Основные теоретические проблемы помощи поддержки нуждающихся в XIX в.
2. Государственные подходы к практике помощи и поддержки нуждающихся в европейских странах.
3. М.Э. Ричмонд. И.Д. Адамс – разработчики теории социальной работы.

Как отмечалось, во второй половине XIX в. неоднократно предпринимались попытки выработать научный подход в сфере помощи нуждающихся, что напрямую было связано с в европейских странах возрастанием значимости научного познания мира и общества в целом. Ярким примером такого научного мировоззрения может служить разработанная в 50-х гг. т.н. “позитивная философия” О.Конта, который ввел в современную науку такое понятие, как “социология” (а также и “биология”). Одно из лучших толкований принципов позитивизма дал В.С. Соловьев, считавший, что позитивная философия основана не на фантазии и отвлеченном мышлении, как теология и метафизика, а на бесспорном фактическом материале науки.

Впрочем, подобный рационалистический подход не удовлетворил и самого Конта, который в конце жизни объявил себя верховным жрецом “позитивной религии”, где на место Христа был поставлен Игнатий Лойола.

В современной литературе по вопросам социальной работы О.Конт часто упоминается как основатель научного подхода к проблемам изучения жизни общества. Вместе с тем его правильнее было бы считать основателем одного из подходов к изучению, основанного на чисто эмпирических, научных, “позитивных” данных без учета многих иных факторов. В.С. Соловьев писал, что “личность Конта вызывает скорее сострадание, чем благоговение.» Тем не менее “позитивный” подход к проблемам изучения жизни общества играл огромную роль в развитии социологии как во второй половине XIX в., так и в XX в. Именно на его основании во второй половине XIX столетия были созданы новые, более конкретные, чем в эпоху Просвещения, концепции борьбы с бедностью и помощи различным категориям нуждающихся. Первоначально, в середине века, эту задачу взяли на себя французские ученые, некоторые из которых стали видными политическими деятелями (А.Тьер и Л.Блан). Они пытались ответить на главный вопрос: в какой степени государство должно взять на себя роль руководителя всей помощи нуждающимся в обществе?

Напомним, что в названный период этот вопрос становился все более актуальным, поскольку в Европе начиналась промышленная революция со всеми вытекающими последствиями:

- развитием крупного промышленного производства и ростом числа населения крупных городов;

- соответственным увеличением числа в городах числа люмпенов из тех, кто не смог найти себе постоянную работу и становился потенциальным объектом социальной помощи;

- постепенным распадом патриархальной семьи, привлечением к работе женщин-горожанок и соответственно возникавшей проблемой воспитания детей из бедных слоев городского населения и т.п.

К концу XIX в. все эти процессы в Европе и США только усилились. При этом следует отметить, что излишек числа потенциальных малоквалифицированных рабочих обусловил почти во всех странах Европы того периода их сравнительно небольшую заработную плату, что явилось причиной многих чрезвычайно острых социальных конфликтов, которые могли угрожать существующему политическому строю.

Ученые по-разному отвечали на вопрос об участии государства в социальной поддержке. Некоторые из них считали (например, явный консерватор и впоследствии один из высших руководителей Французской республики Тьер), что за государством должны оставаться лишь контролирующие функции в сфере поддержки нуждающихся, а

практической работой должны заниматься общество и церковь. Социалист Блан и его единомышленники, напротив, полагали, что именно государство должно взять на себя основную функцию в деле организации социальной защиты.

Другие ученые пытались классифицировать и систематизировать типы нуждающихся по их возрасту, семейному положению, полу, материальному положению, степени работоспособности и т.п. Наиболее подробно этот вопрос рассматривался в работах известного немецкого философа и психолога Г. Мюнстерберга. Пытались научно определить и саму категорию “нуждающихся” в зависимости от их доходов и перспектив. Шли также дискуссии о необходимой степени социальной поддержки, поскольку некоторые исследователи полагали, что, будучи проводимой в “излишних” размерах, она может привести к возрастанию социального иждивенчества. Рассматривались и способы профилактики обнищания, причем многие видели основной из них в проведении направленной государственной социальной политики и государственного вмешательства в отношения между работником и работодателем.

Большие споры вызывала и старая проблема: что является доминирующим фактором при попадании человека в положение нуждающегося: его личные психологические качества или внешние негативные условия. Известный итальянский психиатр и криминалист Ч. Ломброзо, например, распространял свою идею о врожденной психической ненормальности преступников и отдельных категорий нуждающихся. Либерально настроенные ученые, напротив, во всем винили внешние социальные условия. Впрочем, под ними понимались не только невозможность заработать необходимые для проживания деньги, но и негативное воздействие ближайшего окружения, низкий уровень образования и т.п. Наконец, уже в начале XX в., большинство исследователей полагало, что на нищенское положение индивида влияет целый комплекс причин:

- его личностные психологические особенности;
- физическое состояние, т.е. степень работоспособности;
- ближайшее социальное окружение с его специфической “идеологией”;
- общие условия жизни той социальной группы, к которой принадлежит нуждающийся и т.п.

Выявление всех этих факторов должно было определить индивидуальный подход к объекту социальной поддержки и способствовать определению конкретных форм помощи ему.

На рубеже XIX - XX вв. достаточно остро встал вопрос и о профессиональной подготовке лиц, которые оказывали бы помощь нуждающимся наиболее эффективно. Примечательно, что сначала велись весьма острые дискуссии о половой принадлежности самого социального работника. Он даже специально обсуждался на конгрессе в Милане в

1905 г. Сторонники чисто мужского характера этой профессии утверждали, что для эффективной работы с нуждающимися необходимо знание личности и окружающей среды подопечного. Считалось, что “дамы” такими познаниями не обладают, и им будет затруднительно получить подробные сведения о жизни в трущобах.

Впрочем, вскоре возобладало иное мнение. Особые качества, присущие женщине: острота восприятия, лучшая, чем у мужчин, способность к сопереживанию и утешению и т.п. - являются необходимыми для социального работника. Особенно настойчиво подобную позицию отстаивали феминистки, среди которых было немало благотворительниц. Они рассматривали подобный подход очередной формой дискриминации по половому признаку и настаивали на праве женщин быть социальными работниками, настаивая, что профессиональная социальная работа выросла из буржуазного женского движения ... как типично женская профессия”[90].

Вместе с тем, в США на рубеже XIX - XX вв. огромную роль в изучение теории социальной работы и организации профессиональной подготовки социальных работников также внесли женщины: Д.Адамс и М.Э.Ричмонд. Д.Адамс, которая, как уже упоминалось, впоследствии стала лауреатом Нобелевской премии мира (1939 г.), полагала, что большую роль в обнищании человека играет его социальное окружение. Она попыталась перенести в Америку английский опыт создания так называемых «сеттльментов». Суть его состояла в том, что группа обеспеченных и образованных благотворителей-энтузиастов временно переселялась жить в бедные кварталы. Этим должны были быть достигнуты следующие цели:

- ознакомление филантропов с положением дел и истинными нуждами бедняков;
- выработка на основании полученной информации наиболее эффективных способов социальной помощи;
- непосредственная социальная работа с нуждающимися по месту их проживания, включая как материальную поддержку, так и определенное социальное воспитание и “перевоспитание” этих лиц.

Так были заложены основы подхода к нуждающимся, когда имели место комплексное изучение их истинных потребностей, принятие конкретных мер помощи и постоянный контроль за ситуацией.

Пожалуй, еще более весомый вклад в развитие теории социальной работы в последние годы XIX - начале XX вв. внесла М. Ричмонд, которую, по праву, считают одной из основоположниц современной социальной работы. Именно она наиболее последовательно отстаивала доминирование индивидуального подхода к проблеме помощи нуждающимся. Следуя старым пуританским традициям Новой Англии, несколько разбавленным либеральным сентиментализмом конца XIX в., Ричмонд полагала, что обнищание - это

своего рода психологическая болезнь, и лечить которую необходимо не общегосударственными социальными реформами или созданием унифицированных государственных благотворительных структур, а индивидуальными мерами применительно к каждому нуждающемуся. М.Ричмонд была введена следующая последовательность социальной работы с каждым клиентом: сбор фактов о его состоянии и образе жизни; социальный диагноз, т.е. выбор средств помощи; социальная терапия, т.е. непосредственная социальная работа. В чем-то эта идея была близка воззрениям Адамс, но получила более детальную разработку.

Социальная терапия должна была проводиться двумя методами: непосредственным и косвенным. Первый из них предусматривал собеседование с клиентом, установление с ним тесного контакта, выдачу рекомендаций о дальнейшем поведении и, в случае необходимости, оказание какой-либо конкретной помощи: от устройства на работу до выдачи небольшого пособия. Косвенный метод предусматривал определенную работу с ближайшим окружением клиента - его семьей как очень мощным фактором воздействия на человека.

Интересен тот факт, что в конце жизни М.Ричмонд все-таки признала необходимость общегосударственных мер по поддержке нуждающихся: женщин, брошенных мужьями и их детей. Благодаря ее поддержке, в 1898 г. было открыто первое в США учебное заведение по подготовке социальных работников - Национальная школа прикладной филантропии (ныне это один из факультетов Колумбийского университета).

Подобные теоретические разработки велись на рубеже XIX - XX вв. и в ряде европейских стран. В Германии, например, стала широко известна феминистка А. Соломон, организовавшая в 1908 г. социальные женские школы, готовившие социальных работниц, и отстаивавшая приоритет индивидуального подхода, хотя и признававшая определенную пользу государственной и муниципальной социальной поддержки. Необходимо отметить, что именно в протестантских странах Европы (Англия, Швеция, Германия, Нидерланды) и в России на рубеже XIX - XX вв. появились первые учебные заведения, осуществлявшие профессиональную подготовку социальных работников. В странах же традиционно католических (может быть, за исключением секуляризованной Франции) подобные учебные заведения возникли только через несколько десятилетий.

Обратимся теперь к практике социальной работы в рассматриваемый исторический период. Как отмечалось, еще в 1834 г. в Англии (самой передовой стране той эпохи) произошла коренная реформа в этой области. В частности, был отменен упоминавшийся нами закон об обязательной материальной поддержке всех, кто не мог обеспечить себе прожиточный минимум. Государство попыталось более рационально и избирательно подойти к выявлению круга лиц, которым действительно следует оказывать помощь. В

стране было образовано несколько округов, в которых специальные советы, состоящие из мировых судей и выборных граждан (в том числе и женщин), должны были определять этих лиц и выбирать для них соответствующие формы поддержки. Контроль за деятельностью окружных советов должен был осуществлять центральный орган призрения бедных, имевший полугосударственный - полуобщественный характер. Позднее на рубеже XIX - XX вв., в Англии было создано специальное министерство социальных служб. Такими мерами удалось несколько снизить число лиц, получавших различные виды социальной помощи. В 1863 г. они составляли около 5% от общего числа населения.

В то же время в Англии несколько ужесточились меры борьбы с профессиональным попрошайничеством. Так возродилась практика принудительного помещения трудоспособных нищих обоего пола в работные дома или отправки их во вновь осваиваемые колонии. Параллельно с этим в стране значительно усилилась и негосударственная благотворительность (как со стороны религиозных, так и светских организаций). Подобные настроения нашли отражение в высказывании принца Альберта (муж королевы Виктории, царствовавшей в Англии практически всю вторую половину XIX в.; в честь нее появились выражения “викторианская эпоха” и “викторианские нравы”): “Мы, которых Провидение наделило положением, богатством и образованием, должны сделать все, что в наших силах, для тех, кому менее улыбнулось счастье” [105, С.343].

. Необходимо отметить, что в конце 50-х гг. XIX в., когда были произнесены эти слова, мнение члена королевского дома было подобно законодательному акту для значительной части английской аристократии. С точки зрения некоторых историков, частная благотворительность в Англии второй половины XIX в. была более развита, чем в любой другой европейской стране.

Необходимо подчеркнуть, что в Англии второй половины XIX в., где индивидуализм проявлялся сильнее всего в Европе, точка зрения, согласно которой общество обязано помогать всем нуждающимся (особенно после провала закона об обязательной доплате до прожиточного минимума), не получила широкого распространения. Помощь, как правило, была нравственным долгом отдельных обеспеченных людей, нежели их социальной обязанностью.

Именно в этот период в стране возникло много полурелигиозных и чисто светских благотворительных обществ, которые пытались строить свою деятельность с учетом элементов научного подхода к помощи бедным. В 1878 г. здесь была основана полурелигиозная организация - Армия спасения, призванная “спасать” душу и оказывать материальную поддержку неимущим. Реальный эффект от деятельности всех этих общественных благотворителей можно оценивать неоднозначно. С одной стороны, они,

безусловно, поддерживали многих нуждающихся, нередко буквально спасая их от голодной смерти, помогая с трудоустройством, обеспечивая больных и престарелых.

Однако имеются и иные свидетельства. В конце XIX в. известный американский писатель Джек Лондон, переживавший увлечение социалистическими идеями, оставаясь в душе американским индивидуалистом, провел в английской столице интересный социологический эксперимент. Он, переодевшись бродягой и почти без денег, отправился в самые бедные кварталы города и попытался просуществовать там несколько дней. Свои впечатления писатель изложил в документальной книге "Бездна". Главные выводы, к которым пришел писатель, были следующими:

- основные причины обнищания части горожан кроются как в несправедливом социальном устройстве, так и в привитой им веками привычке к смирению с существующими порядками и отсутствием личной инициативы у англичан в поисках работы. Им противопоставлялись инициативные и уверенные в себе американцы;

- исправить это положение возможно только постепенно и только путем предоставления нуждающимся работы, достаточно оплачиваемой, поскольку нищенская поденная плата за неквалифицированную работу не может служить хорошим стимулом к ее поискам;

- деятельность благотворительных организаций малоэффективна и приучает многих к профессиональному нищенству. В последнем случае автор приводил личный пример пребывания в ночлежном доме Армии спасения. После ночевки и скудного завтрака его пытались задержать на несколько часов для обязательной церковной службы и проповеди. Отказ писателя идти в церковь, мотивированный необходимостью поисков работы, привел впоследствии к запрету посещать эту ночлежку. В то же время Лондон узнал, что в ночлежном доме имелись постоянные клиенты, ночевавшие и кормившиеся там ежедневно. Они полдня проводили в церкви, затем побирались на улицах, пьянствовали и вновь возвращались в ночлежку. Возможно, столь категоричные утверждения писателя отчасти были связаны с его социалистическими убеждениями. Однако Армия спасения подвергалась критике и другими авторами.

Несколько иное положение было в германской Империи. Здесь, несмотря на существование целой сети общественных, муниципальных и религиозных благотворительных организаций, государство осуществляло строгий контроль за оказанием социальной поддержки в общенациональных размерах, причем делалось это за счет различных видов обязательного государственного социального страхования. В 1880 - 1890 гг. по инициативе канцлера Бисмарка в Германии был принят целый ряд законов, связанных с:

- рабочим медицинским страхованием;
- страхованием от несчастных случаев;

- рабочим пенсионным страхованием;
- страхованием по инвалидности.

Не вызывает сомнения, что одной из главных побудительных мер к принятию этих законов послужило желание Бисмарка снизить влияние набирающей силу немецкой социал-демократии. Выплаты по страховкам были сравнительно невелики. Вместе с тем, проведение этих мероприятий показывало, что государство в условиях промышленной революции должно сыграть свою роль в поддержке нуждающихся, не рассчитывая только на муниципальные власти, а также на светских и религиозных благотворителей, что могли себе пока еще позволить богатые Англия и США. Еще больше усовершенствовалась государственная социальная поддержка в Германии в годы Первой мировой войны. Англии в этот период, когда число нуждавшихся в помощи резко увеличилось, пришлось “догонять” Германию, создавая государственные структуры социальной поддержки.

Аналогичный “государственный” подход к социальной поддержке в последней четверти XIX в. наблюдался во Франции и, особенно, во вновь образованном итальянском королевстве. Во Франции, где и раньше были сильны традиции государственной и муниципальной помощи, в этот период в каждом муниципальном образовании, включая деревни, были созданы Благотворительные бюро, в задачу которых входила организация социальной поддержки в своем поселении; в 1893 г. здесь был принят Закон о бесплатной медицинской помощи для бедных.

Что же касается Италии, то она была окончательно объединена под властью одного монарха только в 1861 - 1870 гг. Отметим, что социальная поддержка в этой стране, прежде разделенной на ряд независимых владений, находилась на достаточно низком уровне и осуществлялась главным образом религиозными организациями еще средневековыми методами. Традиций общественной светской благотворительности и муниципальной поддержки здесь практически не было, поэтому роль организатора и координатора всей социальной помощи было вынуждено взять на себя государство. Это сопровождалось целым рядом законов в этой сфере, призванных помочь Италии “догнать” более развитые страны. К таким законодательным актам можно отнести:

- Закон об упорядочении благотворительной деятельности, регламентировавший работу религиозных и вновь создаваемых светских благотворительных структур (1862 г.);
- Закон об обязательной медицинской помощи для бедных (1888 г.);
- Закон о помощи нетрудоспособным бедным (1889 г.);
- Закон о социальном обеспечении (1898 г.).

Подводя итоги развития социальной поддержки нуждающихся во второй половине XIX - начале XX вв., необходимо отметить, что ведущими тенденциями в этой области стали следующие:

- доминирование общественной и муниципальной поддержки в протестантских странах (за исключением Германии), сопровождавшееся бурным ростом числа светских негосударственных благотворительных обществ;

- принятие государственных законов о поддержке неимущих и социальном страховании в Германии, Италии и (значительно позднее) в Англии;

- появление различных теоретических концепций социальной работы с доминированием индивидуального подхода, нашедших свое применение главным образом в деятельности некоторых светских общественных благотворительных структур и муниципальных органов социальной поддержки.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Опишите начало профессиональной подготовки социальных работников на рубеже XIX - XX вв.

2. Какова роль феминистского движения в развитии и становлении теории социальной работы.

Литература

1. Антология социальной работы /сост. М.В. Фирсов. Т.3. – М., 1995.
2. История социальной работы: учебник /под ред. В.И. Жукова. – М.: изд-во РГСУ, 2011.
3. Социальная работа в Германии и Австрии /под ред. Зимней И.А.-М., 1992.
4. Циткилов П.Я. История социальной работы. – Ростов – н/Д, 2006.
5. Энциклопедия социальной работы: В 3 т. Т.1. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 1993.

Тема 12. Западные концепции социальной работы в XX в.

План

1. Характеристика основных этапов развития зарубежной социальной работы
2. Комплексная система государственной, общественной и религиозной поддержки в Германии.
3. Основные эры американской социальной работы.

Следует подчеркнуть, что на протяжении почти всего XX столетия в развитии социальной работы можно выделить два основных этапа: 1914 - конец 1940-х гг. и начало 50-

х - конец 90-х гг. Они значительно отличались друг от друга, в первую очередь, отношением к объектам социальной поддержки. На первую половину XX столетия приходятся две мировые войны и экономический кризис начала 30-х гг. В этот период в категорию нуждающихся в различных видах социальной поддержки попадали десятки тысяч людей: инвалиды войны, семьи погибших и раненых, дети-сироты, огромное количество безработных, мигранты, миллионы голодающих и т.п. Эти люди попали в бедственное положение исключительно в силу внешних причин и не могли рассматриваться, как “классические” объекты социальной работы. Основным организатором поддержки подобных лиц должно было выступать и фактически выступало государство как единственная структура, способная организовать помощь в общенациональных масштабах.

Необходимо отметить, что в первой половине XX в. продолжала существовать и “традиционная” социальная поддержка, объектами которой было сравнительно небольшое число лиц, которые и в условиях “нормальной” социальной жизни становились клиентами социальных работников. Именно для них и разрабатывались различные инновационные концепции социальной помощи, основанные на индивидуальном подходе и различных психологических и социологических теориях. Известно, что центр научного изучения социальной работы в первой половине XX в. постепенно перемещается в США, наименее пострадавшие от обеих мировых войн, но и здесь экономический кризис начала 30-х гг. внес коррективы в понимание социальной поддержки.

Что же касается второй, сравнительно “спокойной” для Запада, половины XX в., то в этот период вновь начинает доминировать социальная поддержка отдельных лиц и сравнительно небольших социальных групп, что нашло отражение и в теоретических изысканиях в этой сфере. Примечательно, что самую широкую известность здесь получили концепции развития социальной работы, созданные в наиболее богатых и стабильных странах: США, Англии, Германии, Швеции, где социальная работа достаточно финансировалась, а также имела прочные традиции постхристианской либерально-демократической идеологии.

Рассмотрим особенности развития социальной работы в двух государствах: США и Германии. Связано это со следующими причинами:

- во-первых, именно в этих странах наблюдалось наиболее интенсивное развитие теории социальной работы, причем подобная тенденция сохраняется и в наши дни;

- во-вторых, США и Германия продолжают придерживаться различных подходов к пониманию сущности социальной поддержки: в Германии до сих пор сохранились сильные традиции государственной социальной помощи, в США они (по крайней мере, до последних десятилетий XX вв.) были значительно слабее и здесь доминировала общественная и

муниципальная благотворительность. В истории США тоже можно выделить периоды, когда государству приходилось брать на себя основную роль по организации этой работы;

- в-третьих, подробный анализ развития социальной работы в других развитых странах содержит достаточно большой для настоящего издания объем информации, а подобные сведения можно получить в соответствующей справочной литературе, неоднократно издававшейся в последние годы.

Обратимся к первой половине XX столетия и рассмотрим, какие общегосударственные меры социальной поддержки принимались в различных странах Европы. Наиболее последовательно такая деятельность проводилась в Германии, где во время войны действовала комплексная система государственной, общественной и религиозной поддержки нуждающихся. В период первой мировой войны здесь были созданы новые социальные службы, занимавшиеся помощью различным категориям жертв боевых действий. В этих условиях резко увеличилось и число лиц, профессионально занимавшихся социальной помощью. В 1916 г. был создан - “Немецкий профессиональный союз социальных работников”.

В период Веймарской республики несколько активизировалась деятельность негосударственных благотворительных структур, объединившихся в 1919 г. в Германскую ассоциацию общественного и негосударственного обеспечения. Тогда же был принят ряд законов, регламентировавших государственную социальную поддержку отдельных групп населения, например, Закон о благотворительной помощи молодежи (1922 г.).

Значительная активизация в деле социальной поддержки крупных социальных групп в масштабах всего государства произошла в Германии после прихода к власти фашистов в 1933 г. Известно, что в этот период страна еще не оправилась от последствий величайшего экономического кризиса, охватившего всю Европу и США в 1929 - 1933 гг. В стране насчитывалось несколько миллионов безработных, экономический рост практически отсутствовал, наблюдалась очень высокая инфляция. В этих условиях фашистское руководство прибегло к организации широкомасштабных общественных работ, главным образом, строительству шоссе и дорог, что позволило разрешить проблему безработицы и поднять экономику в целом.

Как и во всяком тоталитарном государстве, социальная поддержка в Германии целиком была передана в руки официальных властей. Здесь была учреждена специальная государственная структура: Национал-социалистическая забота о Народе (с правами, близкими к правам министерства). Следует отметить, что эта организация действовала достаточно эффективно и сумела даже во время Второй мировой войны, оказывать действенную поддержку различным категориям нуждающихся. Вместе с тем, необходимо помнить, что следуя идеологии германского фашизма, объектами помощи считались только

“полноценные” и “наследственно здоровые” представители германской расы. Тем, кто не удовлетворял этим требованиям, помощь практически не оказывалась. Умышленно неполноценные немцы любого возраста подлежали физическому уничтожению, а если их интеллектуальный уровень был признаваем особыми комиссиями чересчур низким, то им запрещалось иметь потомство, что обеспечивалось принудительной стерилизацией. В последнюю категорию нередко попадали дети из беднейших семей, семей профессиональных нищих и т.п., не успевшие до прихода фашистов к власти получить соответствующее образование и слабо социализированные.

Обратимся теперь к теории и практике социальной поддержки в США в первой половине XIX в. В 20-е гг. здесь проводились интересные теоретические разработки, тесно связанные с индивидуальным подходом к нуждающимся. Не без влияния идей М.Ричмонд в этой области, некоторые исследователи положили в основу работы с клиентами установление “диагноза”, т.е. первопричин попадания человека в бедственное положение. Такой подход получил название диагностического. При установлении диагноза авторы рекомендовали руководствоваться (ставшей в те годы популярной) теорией психоанализа, предложенной З.Фрейдом. Предполагалось, что личные психологические особенности клиента, в том числе родовые и детские психологические травмы, заранее определяют специфику его поведения на протяжении жизни. Таким образом, клиентам предполагалось оказывать психологическую поддержку и лечение. Наиболее известной сторонницей этого подхода стала В. Робинсон.

Иным подходом к организации индивидуальной поддержки нуждающихся стал функциональный (самым известной его пропагандисткой стала одна американка - Дж.Тафт.). Суть этого подхода заключалась в “перевоспитании” клиента путем установления между ним и социальным работником тесного психологического контакта, а не в выяснении причин его тревожных снов и детских переживаний. Перевоспитание предусматривало развитие волевых качеств клиента, его уверенности в самом себе и выработку стремления изменить свою незавидную жизнь.

В начале 30-х гг. в период «Великой Депрессии» подобные психологические изыскания в сфере социальной работы отошли на второй план, когда в Америке разразился сильнейший экономический кризис, и резко ухудшилось материальное положение десятков миллионов людей, прежде и не помышлявших о том, что им нужно оказывать какую-либо социальную поддержку. Главной проблемой Соединенных Штатов стал невиданный рост безработицы. В начале 1931 г. число безработных составило около десяти миллионов человек, а за каждым из них стояла семья. Все это привело к росту левых настроений, многочисленным маршам протеста и демонстрациям. Один из видных американских политиков в эти годы писал: “Эффективная помощь властей безработным - единственный способ избежать баррикад

и применения силы, ... что озлобит рабочих Америки и сделает их революционными на целое поколение” [106, С.150].

. Представляется вполне понятным, что все вместе взятые американские негосударственные благотворительные общества не могли оказывать поддержку такому количеству нуждающихся. Считается, что справиться с последствиями “Великой депрессии” в США помог так называемый “новый курс” президента Ф.Д.Рузвельта (1933 -1945 гг.). Коснемся тех аспектов его политики, которые были непосредственно связаны с социальной поддержкой нуждающихся: выплаты денежных субсидий безработным и организация в широких масштабах общественных работ. Отметим, что политические оппоненты Рузвельта неоднократно упрекали его в том, что он в своей экономической политике копирует фашистов и коммунистов (элементы планового хозяйства, прямое вмешательство государства в экономику и т.п.).

Еще в 1931 г., будучи губернатором штата Нью-Йорк, с очень высоким уровнем безработицы, Рузвельт принял экстраординарные меры по борьбе с нищетой, которые были весьма, не характерны для Америки предыдущего исторического периода и всячески критиковались теоретиками социальной работы в конце XIX - начале XX вв. Он начал выплачивать из казны штата ежемесячное денежное пособие безработным и всем нуждающимся. Следует отметить, что подобные действия предпринимались и в других штатах, но в значительно меньших размерах. В штате же Нью-Йорк такое пособие получали около десяти % всего населения (23 доллара в месяц), что позволило не умереть с голоду десяткам тысяч людей и, кроме того, предотвратить социальный взрыв.

Уже будучи избранным президентом, Рузвельт развернул широкую программу организации общественных работ. В так называемый Гражданский корпус сохранения ресурсов, зачислялись молодые люди в возрасте от 18 до 25 лет из семей, получавших пособие, а также безработные ветераны Первой мировой войны, наиболее “взрывоопасный” в социальном плане слой населения. Этот корпус выполнял природоохранные и строительные работы: “лесонасаждение, чистку лесов, мелиорацию, рытье прудов, улучшение парков, мостов, дорог и многое другое” [106, С.193-194].

. Корпус был военизированным. Его члены жили по военному распорядку в специальных лагерях (казармах или палатках), ими непосредственно руководили офицеры армии США, проводившие занятия по строевой подготовке. Каждый из “служащих” имел бесплатное питание и обмундирование, получал за работу по одному доллару в день.

Необходимо признать, что подобный опыт оказался успешным, хотя его резко осуждали профсоюзы и многие работодатели. Первоначально, в 1933 г., Корпус был рассчитан на 250 тысяч человек. Однако к 1935 г., когда пик экономического кризиса был пройден, его численность была увеличена вдвое - до 500 тысяч человек. Он существовал до

осени 1941 г., т.е. до начала войны с Японией, а всего через Корпус прошло около трех миллионов человек. Пожалуй, это была последняя в истории развитых капиталистических государств организация крупных общественных работ, призванная с целью поддержать нуждающихся и снизить социальное напряжение в обществе. После окончания Второй мировой войны, когда в экономике США вновь ощущался переизбыток рабочей силы, подобные структуры не образовывались.

Кроме того, в 1935 г. в США был принят Закон о социальном страховании, регламентирующий взаимоотношения работников, работодателей, профсоюзов и государства в отношении социальных страховых выплат. В том же году была образована общественная организация взаимопомощи “Анонимные алкоголики”, действовавшая по принципу взаимной психотерапии членов небольших групп алкоголиков, желавших избавиться от этого заболевания. Ее возникновение было непосредственно связано с преодолением последствий экономического кризиса, когда многие безработные стали прибегать к опасному зелью.

Определенные государственные меры социальной поддержки нуждающихся в периоды преодоления последствий обеих мировых войн принимались и в ряде других стран. Так, например, в Италии в 1919 г. было введено обязательное страхование по инвалидности, старости и безработице. В Англии после окончания Второй мировой войны в 1946 г. были приняты Законы о национальном (т.е. общегосударственном) страховании и о национальном вспомоществовании, т.е. о выплате государственных пенсий и пособий.

Вторая половина XX в., как уже отмечалось, для развитых стран Европы и США не была связана с преодолением масштабных экономических кризисов или с участием в войнах. В этот период можно выявить основные тенденции в развитии теории и практики социальной работы:

- продолжение теоретических разработок, касающихся в первую очередь методов индивидуальной комплексной работы с отдельными нуждающимися и малыми социальными группами;

- совершенствование деятельности государственных и муниципальных социальных служб, работа должна была охватывать все категории нуждающихся.

Обратимся к теоретическим исследованиям в области социальной работы, появившимся в 50-70-е гг. XX в. В США активно продолжалось развитие индивидуально-психологического подхода к этой проблеме. Одним из наиболее известных ученых, Ф. Холлинс, автором известной в кругу социальных работников книги “Индивидуальная психотерапия: психосоциальная теория” (1964 г.), был предложен психотерапевтический подход с позиций потребностей клиента и его взаимоотношений с ближайшим социальным окружением. При этом большое значение уделялось самооценке клиента своих проблем и

возможностей их преодоления. Целью социальной помощи в данном случае являлось улучшение социального функционирования клиента в процессе его успешной адаптации к внешним условиям жизни.

Параллельно с психотерапевтической концепцией Холлинса в 50-е гг. в США разрабатывается модель социальной работы как метод решения проблем. Автором подобной концепции была Э.Х. Перлман. В основе “метода решения проблем” лежали психологические построения бихевиоризма и прагматическая философия Дж. Дьюи. Метод предусматривал следующее: вместо психологических «самокопаний» «по доктору Фрейду» клиент должен найти в себе силы (при помощи, в том числе, в ходе консультаций с социальным работником) последовательно разрешить ряд стоявших перед ним конкретных проблем и вернуться к нормальной социальной жизни.

Позже, в 60-70-е гг., в США и Западной Европе были разработаны и иные подходы к индивидуальной социальной работе, как правило, сочетавшие в себе постулаты психологии, социологии, педагогики, юриспруденции (посредничество, социальное лечение, семейная терапия, концепция социального действия и др.). Наиболее интересным явлением в развитии теории социальной работы на Западе в 60-70-е гг. является постепенный отказ от индивидуального подхода как единственно возможного и востребованного. В современных условиях стали активно использоваться следующие: - групповой; - общинный; - социальное администрирование и планирование. Первые два предполагают оказание социальной помощи в составе группы или более широкого круга лиц - общины (в том числе жителей одного муниципального образования). Имеются в виду и совместные собрания определенных “групп”, которым оказывается и внешняя, и внутренняя поддержка (классический пример последнего - деятельность групп “анонимных алкоголиков”). Общинная социальная работа предусматривает интеграцию различных методов социальной поддержки клиента или группы клиентов со стороны всей общины. И, наконец, социальное администрирование - внешняя поддержка прямыми и косвенными методами, осуществляемая различными социальными службами в отношении целых категорий нуждающихся. В 80 - 90-е гг. XX в. на Западе продолжались теоретические разработки в области методов социальной работы.

Рассмотрим конкретные меры по поддержке нуждающихся, закрепленные на законодательном уровне в США и некоторых европейских государствах во второй половине XX в. Так, в США только в 1955 г. (позднее, чем в большинстве государств Европы) была создана федеральная система страхования по безработице, определившая выплаты некоторым категориям безработных. С начала 60-х гг. в этой стране (на государственном и муниципальном уровнях) получил широкое распространение метод индивидуальной работы

с нуждающимися и стало производиться специальное обучение социальных работников особенностям его использования в практической деятельности.

С середины 60-х гг. в США стало практиковаться создание специальных федеральных и муниципальных программ социальной поддержки отдельных групп, нуждающихся: безработных в регионах с высоким уровнем безработицы, матерей-одиночек, беспризорных детей с асоциальными формами поведения, нуждающихся - представителей отдельных этнических меньшинств и т.п. Эти программы, наряду с использованием индивидуального подхода, предусматривали специфические меры по социальному обеспечению каждой из указанных групп. Подобные меры были самыми разнообразными: выдача специальных пособий (причем не в денежной форме, а в виде особых талонов на покупку продовольствия и одежды), обеспечение дешевым жильем, организация курсов профессиональной переподготовки и обучения, помощь в трудоустройстве и т.п. Эти известные методы социальной работы теперь использовались не отдельными негосударственными благотворительными структурами, а централизованно осуществлялись в масштабах всей страны. Отметим, что последнее не означало свертывания общественной благотворительности. Она продолжала существовать наряду с государственной и вносила свой вклад в дело поддержки нуждающихся. С 1977 г. подобные программы получили официальное название Программ “социального благополучия”.

В 1974 - 75 гг. в США были проведены серьезные реформы в сфере пенсионного обеспечения. Так, законодательно был урегулирован вопрос о пенсионном обеспечении за счет работодателей и приняты постановления о периодической индексации пенсий и пособий вследствие перманентной инфляции. В конце 80-х гг. в США были проведены реформы по совершенствованию деятельности всей системы социальной поддержки.

Подобные процессы происходили и в странах Западной Европы. В Германии, оправившейся от последствий Второй мировой войны и переживавшей период экономического подъема, в 1961 г. был принят федеральный Закон о социальной помощи, призванный адаптировать всю систему социальной поддержки к новым социально-экономическим и социально-политическим условиям. Он предусматривал ряд обязательных государственных социальных страхований (по старости, по болезни и т.п.), регламентировал поддержку различных категорий, нуждающихся и обязанности в этом процессе федеральных и муниципальных социальных служб. Этим законом был упорядочен процесс финансирования социальной работы (за счет средств страховщиков, из федеральной казны или из местных налогов). Впоследствии, уже в конце 80-х - начале 90-х гг., социальное обеспечение в Германии было вновь реформировано с целью расширения видов и форм социальной поддержки. Так же, как и в США, здесь продолжали активно действовать негосударственные общественные и конфессиональные благотворительные организации.

Равным образом и в Англии уже в начале 70-х гг., т.е. позже, чем в Германии, был принят ряд законов, направленных на систематизацию социальной поддержки и усиление роли государства и органов местного самоуправления в этой сфере. К ним можно отнести Закон о социальных службах (1971 г.) и Закон о социальном страховании (1975 г.), в которых, так же, как и в соответствующих немецких законах, рассматривалась деятельность всех социальных служб по оказанию поддержки различным слоям нуждающихся и определялся порядок начисления и выплат страховых пенсий и пособий. Как и в США, в конце 80-х гг. в Англии была предпринята очередная реформа в области социальной поддержки, значительно расширившая количество категорий нуждавшихся, которым в обязательном порядке необходимо оказывать социальную помощь.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Подготовьте характеристику основных черт европейской модели социальной работы.
2. Раскройте содержание и технологии социальной работы в США.
3. Подготовьте сообщение на тему: «Социальная работа с определенной категорией клиентов (по выбору студента) в США и странах Западной Европы.

Литература

1. Антология социальной работы / сост. М.В. Фирсов. Т.3. – М., 1995.
2. Современная энциклопедия социальной работы / под ред. В.И. Жукова. – М: изд-во РГСУ, 2008.
3. Социальная работа в Германии и Австрии / под ред. Зимней И.А.-М., 1992.
4. Целых М.П. Социальная работа за рубежом. Соединенные штаты Америки.- М., 2007.
5. Энциклопедия социальной работы: В 3 т. Т.1. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 1993.

Глава 2. История становления социальной работы в России

Тема 13. Особенности развития социальной помощи в России XVIII-первой половины XIX вв.

План

1. Утверждение государственно-административных подходов к общественному и частному призрению.
2. Государственные подходы к проблемам профессионального нищенства в период правления Петра I.
3. Екатерина II и создание системы общественного призрения.

В нашей работе сделана попытка проследить общие тенденции, объединившие общеевропейский, американский и российский ход развития форм и методов поддержки нуждающихся. Вместе с тем необходимо определить некоторые особенности, определившие эволюцию социальной работы в Российской империи в сравнении со странами Западной Европы и США.

Назовем основные факторы, определившие специфику подхода к социальной помощи в России в XVIII - первой половине XIX вв.:

- наличие сильного централизованного государства, контролировавшего почти все стороны жизни общества;
- наличие “классического” крепостного права и ярко выраженных традиций сельской внутриобщинной помощи, имевшей место как у крепостных, так и у лично свободных крестьян;
- отсутствие, в отличие от католических стран, многовекового опыта оказания централизованной церковной поддержки и очень прочная народная традиция раздачи щедрой безразборчивой милостыни.

Именно эти факторы и определили своеобразное отражение передового для своего времени западноевропейского опыта социальной поддержки в Российской империи XVIII - первой половины XIX вв. Особо следует указать, что, в отличие от Европы, основная крестьянская масса населения России довольствовалась помощью - внутриобщинной и церковной. Только в случаях исключительных бедствий (наполеоновского нашествия), часть крестьян могла стать объектом централизованной государственной поддержки. В первой половине XVIII столетия, начиная со времени царствования Петра I, государство во многом пыталось скопировать ту систему социальной помощи и борьбы с профессиональным

нищенством, которая практиковалась в Западной Европе. Особенно этим отличался сам Петр. Следует заметить, что мотивы борьбы с профессиональным попрошайничеством, чрезвычайно распространившимся в городах империи, у русского царя были несколько иными, чем, в Англии XVI - XVII вв. Если в последней в период бурного развития раннекапиталистических отношений возникла острая потребность в дешевой рабочей силе и необходимо было привлекать к такой работе трудоспособных нищих и бродяг, то в России на первый план выдвигались фискальные соображения. Так, согласно доклада специальной комиссии в 1722 г., обследовавшей московские церковные богадельни, выяснилось, что там имелось достаточно много вполне здоровых людей, которые “весь свой век проводили в прошаках и не токмо никогда никаих податей Императорскому Величеству не плати и в службе (государственной) не служили”, но и получали при этом богатую милостыню” [91].

. В результате в богадельнях были оставлены только больные и дряхлые, а здоровых отправили на принудительные государственные работы.

Известно, что принуждение к работе здоровых нищих и бродяг, в том числе женщин и детей, в российском варианте, в отличие от английского, носило государственный характер. Их не отдавали частным хозяевам, а отправляли “на суконный двор” (т.е. на государственную мануфактуру), “в матросы” и т.п. Борьба с профессиональным нищенством велась Петром Первым бескомпромиссно и очень жесткими, даже для своего времени, методами. Однако не стоит связывать данную ситуацию с влиянием протестантской идеологии, как это было на Западе. В Европе Петр заимствовал лишь внешние формы подобного рода деятельности, а идеологическая подоплека у них была иная: необходимость бросить все силы народа на строительство мощной империи и жестко подавлять всяческую оппозицию этому; “старозаветный дух”, носителями которого не без основания считали профессиональных нищих и иных люмпенов (“гулящих людей”).

Вместе с тем Петр как-то пытался помочь и действительно нуждающимся: одиноким и неработоспособным инвалидам, сиротам, подкидышам и т.п. Однако при этом не допускалось расходование казенных денег, которых и так не хватало на проведение реформ и постоянные войны: содержать таких людей должны были монастыри, церковные богадельни и т.п. Исключение делалось только для солдат-ветеранов, для которых предписано было создавать за казенный счет “гошпитали”, и для “ззорных младенцев”, т.е. незаконнорожденных подкидышей, которых также предполагалось содержать в государственных приютах: в последних видели потенциальных государственных “служителей” – (матросов, солдат, рабочих).

Подобную политику продолжали и ближайшие преемники Петра. Отношение к нищим улучшилось только с 40-х гг. XVIII в., когда на российский престол взошла Елизавета Петровна, женщина весьма набожная. Кроме того, в российское образованное общество уже

начали проникать некоторые гуманные идеи философии Просвещения. Борьба с нищенством в этот период, несмотря на крайне жестокие формы, не увенчалась успехом, поскольку в огромной стране всегда находили, где укрыться от преследователей, а отношение православного народа, в отличие от западных пуритан, к нищим было весьма теплым, как к “людям Божиим”.

Очередная попытка коренным образом изменить процесс проведения социальной поддержки в России была предпринята Екатериной II в начальный период ее царствования - 60 - 70-е гг. XVIII в. Воспитанная на идеалах французского Просвещения и находившаяся в личной переписке с французскими философами, Екатерина попыталась на практике осуществить их социальные проекты в плане общественной помощи. Как уже отмечалось, это была, пожалуй, самая серьезная попытка реализовать некоторые идеи философии Просвещения в отдельно взятой стране. Эти устремления императрицы нашли отражение в официальном государственном документе - “Дополнении к большому Наказу”.

Известно, что в начале своего царствования Екатерина решила пересмотреть и дополнить российские законы и создать новое Уложение - свод законов в духе некоторых идеалов философии Просвещения. Для выработки этого Уложения было решено созвать комиссию из депутатов от разных сословий (кроме крепостных крестьян). В качестве руководящего документа для работы комиссии императрица лично написала “Наказ”, а затем и “Дополнение” к нему, в которых рассматривались все важные направления государственного строительства, в том числе, и политика в сфере социальной поддержки нуждающихся. В “Дополнении” (1768 г.) Екатерина отмечала, что нищие “привлекают к себе попечение ..., во-первых, в том, чтобы заставлять работать просящих милостыню, которые руками и ногами своими владеют, и потом, чтобы дать надлежащее пропитание и лечение нищим и немощным” [83, С.28].

Большое внимание уделяла Екатерина и направленному общественному воспитанию как детей, так и взрослых, которое считала самым надежным средством преобразования всего общества.

В соответствии с подобной идеологической основой, к мероприятиям по оказанию социальной поддержки можно отнести известные Воспитательные дома И.И.Бецкого, создававшиеся не как обычные приюты, а как специальные центры для воспитания людей “новой породы” - просвещенных и добродетельных горожан, способных своим поведением и примером перестроить весь социум. Следует заметить, что появление этих структур первоначально считалось делом огромной политической важности и в него были вложены большие средства. Однако эффективность работы этих приютов оказалась чрезвычайно низкой, хотя бы по той причине, что до 80 % младенцев умирало от недостаточного ухода.

Серьезное внимание Екатерина уделяла и борьбе с нищими, особенно профессиональными, которых, если судить по ее “Запискам”, она терпеть не могла, как наиболее ярких носителей косной, “непросвещенной” и “дикой” старорусской ментальности. Для этой цели в первые же годы царствования ею были испробованы различные методы государственной поддержки, рекомендованные Монтескье. Разного рода погорельцам и прочим беднякам, пострадавшим от каких-либо внешних причин, пытались выдавать долгосрочные беспроцентные государственные ссуды на восстановление личного хозяйства. Впрочем, значительная часть этих денег была просто пропита, и только очень немногие воспользовались ими разумно.

Пытались организовывать в России в дни голода и общественные работы. Но если в небольшом и небогатом провинциальном городке Шацке, где профессиональных нищих было немного, это мероприятие удалось, то в богатой, богомольной и обильной нищими Москве сложилась совершенно иная ситуация. Несмотря на назначенную достаточно высокую поденную плату, нищие добровольно работать не желали. Когда их пытались привлечь к оплачиваемому труду насильственно (с помощью полиции), они пытались откупиться гораздо большими деньгами, чем смогли бы заработать. Один из таких профессиональных попрошайек объяснил московскому генерал-губернатору, что работать не хочет, поскольку за счет милостыни получает достаточно денег. Предпринимались и такие курьезные меры, как попытки привлечь бездомных бродяг в “низшие служащие Московской полиции”. Но и они не увенчались успехом.

Безусловно, самым известным мероприятием екатерининской эпохи по организации социальной помощи стало создание Приказов общественного призрения - структур, обязанных организовывать социальную поддержку в губерниях. Это был явно государственный подход к помощи неимущим, которым Екатерина пыталась заменить помощь церковную и безразборчивую подачу милостыни, а также бороться с бедностью в целом.

В 1775 г. Российская империя была разделена примерно на 50 губерний. В “Учреждении для управления губерний”, - документе, регламентирующем состав и деятельность губернских властей, подробно описывалась и вновь создаваемая структура - Приказ общественного призрения, регулярно собиравшийся комитет, куда входили губернатор, несколько специальных чиновников, а также представители “общественности”: богатые дворяне и купцы. Приказ получал деньги из казны, мог заниматься различными коммерческими операциями, а также принимать частные пожертвования. Он должен был организовывать (или курировать) ряд “богоугодных” заведений: от сиротского приюта и богадельни до “рабочего” и “смирительного” домов. Первый из них предназначался для добровольно приходящих неимущих, а второй - для лиц, принудительно привлекаемых к труду: профессиональных нищих, алкоголиков, бродяг, “непочтительных” (к родителям) детей

и т.п., т.е. служил своеобразным трудовым Исправительным заведением для лиц, не совершивших серьезных уголовных преступлений. Время пребывания в смиренном доме определялось властями.

Таким образом, согласно екатерининской политике в сфере социальной поддержки, Приказ общественного призрения на практике должен был выполнять сразу несколько задач: помогать больным и неимущим одиноким лицам, воспитывать сирот и детей-бродяг, предоставлять работу желающим и насильственно привлекать к ней не желающих трудиться добровольно. На практике Приказы общественного призрения создавались в российских губерниях на протяжении нескольких десятилетий. Далеко не все из них приобрели полный штат заведений, они ведали, преимущественно, приютами, больницами для бедных и богадельнями, а работные и смиренские дома в российской глубинке практически не создавались: добровольно трудиться за мизерную плату в казенных мастерских находилось мало желающих, а лиц, склонных к асоциальному поведению, сажали в обычные тюрьмы.

Приказы общественного призрения, разумеется, не могли охватить своей деятельностью всех нуждавшихся в помощи. Так, попрошайничество оставалось широко распространенным в России на протяжении всего XIX столетия. Тем не менее, Приказы общественного призрения принесли определенную пользу: создавали и поддерживали деятельность ряда приютов, богаделен и иных подобных структур, а также становились губернскими центрами социальной поддержки в дни бедствий, голода, эпидемий и т.п. В большинстве губерний они просуществовали до 60-х гг. XIX в., когда их функции взяли на себя вновь образованные органы местного самоуправления: (земства и городские управы). В ряде так называемых “неземских губерний” на окраинах империи Приказы общественного призрения функционировали до 1917 г.

В короткий период царствования Павла I не произошло заметных реформ в сфере общественного призрения. Однако именно в этот период в России было создано первое крупное полугосударственное благотворительное общество, позднее получившее название Мариинского, по имени его первой руководительницы - супруги Павла - императрицы Марии Федоровны. Полугосударственные благотворительные общества - явление чисто российское, практически не получившее долговременных аналогов на Западе. Такие общества, а впоследствии их было создано еще несколько, находились под непосредственным руководством одного из членов императорской фамилии, имели свой штат чиновников, но ни формально, ни фактически не подчинялись правительству и обеспечивали свою деятельность за счет коммерческих операций и щедрых частных пожертвований. Мариинское общество занималось организацией детских приютов и женских учебных заведений.

Эпоха Александра I, пожалуй, самого прозападно настроенного императора в России, ознаменовалась новыми реформами в сфере социальной поддержки, принципы которых опять же были позаимствованы на Западе, но получили чисто российскую окраску. Так, юный император, не довольствуясь деятельностью Приказов общественного призрения, решил учредить негосударственное светское благотворительное общество по примеру Гамбургского. Следует отметить, что еще в конце XVIII в. в России появились частные светские благотворители, в частности, этим пытались активно заниматься масоны, Н.И.Новиков и его последователи - П.А.Татищев, В.И.Лопухин и др. Однако их благотворительная деятельность носила главным образом просветительский характер: издание дешевых книг, выплата стипендий неимущим гимназистам и студентам и т.п. Впрочем, они раздавали, по признанию Новикова, небольшие деньги “бедным и больным”. Но масонская благотворительность носила весьма ограниченный характер. Александр решил сделать подобную частную светскую благотворительность, основанную на “просвещенческом” понимании задач борьбы с нищетой.

Уже в самом начале своего царствования, в 1802 г., в Петербурге по царскому указу было организовано Благодетельное общество (позднее оно стало именоваться Императорским человеколюбивым обществом и просуществовало до 1917 г.). В качестве образца здесь явно было выбрано известное на всю Европу и уже упоминавшееся выше Гамбургское патриотическое общество. Однако российская действительность диктовала, что во главе вновь созданной структуры должен встать кто-либо из высших чинов государства, иначе Общество будет весьма ограничено в своих возможностях. Такую роль взял на себя сам Александр, возможно следуя примеру матери, которая несколькими годами раньше возглавила руководство детскими приютами и некоторыми женскими учебными заведениями и сыграла в этой области выдающуюся роль.

Человеколюбивое общество включало в свой состав около сотни действительных членов (представителем от Кубани стал известный педагог-просветитель протоиерей Кирилл Россинский), которые собирали пожертвования (весьма крупные, поскольку личный пример подал сам император) и распределяли их между нуждающимися, а также организовывали и курировали деятельность различных “богоугодных” заведений, не подчинявшихся Приказам общественного призрения. Значительную роль Человеколюбивое общество сыграло в преодолении последствий наполеоновского нашествия 1812 г.

Весьма характерным являлось и официальное отношение к самим нуждающимся в годы правления Александра I. В отличие от Екатерины II, он был воспитан не только на началах Просвещения, но и немецкого сентиментализма, поэтому отношение к нуждающимся в официальных документах было весьма лояльным. В учредительных документах Человеколюбивого общества они именовались “жертвами ожесточенного рока”,

т.е. личная вина за их положение с нуждающихся снималась - во всем оказываются виноватыми внешние обстоятельства. Даже полиции предписывалось забирать профессиональных нищих “без всякого им ... не только притеснения или страха, но и самого огорчения”. Впрочем, можно с уверенностью предположить, что на практике полиция не была столь гуманной. Впрочем, сентиментальные настроения, связанные с благотворительностью, в начале XIX столетия были свойственны не только императору, но и многим членам образованного российского общества. Достаточно упомянуть о построенном графом Шереметьевым Странноприимном доме в Москве (ныне там здание больницы им. Склифосовского), обошедшемся ему в 2,5 миллиона рублей.

Рост патриотических настроений, связанный с Отечественной войной 1812 г., вызвал новый всплеск частных и общественных пожертвований на благотворительность. Так, было организовано новое полугосударственное благотворительное общество - Женское патриотическое, во главе которого встала императрица Елизавета Алексеевна. Существовали и иные светские структуры, занимавшиеся сбором пожертвований и помощью пострадавшим. Однако российское “государственническое” мышление сказалось и здесь. Так, редактор П. Пезаровиус собирал пожертвования через свою собственную газету «Русский инвалид». Однако распределяя эти средства среди раненых воинов, он утверждал, что выдает деньги не от себя лично, а от лица государства.

В первой четверти XIX в. в России появились и новые негосударственные формы социальной поддержки, заимствованные в Западной Европе. К ним можно отнести создание небольших негосударственных самостоятельных общественных организаций в Польше и Прибалтике, т.е. в губерниях с католическим и протестантским населением; появление в крупных городах самодеятельных обществ взаимопомощи, объединявших людей различных, преимущественно интеллектуальных профессий. Однако и в эти организации входили, как правило, обрусевшие иностранцы. Большинство же русского населения продолжало оказывать социальную помощь путем пожертвований Церкви, в Человеколюбивое императорское общество, в Приказы общественного призрения или, раздавая милостыню напрямую всем, кто об этом просил.

Достаточно интересным явлением представляется оказание социальной помощи в период царствования Николая I (1825-1855 гг.) Сам император занимался этими вопросами, но он возлагал основные надежды на административно-чиновничий аппарат и Приказы общественного призрения. Даже Ведомство императрицы Марии на время превратилось в IV отделение собственной его величества канцелярии. При Николае I строились новые государственные приюты и богадельни, осуществлялись и иные виды поддержки нуждающихся, например, организация общественных работ. Примечательно, что император поощрял частные пожертвования в эти учреждения. Если они были достаточно крупными и

носили периодический характер, дававший их мог даже получить орден Св. Анны III степени, один из низших орденов Российской империи.

В этот период несколько усилились репрессии против профессионального нищенства. В первые годы царствования Николая, в 1828 г., Министерством внутренних дел был подготовлен специальный “Проект положения о нищих”. В этом документе, еще относительно гуманном, видимо, впервые в России, в качестве одного из способов прекращения бродяжничества и побирательства предлагалась женитьба, причем, при этом выплачивалось специальное пособие. Нищих же, «упорствующих остаться в праздной, безумной и порочной безбрачности», предлагалось отправлять к священникам “для увещевания” [82, С.46].

Отметим, что в 30 - 40-е гг. политика в отношении профессиональных работоспособных нищих ужесточилась. В стране появилось несколько работных домов для принудительного привлечения этих лиц к труду. По указу 1837 г. профессиональных работоспособных попрошаек приравнивали к бродягам и отсылали работать на казенные фабрики или на поселение в Сибирь.

Во второй четверти XIX в. в России произошло весьма важное событие, повлиявшее на ход развития социальной поддержки вплоть до начала XX в. В стране стали достаточно активно (в том числе и в провинции) создаваться небольшие негосударственные благотворительные общества, фактически независимые ни от Приказов общественного призрения, ни от Императорского человеколюбивого общества. Самым известным из них стало “Общество посещения больных” в С.-Петербурге, основанное В.Ф. Одоевским. Однако несмотря на название, его клиентами становились не только больные, но и все нуждающиеся. Сотрудники этого общества работали уже по новым принципам: отыскивали нуждающихся, определяли их потребности и необходимый вид помощи, и оказывали ее: определяли человека в богадельню или в больницу, подыскивали ему работу, жилье, помогали обнищавшим ремесленникам в сбыте продукции. Денежная помощь оказывалась лишь в исключительных случаях. Число клиентов этого Общества достигало нескольких тысяч человек в год.

Вначале его деятельность пользовалась популярностью, и Общество получало щедрые частные пожертвования. В него записались даже сыновья императора Николая: цесаревич Александр (будущий император Александр II) и его младший брат Константин. Встревоженный столь большой известностью общественной организации, император Николай через несколько лет включил “Общество посещения больных” в состав Императорского человеколюбивого общества, т.е. фактически поставил его под административный контроль.

Характеризуя развитие социальной поддержки в России в XVIII - первой половине XIX вв., следует отметить, что за сравнительно короткий срок общественное призрение в стране прошло путь от средневековых форм раздачи безразборчивой милостыни до появления целой системы учреждений социальной поддержки, которая включала разнообразные церковные, государственные и общественные структуры, особенностью социальной помощи в России в этот период было явное доминирование государственных учреждений над остальными, а также традиционная раздача безразборчивой милостыни нищим и развитая взаимопомощь в сельских общинах. Положение стало меняться только со второй половины XIX столетия, после проведения в стране серьезных либеральных реформ, затронувших многие стороны жизни российского общества.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Какие государственные мероприятия осуществляются в период петровских времен в отношении детей-сирот?
2. В чем историческое значение введения в структуру губернского управления приказов общественного призрения? Какова стратегия их деятельности?

Литература

1. Антология социальной работы / сост. М.В. Фирсов. Т.3. – М., 1995.
2. Современная энциклопедия социальной работы /под ред. В.И. Жукова. – М: изд-во РГСУ, 2008.
3. Фирсов М.В. История социальной работы в России: Учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999.
4. Энциклопедия социальной работы: В 3 т. Т.1. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 1993.

Тема 14. Теория и практика социальной помощи в России во второй половине XIX-начале XX вв.

План

1. Реформы 60 – 70-х гг. и развитие системы социальной помощи в стране.

2. Становление земской и городской системы помощи и развитие общественной благотворительности.

3. Разработка теоретических подходов к общественному призрению на рубеже XIX – XX вв.

В 60-х - начале 70-х гг. XIX в. в России были проведены серьезные либеральные реформы, повлиявшие на развитие системы социальной помощи в стране. Особо следует выделить следующие:

- отмену крепостного права, вызвавшую постепенное размывание сельской общины и переселение определенной части крестьян в города;

- введение местного (городского и сельского) самоуправления, что позволило передать функции Приказов общественного призрения земствам и городским управам;

- военную реформу, сопровождавшуюся резким сокращением срока солдатской службы: с 25-ти до 7-ми лет. Последнее имело далеко идущие социальные последствия, поскольку при Николае I около трети профессиональных нищих и бродяг составляли бывшие солдаты, вышедшие в отставку уже в достаточно зрелом возрасте и не сумевшие найти себе соответствующее место в гражданской жизни. После реформы солдаты стали увольняться со службы сравнительно молодыми и в подавляющем большинстве случаев могли вернуться в семью и найти себе соответствующую работу.

Отмена крепостного права, напротив, резко увеличила число нуждающихся в поддержке. Во-первых, крестьяне должны были поэтапно выплачивать помещикам стоимость полученной земли, что экономически подрывало их хозяйства. Во -вторых, так называемые дворовые, личные слуги помещиков, а их по всей России насчитывалось около миллиона, были отпущены на волю без земли. Многие из них ушли от своих бывших хозяев, и (особенно старики) превратились в люмпенов. В целом положение в России в первые пореформенные годы достаточно точно описано в известной поэме А.Н.Некрасова “Кому на Руси жить хорошо”, причем автор на этот вопрос дает весьма пессимистический ответ.

Необходимо отметить, что в первые годы после начала реформ несколько снизилась общественная благотворительность. Это было связано с ожиданием интеллигенции, (особенно настроенной либерально и радикально) резкого общего улучшения положения дел в стране как следствия “великих реформ” Александра II. Идеологические вожди радикалов, Н.Г. Чернышевский и Д.А.Писарев, полагали, что социальная помощь лишь тормозит развитие общества по пути прогресса. Они считали, что “подачки” бедным, связанные с сиюминутной филантропией, с одной стороны, отнимают силы и время интеллигенции, которая должна действовать в целях коренного переустройства всего общества. С другой стороны, такая филантропия является унижительной и для самих бедных и снижает их

стремление к самостоятельному устройству своей социальной жизни. Это не что иное, как повтор отдельных положений философов Просвещения, но в более яркой и революционной окраске.

Известно, что и само правительство стало меньше заботиться о социальной поддержке, чем даже при Николае I. Подобную деятельность первоначально пытались частично переложить на церковные приходы, следуя западному образцу (императорский указ от 1864 г.). Но в этом плане больших успехов добиться не удалось, поскольку сама Церковь не располагала достаточными суммами, а в период либеральных умонастроений значительной части “образованного общества” пожертвования в храмы на бедных заметно снизились.

Однако уже в 60-х гг. XIX в. благотворительность в разных формах вновь становится весьма популярной среди либеральной интеллигенции. В этот период начинают создаваться многочисленные негосударственные благотворительные общества различной направленности (как в обеих столицах, так и в провинции). Действует в России и общеевропейская тенденция научного обоснования социальной поддержки. С 1870 г. в Петербурге выходит специальный частный “Журнал гигиенических и филантропических сведений” “Вестник благотворительности”. Гигиена упоминалась не случайно, поскольку главным редактором журнала был доктор медицины, полагавший, что забота о здоровье бедняков - одна из важнейших задач благотворительности. Статьи в журнале предлагали проводить тщательный отбор клиентов благотворительных обществ и осуществлять специализированную помощь в каждом индивидуальном случае, однако практических рекомендаций в этой сфере не давалось. Известно, что вышли всего несколько номеров журнала, после чего издание прекратило существование.

Общественная благотворительность получила новый, очень сильный импульс, когда в России в конце 60 - начале 70-х гг. XIX в. во многих губерниях были созданы выборные органы местного самоуправления - земства и городские собрания. На них, кроме иных функций, была возложена социальная поддержка, а бывшие Приказы общественного призрения в этих губерниях ликвидированы: таким образом правительство пыталось переложить основную часть организации помощи нуждающимся на местные органы и проводить ее за счет местных налогов и частных пожертвований.

Необходимо отметить, что земства и особенно городские управы сыграли значительную роль в улучшении социальной поддержки в России. Они зачастую действовали рука об руку с негосударственными благотворительными обществами и всячески поддерживали их. Кроме того, городские управы имели и собственные учреждения общественного призрения: приюты, ночлежки, работные дома, богадельни. Велик их вклад в организацию образования детей из бедных семей в целом. Иногда органы местного

самоуправления выступали с инновационными для своего времени предложениями по борьбе с нищетой и бедностью: организовывали специальные структуры, которые брали под особое наблюдение лиц, потенциально способных оказаться нуждающимися в помощи, и оказывали им соответствующую поддержку; пытались проводить своеобразное “трудовое воспитание” среди люмпенов, иногда весьма жесткими мерами; создавали центры внешкольного воспитания для детей из беднейших семей, что являлось профилактикой детской преступности и т.п. По признанию современников, число нуждающихся, получавших помощь напрямую или при содействии органов местного самоуправления значительно возросла.

Безусловно, не следует идеализировать опыт работы земств и городских управ по оказанию социальной помощи, как это делали некоторые исследователи в середине 90-х гг. XX в. в условиях “торжества демократии”. Имеются свидетельства, что в некоторых органах местного самоуправления на собственное содержание тратилось больше денег, чем на общественное призрение и медицинскую помощь. Имели место и случаи коррупции.

Кроме того, значительным тормозом для эффективного оказания социальной помощи явилась полная неготовность к такой деятельности сотрудников земств и городских управ. Так, например, Пермская городская дума в 1880 г. организовала Комитет по разбору нищих, имевший статус общественной организации и включавший в себя думских депутатов. Комитет организовал ночлежный дом, бесплатную столовую и назначил выдачу специальных пособий наиболее нуждающимся. При этом либерально настроенные думцы решили отказаться от репрессивных мер в отношении профессиональных нищих и бродяг.

Однако при попытке начать практическую работу у этих учреждений начались неприятности. Нищие после пребывания в ночлежке и получения бесплатного обеда шли на улицу попрошайничать, а собранные деньги пропивали. На работу удавалось устроить лишь немногих, поскольку нищие трудиться не хотели. Таким образом и общественная инициатива в деле помощи нуждающимся, на которую так уповали либералы, не стала панацеей в борьбе с нищенством. В конце XIX в. известный педагог и председатель комиссии по социальной поддержке при Московской городской думе В.И.Герье с горечью писал, что прокормление всех нуждающихся в городе подобно наполнению водой дырявого ведра, хотя в Москве на эти цели тратилось несколько сот тысяч рублей в год.

Следует также отметить, что репрессивная борьба с профессиональным нищенством и бродяжничеством после реформ Александра II проводилась достаточно вяло. Органы местного самоуправления, например, были обязаны “... смотреть, чтобы бедные и неимущие люди их ведомств (проживавшие на подведомственной им территории) по миру не бродили и нищенским образом милостыню не просили” [58, С.54].

. О конкретных способах профилактики побирательства и бродяжничества в законах ничего не говорилось, наказания же за эти виды деятельности были весьма незначительными. Так обычный нищий или бродяга мог получить (но далеко не всегда получал) три месяца тюрьмы. Если же попрошайничество совершалось “с особой наглостью” или к этому привлекались несовершеннолетние дети, то срок мог возрасти до шести месяцев.

Подводя итоги деятельности органов местного самоуправления по оказанию социальной поддержки во второй половине XIX - начале XX вв., можно сказать, что, с одной стороны, она сыграла значительную позитивную роль в разрешении этой проблемы. С другой стороны, такая поддержка далеко не всегда являлась эффективной, что было связано с двумя основными причинами:

- общесоциальными, обусловленными невысокими доходами значительной части населения страны в этот период и значительным риском многих наиболее бедных членов общества перейти на положение нищих по независящим от них причинам (отсутствие работы, неурожай и т.п.);

- личностными качествами многих клиентов общественного призрения: их ленью, пьянством, склонностью к асоциальному поведению, отсутствием инициативы в поисках работы и т.п.

Спор о значимости каждой из этих причин в среде русских благотворителей шел до самой революции и однозначного ответа на этот вопрос получено так и не было.

Аналогичное положение сложилось и в негосударственных благотворительных обществах, многие из которых тесно сотрудничали с органами местного самоуправления. Некоторые из сотрудников этих обществ, как правило, связанные с практикой оказания социальной помощи различным группам нуждающихся, были настроены в пользу второй группы факторов и обвиняли многих своих клиентов не только в неумении, но и в сознательном нежелании жить нормальной социальной жизнью: в косности социальных представлений и религиозных взглядов, нежелании самостоятельно зарабатывать, в пьянстве, в отсутствии инициативы и надежде, что им не дадут умереть с голоду благотворители. Неоднократные попытки “приискать” этим людям работу заканчивались, в большинстве случаев неудачей, поскольку даже те, кто “получал мест,” нередко работали плохо, пьянствовали, прогуливали, уходили бродяжничать и работу теряли. Примечательно, что подобные примеры нередко приводил даже либерально настроенный, но хорошо знакомый с жизнью люмпенов публицист В.А.Гиляровский.

Другие авторы, как правило, лица левых убеждений, напротив, во всем винили социальный и политический строй. Они полагали, что в создавшихся условиях государство обязано взять на себя заботу об всех неимущих, а радужную перспективу исчезновения нуждающихся видели в демократизации политической жизни и построении общества

“свободного труда”, когда не будет ни бедных, ни богатых, а благотворительность исчезнет сама по себе.

Вместе с органами местного самоуправления и общественными филантропическими организациями в России продолжали действовать и крупные полугосударственные благотворительные общества (Мариинское ведомство, Человеколюбивое императорское общество, Общество трудовой помощи, созданное в самом конце XIX в., и некоторые другие). Иногда они сотрудничали с более мелкими негосударственными благотворительными структурами, курировали их деятельность, а также оказывали им финансовую помощь.

В 90-х гг. XIX в. была предпринята последняя в истории Российской империи серьезная попытка государственного вмешательства в дело социальной помощи в масштабах всей страны. Она была связана с неурожаем и сильным голодом, поразившим ряд регионов России (особенно Поволжье) в 1892 г. Следствием этого стала стихийная миграция в города и “хлебные” регионы Юга России, породившая значительное число люмпенов, бродяг и нищих. Неоднократно отмечались и случаи голодной смерти. Практика показала, что в подобных условиях массового народного бедствия ни органы местного самоуправления, ни общественные благотворители, ни само государство не оказались способными эффективно бороться с голодом, когда он охватывал несколько крупных регионов страны.

В сложившейся обстановке правительством была организована специальная комиссия для выработки дополнительных законов и положений, направленных на организацию более эффективной социальной поддержки. Фактически комиссия должна была выработать официальную концепцию общественного призрения, осуществляемого всеми типами благотворительных учреждений: общегосударственными, местными и общественными. Комиссию возглавил престарелый (ему было 77 лет) действительный тайный советник К.К.Грот, до этого десять лет руководивший Ведомством императрицы Марии. Во вновь созданную организацию вошли не только чиновники, но и представители общественности, известные в стране люди: юрист А.Ф.Кони, руководитель негосударственных Высших женских курсов в Москве В.И.Герье, редактор журнала “Вестник Европы” М.М.Стасюлевич, а также представители негосударственных благотворительных организаций. Деятельность комиссии предусматривала знакомство с опытом работы как отечественных, так и зарубежных благотворителей: многие ее члены были направлены в длительные командировки в разные страны Европы и США, а ряд российских органов местного самоуправления должен был прислать собственные предложения по улучшению дела общественного призрения.

На одном из первых заседаний комиссии было признано, что никакой общей концепции социальной поддержки в России не существует, и каждый благотворитель

действует по своему разумению. После этого начались ожесточенные дискуссии, однако касались они, главным образом, финансовых вопросов. Так некоторые чиновники во главе с К.К.Гротом полагали, что главенствующая (контрольная функция) в этой области должна принадлежать государству. Предлагалось даже создать специальное министерство общественного призрения. Мотивировалась такая позиция тем, что каждый нуждающийся имеет право на помощь, хотя финансироваться она может из разных источников. Против такой позиции выступили либералы, считавшие, что именно представители общественности, а не государственные чиновники способны более эффективно и оперативно, без бюрократических проволочек, оказать необходимую помощь нуждающимся. Однако в результате было принято решение возложить всю ответственность в этой сфере на органы местного самоуправления. т.е. оставить все как было.

Эта позиция, особенно те ее пункты, которые касались обязательной социальной помощи каждому нуждающемуся за счет введения новых местных налогов, вызвала критику со стороны городских управ и земств. В.И.Герье, как представитель Московской городской думы, утверждал, что это невозможно в связи с отсутствием средств, даже если брать в расчет крупные частные пожертвования. Он полагал, что и органы местного самоуправления сами должны определить категории нуждающихся, которые “достойны” поддержки, и оказывать им строго адресную помощь. Сюда не должны были входить бродяги, пьяницы и профессиональные нищие. Борьбу с ними, включая репрессивные меры, Герье предлагал возложить на государство.

Велись дискуссии и по поводу конкретных форм и методов социальной помощи. Однако комиссия, просуществовав около пяти лет и будучи распущенной в связи со смертью председателя, так и не выдала ни одного конкретного решения. Материалы ее деятельности были отправлены в архив. Впрочем, споры о формах и методах общественного призрения продолжались.

В 1910 г. аналогичную задачу создания целостной концепции общественного призрения попытались решить общественные благотворительные организации. Союз учреждений, обществ и деятелей по общественному призрению ставил своей целью “упорядочение и объединение благотворительной деятельности во всей России” [5, С.181].

. На съезде обсуждались прежде всего организационные вопросы. В частности, предлагалось органам местного самоуправления предоставить полную свободу действий так называемым участковым попечительствам - структурам городских управ, осуществлявшим адресное общественное призрение. За городскими управами оставалась лишь функция финансирования этих попечительств. Однако подобное решение имело для органов местного самоуправления лишь рекомендательный характер и выполнено не было. Примечательно, что на том же съезде отмечалось, что наиболее эффективной в России стала деятельность

приходских попечительств, хотя она и не получила широкого распространения по всей стране.

В начале XX в. в России остро встал вопрос и о профессиональной подготовке служащих попечительств и благотворительных обществ, т.е. лиц, которые в настоящее время именуются социальными работниками. Самым значительным из мероприятий по разрешению этой проблемы стала организация специальной кафедры общественного призрения при юридическом факультете психоневрологического института в Петербурге. Созданный Бехтеревым, он являлся негосударственным учебным заведением и по существующим в те времена правилам не мог выпускать дипломированных специалистов в области общественного призрения. Создатель кафедры, видный теоретик в сфере помощи нуждающимся С.К. Гогель первоначально возлагал большие надежды на деятельность организованного коллектива, однако впоследствии сетовал, что единая концепция социальной помощи в России так и не была создана.

В конце XIX в. в России несколько активизировалась церковно-приходская поддержка, которая проводилась в различных формах: от одноразового денежного вспоможения до создания в городах небольших работных домов, богаделен и детских приютов. Подобная помощь не имела централизованного руководства и, как правило, зависела от инициативы приходского священника и церковного совета.

Среди священников наибольшей известностью пользовался св. Иоанн Кронштадский, весьма популярный в разных слоях населения (кроме либеральной интеллигенции) и собиравший огромные средства на благотворительность. Так, например, Московская городская дума выделила на дела общественного призрения в городе в 1895 г. триста тысяч рублей, а Иоанн Кронштадский в том же году получил пожертвований на благотворительность на сумму свыше трехсот пятидесяти тысяч. На эти деньги была создана целая сеть небольших приютов с обучением ремеслу, работных домов и приютов, не считая выплаты одноразовых и постоянных субсидий. Примечательно, что Иоанн оказывал помощь не только членам своего, достаточно обширного прихода, но многим, обращавшимся к нему. Подобной деятельностью, разумеется, в меньших масштабах, занимались и другие священники в городах и селах.

Особенностью православной церковно-приходской помощи (в отличие от протестантской) явилась направленность не столько на моралистические проповеди и материальную поддержку, сколько на желание “разбудить в них заглохшее чувство веры”, духовно переродить человека таким образом, чтобы побирательство, лень, пьянство и иные грехи стали бы неприемлемы для него самого. Достигалось это различными средствами, но прежде всего активным участием в жизни Церкви, молитвами, постом и иными путями.

Конечно, “исправить” удавалось далеко не всех, однако истинно уверовавшие действительно переставали вести асоциальный образ жизни.

Подводя итоги развитию социальной помощи в России во второй половине XIX - начале XX вв., можно сделать следующие выводы:

1. Этот период характеризуется активным участием в социальной поддержке полугосударственных и негосударственных благотворительных обществ, а также органов местного самоуправления. Роль государства в этой сфере постепенно снижается, и за ним остается, как правило, лишь использование репрессивных мер против нуждающихся, ведущих асоциальный образ жизни.

2. С 70-х гг. XIX в. в России появляются первые научные разработки, посвященные проблемам общественного призрения, выработке конкретных форм и методов поддержки нуждающихся; начинают выходить специализированные журналы. Однако целостная эффективная концепция в этой области не была выработана до революции 1917 г.

3. В сфере поддержки нуждающихся были достигнуты определенные успехи, касавшиеся различных структур, занимавшихся этими видами деятельности. Так, среди полугосударственных крупных благотворительных обществ наибольших успехов добилось Мариинское ведомство, занимавшееся созданием различных учебных заведений (преимущественно для девочек) и сиротских приютов. В области так называемой “детской помощи”, включавшей в себя различные направления: от поддержки детей-беспризорников до помощи в получении образования детям из бедных семей, в стране были достигнуты наибольшие успехи. За счет работы негосударственных благотворительных обществ и соответствующих структур было значительно увеличено общее число нуждающихся, которые получали поддержку в различных ее видах. Были введены и новые формы помощи: от предоставления работы до помощи в сбыте собственной продукции, не предусматривающие прямого получения денежного вспомоществования.

Вместе с тем, не были решены и некоторые важнейшие проблемы социальной поддержки, в первую очередь в сфере борьбы с профессиональным нищенством и бродяжничеством, которое усилилось в годы Первой мировой войны.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Дайте характеристику земскому призрению.
2. Что представляла собой городская система общественного призрения?
3. В чем своеобразие отечественной модели теории общественного призрения в данный период?

Литература

1. Антология социальной работы / сост. М.В. Фирсов. Т.3. – М., 1995.
2. Мельников В.П., Холостова Е.И. История социальной работы в России: учебное пособие. – М.: Издательско-книготорговый центр «Маркетинг», 2001.
3. Современная энциклопедия социальной работы /под ред. В.И. Жукова. – М: изд-во РГСУ, 2008.
4. Фирсов М.В. История социальной работы в России: Учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999.
5. Энциклопедия социальной работы: В 3 т. Т.1. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 1993.

Тема 15. Особенности изучения истории социальной работы в отдельных российских регионах

План

1. Социально-экономические и социокультурные факторы, влияющие на развитие форм социальной поддержки.
2. Развитие системы социальной поддержки нуждающихся в отдельных российских регионах.
3. Становление традиций социальной поддержки на Кубани в начале XX в.

В последние годы появился ряд исследований, посвященных изучению истории социальной работы в отдельных республиках, краях и областях Российской Федерации. Вместе с тем общие методологические подходы к изучению региональных особенностей истории, развития различных форм поддержки нуждающихся в России до сих пор, не достаточно, разработаны. Большинство авторов констатирует, что в том или ином регионе, наряду с общегосударственными, проявлялись собственные специфические тенденции генезиса социальной работы.

Так, например, И.А. Скалабан совершенно справедливо утверждает, что историю социальной работы невозможно изложить и понять без учета и анализа специфики тех или иных регионов этой безбрежной многонациональной страны. Сходные высказывания имеются и у других авторов. Некоторые из них в качестве основных факторов, повлиявших на специфику развития социальной помощи в той или иной области России, выделяют

социально-экономические условия; другие обращаются к социокультурным особенностям населения, его национальному составу; третьи – во многом опираются на религиозные традиции милосердия, свойственные различным конфессиям, имевшим наибольшее число последователей в этом регионе.

Все эти факторы, несомненно, оказали воздействие на формирование традиций социальной поддержки в отдельных регионах. Однако сама методика, позволяющая выявить специфику истории развития социальной работы в российских регионах как целостного социально-экономического, социокультурного и социально-педагогического явления, до настоящего времени не отработана.

Очевидно, необходимо выявить основные факторы воздействия на возникновение и существование тех или иных форм социальной поддержки и социального воспитания нуждающихся, специфических для данного региона. В рассматриваемый нами исторический период (конец XVIII - начало XX вв.) ним можно отнести:

- во-первых, официальную правительственную политику в этой сфере, поскольку Российская империя была жестко централизованным государством. Однако на конкретное воплощение в жизнь этой политики, особенно на окраинах империи, оказывало влияние множество различных факторов, связанных с местной спецификой. Эти факторы можно разделить на две основные группы: социально-экономическую и социокультурную. К первой из них относятся:

1. Уровень социально-экономического развития региона в отношении уровня развития ведущих российских губерний: С.-Петербургской и Московской.

2. Социальный состав населения и его расслоение по уровню доходов: степень преобладания крестьянства (до 1861 г. - крепостного или лично свободного), число мещан, ремесленников, рабочих и т.п.

3. Наличие в регионе крупных городов как центров концентрации социально незащищенных лиц.

4. Национальный состав населения с учетом представительства различных национальностей в отдельных сферах народного хозяйства.

5. Наличие большого числа переселенцев (для окраин России).

6. Наличие значительной прослойки обеспеченных лиц, занимавшихся частной благотворительностью.

Этот список можно продолжить, хотя степень воздействия других факторов на формирование системы социальной поддержки в регионе в большинстве случаев была не столь значительной. Что же касается социокультурных факторов, влиявших на становление и развитие различных форм социальной помощи, то в первую очередь следует назвать:

1. Традиционное отношение к нуждающимся в этом регионе, связанное, в первую очередь, с конфессиональным мировосприятием.

2. Национальный состав населения и его традиции в области социальной помощи и социального воспитания.

3. Наличие определенной прослойки образованных лиц, которые, в большинстве случаев, выступали организаторами негосударственных светских благотворительных обществ.

4. Уровень развития народного просвещения в регионе и доступность его для детей из нуждающихся семей.

Как и в отношении социально-экономической группы факторов, этот список не является полным, однако содержит ведущие направления, по которым следует оценивать влияние социокультурных причин на специфику организации социальной помощи в регионе.

Исходя из синергетического методологического подхода необходимо отметить, что все эти факторы, не только включенные в одну группу, но и принадлежащие к разным группам, находились в теснейшем взаимодействии между собой и взаимно влияли друг на друга. Так, неслучайно национальный фактор рассматривается нами одновременно как социально-экономический и социокультурный. Известно, что представители одной народности, проживавшей в каком-либо российском регионе, особенно на границах империи, нередко занимали традиционную нишу в сфере народного хозяйства, что, с одной стороны, носило явно социально-экономический характер, а с другой, - во многом определялось социокультурными традициями этой народности, в том числе и в сфере социального воспитания.

Однако выделение вышеперечисленных факторов облегчает анализ региональных особенностей социальной работы в их историческом развитии. Как правило, какой-либо один или несколько из этих факторов являлись доминирующими, которые оказывали сильное воздействие и на остальные факторы и таким образом формировали особую традицию социальной помощи в этом регионе.

В качестве характерного примера достаточно привести состояние дел по борьбе с нищенством в Москве. Еще в XVIII столетии многие современники свидетельствовали о том, что Москва, город достаточно богатый, славилась “толпами нищих”, которых здесь было несравненно больше, чем в Петербурге и, тем более, других губернских городах. Причину этого видели только в одном - традиционном “нищелюбии”, привычке подавать безразборчивую милостыню, прочно укоренившейся в сознании многих обеспеченных москвичей. В целом в Москве, как и в северной столице, государственные власти и общественные светские благотворительные организации проводили схожую политику и обладали крупными средствами для этих целей, в Москве даже большими, чем в Петербурге.

Однако результаты борьбы с нищенством в двух этих городах были различными. Возможность ежедневно выпрашивать у прохожих крупные суммы денег привлекали в Москву огромное число истинных и лже нищих со всех окрестных губерний. В Петербурге это явление тоже имело место, но в значительно меньших масштабах.

Дадим характеристику основным факторам, воздействовавшим на развитие системы поддержки нуждающихся в отдельных регионах.

Уровень социально-экономического развития играл двоякую роль в формировании системы социальной поддержки в каждой губернии или области Российской империи. Особенно заметно это стало проявляться после отмены крепостного права, когда многие из крестьян устремились в города и утратили связь со своей сельской общиной, т.е. лишились права на общинную взаимопомощь. С одной стороны, жители “богатых” губерний, в первую очередь столичных, в целом имели более высокий уровень жизни по сравнению с другими регионами. Здесь, особенно в городах, проще было найти работу, обучиться какой-либо специальности и получить какой-либо постоянный источник существования. Помимо того, в этих губерниях, начиная еще с середины XVIII в., существовала достаточно разветвленная и эффективная система различных учреждений по оказанию помощи нуждающимся: от ночлежек до специализированных профессиональных учебных заведений. Здесь впервые пытались применить новаторские методы социальной поддержки, как со стороны государственных властей, так и органов местного самоуправления, а также общественных благотворительных организаций.

С другой стороны, крупные города всегда служили местом притяжения для нуждающихся из других губерний, особенно из деревень, которые приезжали сюда с надеждой получить работу. Однако они зачастую оказывались неприспособленными к жизни в новых социальных условиях и автоматически попадали в категорию нуждающихся. Крупные города, особенно Москва, издавна стали своеобразными “центрами” профессионального нищенства, благо подавали много и охотно. Таким образом, проблема борьбы с профессиональным попрошайничеством особо остро проявлялась именно в крупных экономических центрах.

Что же касается регионов с более низким уровнем экономического развития, в которых крупные города отсутствовали, то здесь наблюдалась обратная картина: число нуждающихся было сравнительно меньшим, но и формы и методы оказания помощи им не были столь разнообразными. Не так сильно было здесь распространено и профессиональное нищенство, однако работоспособным нуждающимся было значительно сложнее найти себе заработок, чем в крупных городах. Примечательно, что именно в “бедных” губерниях еще со второй половины XVIII столетия очень хорошо себя оправдывала такая форма организации

социальной помощи, как проведение общественных работ. В Москве же, например, желающих трудиться таким образом было немного.

Что же касается Кубанского региона, то он прошел оба этих уровня: от неосвоенного и бедного края в конце XVIII - первой половине XIX вв., до сравнительно богатой области на рубеже XIX - XX столетий, что довольно заметно отразилось на состоянии социальной помощи нуждающимся.

Не меньшее влияние на возникновение и развитие различных форм социальной поддержки в регионах оказывал социальный состав населения и степень его расслоения по уровню доходов. Так, для северных губерний с преобладающим лично свободным населением в первой половине XIX столетия доминировали общинная взаимопомощь и церковно-приходская помощь. Они дополнялись государственной помощью (в основном проводившейся через Приказы общественного призрения) и, уже во второй половине века, деятельностью сравнительно небольших общественных благотворительных организаций. Эти губернии сравнительно безболезненно перенесли и экономический кризис, имевший место в России в первой половине 60-х гг. после отмены крепостного права.

Несколько иначе сложилось положение в тех центральных и, особенно, южных губерниях, где крепостное право получило широкое распространение. Если в XVIII - первой половине XIX вв. большинство крестьян находилось под опекой помещиков, не заинтересованных в разорении их хозяйств и жестко контролировавших оказание помощи нуждающимся крепостным со стороны сельской общины, то после 1861 г. положение изменилось. Земельные наделы, полученные крестьянами, были небольшими, да и само сельское общество уже не могло оказывать столь действенную помощь, как раньше. Положение крестьян заметно ухудшилось и возросло их имущественное расслоение.

Следует отметить, что традиции приходской помощи здесь практически отсутствовали. Именно в этих губерниях основная тяжесть поддержки нуждающихся легла на вновь созданные земские органы, которые были вынуждены срочно создавать различные учреждения по оказанию социальной поддержки и, особенно в городах, на негосударственные благотворительные общества.

В Кубанском регионе эти тенденции также нашли свое отражение, что было связано, во-первых, с практическим отсутствием крепостного права, и, во-вторых, с сильными общинными традициями в казачьих станицах. Что же касается иногородних, попавших на Кубань уже в последние десятилетия XIX в., то именно они стали основными клиентами различных благотворительных обществ, в большом количестве появившихся в кубанских городах только в самом конце XIX столетия.

Наличие в отдельных регионах крупных городов, как центров концентрации социально незащищенных лиц, сыграло важнейшую роль в развитии социальной поддержки

в различных российских губерниях. Историческая практика, и не только отечественная, показала, что в подавляющем большинстве случаев нуждающиеся в социальной помощи концентрировались в городах, где легче было обеспечить себе проживание. (Впрочем, и в российских деревнях во второй половине XIX в. хватало бродячих нищих). Именно здесь возникали первые негосударственные благотворительные общества и испытывались различные формы государственной поддержки. Провинциальные губернские города зачастую пытались заимствовать столичный “передовой” опыт, прежде всего в области социального воспитания или, как писали тогда, “нравственной поддержки”, нуждающихся и распространять его в городах уездных. Примечательно, что даже создание таких государственных органов социальной поддержки, как Приказы общественного призрения, совершалось постепенно: сначала в Петербургской губернии, потом в ближайших к ней, Тверской и Новгородской, затем в Московской и далее по всей России. То же самое можно сказать и об общественных благотворительных организациях.

Кроме того, наличие в крупных городах, самых разнообразных категорий, нуждающихся способствовало выработке новых форм помощи им: профессионального обучения, создания “дневных” детских садов для работающих матерей; предоставления дешевого или бесплатного жилья по типу общежитий и т.п.

Сравнительно позднее появление в Кубанской области светских общественных благотворительных организаций во многом объясняется отсутствием там крупных городов вплоть до конца XIX в.

Значительное воздействие на становление и развитие социальной помощи в отдельно взятых губерниях оказывал национальный состав населения с учетом места представителей различных народов в структуре общественного производства. В некоторых регионах России, где наряду с русским населением жили представители других народов (иногда их число было преобладающим) зачастую устанавливалось своеобразное “разделение труда”, когда каждый из народов, (или, по крайней мере, значительная его часть) занимался традиционными для него видами хозяйственной деятельности. Определенное “размывание” профессиональной принадлежности по национальному признаку, начавшееся в национальных окраинах России во второй половине XIX столетия, имело важные последствия для развития новых форм социальной работы в этих регионах.

Так, например, в Кубанской области на рубеже XIX - XX вв., определенная часть адыгов была вынуждена покинуть свои сельские общины и перебраться в города в поисках заработка. Представляется вполне естественным, что эта социальная группа оказалась наименее адаптированной к жизни и работе в городе с преобладающим русским населением и часть ее членов достаточно быстро перешли в категорию нуждающихся в поддержке. Это послужило одной из важнейших причин создания в начале XX в. нескольких национальных,

в данном случае адыгских, благотворительных обществ, оказывающих разнообразные виды социальной помощи своим землякам.

Наличие большого числа переселенцев, что было характерно для некоторых окраин Российской империи, так же накладывало серьезный отпечаток на формирование и развитие системы социальной поддержки в регионе. Переселение из центральных и густонаселенных губерний во вновь присоединенные области с незначительным числом местного населения довольно широко практиковалось в России еще с XVII и вплоть до начала XX века. Оно могло быть полупринудительным или добровольным, однако в подавляющем большинстве случаев новоселы на первых порах испытывали значительные материальные затруднения и пользовались определенной экономической поддержкой со стороны государства.

Подобная помощь, применительно к конкретному региону, могла носить самый разнообразный характер: от выдачи продовольствия и семенного зерна до предоставления налоговых льгот и запрета набора в армию рекрутов из числа переселенцев. Она носила достаточно широкие масштабы и накладывала серьезный отпечаток на всю организацию социальной работы в той или иной губернии.

К числу таких регионов принадлежала и Кубань, где в конце XVIII - первой половине XIX вв. было проведено несколько крупных централизованных переселений русских и украинцев, отчасти обеспеченных государственной поддержкой. Их следует отличать от массовых добровольных миграций, характерных для Кубанского региона уже во второй половине XIX столетия. В этом случае заботу о переселенцах были вынуждены брать на себя региональные учреждения социальной поддержки и частные благотворительные общества.

И наконец, определенную роль в формировании системы учреждений по организации социальной поддержки в различных регионах сыграло наличие там определенной прослойки обеспеченных лиц, занимавшихся благотворительностью в широких масштабах. Следует заметить, что на протяжении все истории Российской империи социальная помощь финансировалась, главным образом, не из казны, а за счет частных лиц. Происходило это вне зависимости от конкретных форм поддержки: от подачи безразборчивой милостыни, до строительства и содержания крупных специализированных благотворительных заведений. Вместе с тем, представляется вполне очевидным, что подобное финансирование в достаточно крупных размерах было возможно только в тех регионах, где были богатые жертвователи, хотя это и не являлось единственным условием эффективности филантропии.

Так, богатые московские купцы, особенно старообрядцы, раздавали тысячи и десятки тысяч рублей в виде безразборчивой милостыни, однако результатом этого было не столько улучшение дел в сфере социальной поддержки, сколько увеличение числа

профессиональных попрошайек. Вместе с тем, во многих “бедных” губерниях ряд общественных благотворительных организаций были вынуждены свернуть свою деятельность именно из-за недостатка финансирования, т.е. отсутствия крупных пожертвований на нужды социальной помощи. Можно с определенной долей уверенности утверждать, что число негосударственных благотворительных обществ в регионе и эффективность их работы напрямую зависели от размеров таких пожертвований.

Подобную тенденцию можно достаточно отчетливо проследить и на примере Кубанского региона. Так, в первой половине XIX в., когда пожертвования на светскую благотворительность получили широкое распространение в среде купечества и дворянства, на Кубани такие пожертвования в крупных размерах встречались довольно редко, что объяснялось, не в последнюю очередь, отсутствием в регионе достаточного числа богатых людей. Этим, отчасти, было обусловлено достаточно позднее, по сравнению с губерниями Центральной России, появление здесь эффективно действующих негосударственных благотворительных обществ.

Рассмотрим теперь группу социокультурных факторов, оказывавших воздействие на развитие социальной работы (особенно в сфере социального воспитания нуждающихся) в каком-либо регионе и предопределявшие специфику этого развития.

Остановимся на традиционном отношении к нуждающимся со стороны населения этого региона обусловленное, в первую очередь, его конфессиональной принадлежностью.

Широко известно, что в большинстве государств традиции социальной помощи и ее конкретных форм во многом были связаны с конфессиональной принадлежностью большинства их населения, и эта тенденция косвенно прослеживается вплоть до наших дней, когда собственно религиозные убеждения зачастую перестали быть доминирующим фактором, определяющим мировоззрение большинства людей. Уже хрестоматийными стали воззрения М.Вебера на различие в отношении к профессиональной деятельности и помощи беднякам у протестантов и католиков.

Подавляющее большинство населения Российской империи придерживалось православного вероисповедания. Однако на окраинах государства, существовали области, заселенные последователями иных христианских конфессий и других религиозных учений. О различии их подходов к проблемам социальной помощи отечественные исследователи писали еще в дореволюционный период. Так, в статье Е. Тарновского (1900 г.) отмечалось, что число нищих в западных областях Российской империи, преимущественно протестантских и католических, число нищих значительно меньше, чем в центральных, православных. Автор объяснял это православной традицией широкой раздачи безразборчивой милостыни и писал: “религиозное различие ставит предел нищенству.

Схожими могли быть внешние формы благотворительности, а ее религиозные первопричины, особенно отношение к нуждающимся в той или иной религии или конфессии, во многом отличались. Особенно отчетливо это проявлялось в традиционных конфессиональных подходах к социальному воспитанию нуждающихся.

Национальный состав населения, его традиции в оказании социальной помощи и проведении социального воспитания так же выступают важнейшим фактором, влияющим на специфику исторического развития социальной работы в каждом регионе. Этот фактор тесно связан с конфессиональными особенностями поддержки нуждающихся, но не тождественен им. Формирование традиций социальной поддержки у народов, населявших какой-либо регион, происходило на протяжении многих веков и было связано с народными обычаями, возникшими еще в древние, языческие времена, с особенностями экономической и социальной жизни каждого народа и взаимных влияниях в этой сфере соседских народов друг на друга.

Так, например, сравнивая обычаи благотворительности у адыгов и казанских татар, существовавшие в XIX столетии, можно наблюдать как значительное сходство, так и некоторые заметные различия, хотя оба этих народа придерживались ислама. Объяснялось это, во многом, тем фактом, что татары значительно теснее контактировали с русским населением, многие из их семей давно проживали в городах и т.п. Адыги же, напротив, до конца XIX столетия сравнительно слабо были связаны с русскими, как в экономической, так и в социокультурной областях. Помимо того, жизнь обособленных горных аулов способствовала сохранению многих древних традиций, свойственных горским народам, например, широко известного обычая гостеприимства, тесно связанного с социальной поддержкой или имевшей важнейшее значение внутриобщинной взаимопомощью, которая почти отсутствовала у городских татар.

Равным образом и казачье население Кубани выработало специфические формы социальной помощи, которые в Центральной России, также в подавляющей степени православной, были давно забыты. В качестве примера здесь можно привести сбор средств на выкуп пленных и др.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Прочитайте учебное пособие - Спирина В.И., Спирина М.Л. Очерки истории социальной работы на Кубани. - Армавир: РИЦ АГПУ, 2007. Дайте характеристику основным факторам, воздействовавшим на развитие системы поддержки нуждающихся в Кубанской области на рубеже XIX - XX вв.

Литература

1. Антология социальной работы / сост. М.В. Фирсов. Т.3. – М., 1995.
2. Мельников В.П., Холостова Е.И. История социальной работы в России: учебное пособие. – М.: Издательско-книготорговый центр «Маркетинг», 2001.
3. Современная энциклопедия социальной работы / под ред. В.И. Жукова. – М: изд-во РГСУ, 2008.
4. Спирина В.И., Спирина М.Л. Очерки истории социальной работы на Кубани. – Армавир: РИЦ АГПУ, 2007.
5. Фирсов М.В. История социальной работы в России: Учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999.

Тема 16. Традиционные формы общественного воспитания и общественной поддержки в Кубанском регионе (конец XVIII–начало XX в.)

План

1. Характеристика форм социальной помощи у адыгов и казачества.
2. Инновационные формы и методы общественного воспитания и общественной поддержки в Кубанском регионе на рубеже XIX и XX вв.

Известно, что коренное население региона до его присоединения к России в основном составляли различные малочисленные Северо - Кавказские народы, причем самой крупной этнически родственной группой были адыги (самоназвание адыгэ) и этнически близкие к ним черкесы (название предположительно заимствовано из грузинского языка). В отечественной историографии XIX - начала XX вв. все эти народы назывались черкесами.

Требуют пояснения и термины «кубанские казаки» и «иногородние», поскольку методы и формы общественной поддержки и общественного воспитания и у них заметно отличались. Официально Кубанское казачье войско было сформировано в 1860 г., главной его составляющей стало Черноморское казачье войско, образованное в конце XVIII в. из бывших запорожских казаков и впоследствии пополнявшееся переселенцами из Украины. Кроме этого к кубанским казакам была причислена часть донских казаков из состава Кавказского линейного войска. Районы компактного расселения бывших черноморских и линейных казаков существовали до начала XX в., хотя и имели общее название – кубанских.

«Иногородними» в XIX столетии формально назывались лица, не принадлежавшие к казачьему сословию и не пользовавшиеся его льготами. До 1861 г. их постоянная оседлость на территории Войска не допускалась, т.е. они не имели права владеть здешними землями.

Однако уже к началу XX в. за счет миграции из России иногородние составляли свыше половины населения Кубани. В основном это были лица, "принадлежавшие к низшим слоям общества" (крестьянам, мещанам, отставным солдатам, а впоследствии и рабочим), т.е. потенциальные объекты общественной поддержки. Достаточно сложные условия существования и притеснения со стороны казаков вызывали и обратный процесс - переселение иногородних с Кубани в другие регионы России, хотя он и не носил массового характера.

Что же касается дореволюционного административно-территориального деления края, то с конца XVIII в. до 1861 г. часть его с границей по р. Кубань официально именовалась Черноморией, а казачье войско - Черноморским казачьим войском. После 1861 г. эта территория была расширена за счет присоединения ряда земель, в том числе и "замыренных" после окончания Кавказской войны, и получила новое название - Кубанская область. Соответственно Черноморское казачье войско было переименовано в Кубанское.

В настоящее время существует достаточное число исследований по истории адыгского народа, в которых подробно рассматриваются жизнь и обычаи адыгских племен в течение нескольких столетий. К началу XIX столетия у различных адыгских субэтнических групп в целом наблюдались постепенное разложение патриархально-родовых отношений и усиление роли племенной знати и мусульманского духовенства. Однако в различных племенах эти процессы шли неравномерно: в некоторых из них местный князь и его окружение – дворяне - обладали значительной властью над рядовыми крестьянами, часть из которых находилась в крепостной зависимости от представителей местной знати; в других значительную социальную роль продолжали играть свободные крестьяне-общинники, возглавляемые старшинами. Еще с XIX в. в русской научной литературе первые из этих племен получили название «аристократических», а вторые – «демократических». Существовал в адыгских племенах и институт рабства, хотя положение рабов (главным образом из числа пленных во время набегов на соседей) могло быть различным. Общая численность адыгов на Кубани к началу XIX в. по различным источникам составляла от 200 до 400 тысяч человек (104).

Подобные особенности социальной жизни и религиозной традиции адыгских племен обусловили сложившиеся у них традиционные формы общественного воспитания и общественной поддержки. Ислам был принят адыгами сравнительно поздно - только в XVI - XVII вв., языческая религиозная традиция, наложившая свой отпечаток на общественную жизнь народа, оставалась достаточно сильной. В отличие от народов Дагестана, принявших ислам от арабов еще в VII в., у адыгских племен законы шариата не являлись главенствующими, а исламская идеология не оказывала столь сильного влияния на этническую ментальность. Гораздо большую роль в социальной жизни адыгов играли адаты - "неписанные законы, сложившиеся много веков назад, основывавшиеся, главным образом,

на общинных традициях и далеко не во всем совпадавшие с требованиями шариата" "[45, С.90].

. Все действующие адаты были объединены в единый кодекс «Адыгэ хабзэ» (адыгский закон), не получивший письменного оформления, но свято передававшийся от поколения к поколению. Он затрагивал все стороны социальной и семейной жизни адыгских племен, в том числе и проблемы социальной поддержки.

Среди различных форм социальной помощи, существовавших у адыгских племен, явно доминировала внутриобщинная, во многом схожая с такими же видами помощи в сельских общинах у других народов. Вместе с тем у адыгов существовали и специфические формы общественного воспитания и общественной поддержки, связанные уже с отличиями их социальной жизни от способов существования иных этносов.

Как уже отмечалось, в «Адыгэ хабзэ» достаточно подробно регламентировались такие обычаи, как внутриобщинная помощь и взаимопомощь, воспитание детей в национальных традициях, уважительное отношение к старшим и забота о них и т.п. Существовали важнейшие обычаи, связанные с социальной поддержкой, к которым можно отнести:

- помощь и взаимопомощь внутри сельской общины;
- покровительство или патронат;
- куначество;
- "тлеух", или братство;
- усыновление взрослых;
- попечение о сиротах;
- аталычество (воспитание детей в чужих семьях);
- забота о стариках.

Внутриобщинная помощь и взаимопомощь включали в себя самые разнообразные виды поддержки односельчан. К ним относилась помощь отдельным семьям в сельскохозяйственных работах, если эти семьи в силу каких-либо причин (гибель или болезнь работоспособных мужчин, отсутствие тяглового скота и т.п.) не в состоянии были самостоятельно обработать свой надел. Такой обычай назывался «шихафэ» - традиция, сохранившаяся в адыгских селах до наших дней. Существовал специальный общинный земельный фонд, который обрабатывался сообща. Полученный урожай распределялся между самыми нуждающимися семьями. Равным образом община оказывала помощь продуктами в случае проведения каких-либо семейных ритуалов: свадебных торжеств, рождения детей, похорон и т.п.

Эти обычаи нашли отражение в этнографических работах современников. Так, в 30-е гг. XIX в. один из российских исследователей писал, что "у горцев нет нищих, просящих

милостыню... вся община ведет свои дела сообща, все члены ее ... помогают все вместе каждому отдельно" (24,56). Об этом же сообщал в середине XIX в. известный адыгский просветитель Ногмов Ш.Б., замечая, что у адыгов "просить помощи у соседа ... не считалось пороком. Помогать бедным представлялось всем в священную обязанность" [57, С.68].

Необходимо отметить, что адыгская народная педагогика уделяла большое внимание воспитанию у детей качеств, необходимых для жизни в общине: трудолюбия, стремления прийти на помощь соседям, уважения к старшим членам своей общины и подчинения их требованиям и т.п.

Выше уже отмечалось, что, несмотря на доминирование внутриобщинной поддержки, у адыгов существовали и иные формы общественной помощи (несемейной), связанные с постепенным усилением могущества и властных притязаний местных князей и дворян-узденей, постоянными межплеменными военными столкновениями, существованием кровной мести и т.п. Как правило, эти обычаи были направлены на поддержку тех лиц, которые постоянно или временно лишались покровительства своей сельской общины или к такой общине не принадлежали вообще. Здесь значительную роль играло покровительство или патронат со стороны князей и влиятельных лиц вообще. Вот как описывает этот обычай кубанский историк и литератор первой половины XIX в. Хан-Гирей:

"По введенному в Черкессии обыкновению, слабый человек, находя свое положение опасным, ограждает себя посредством покровительства могущественной особы таким образом: он является к лицу, сильному властью, знатностью рода, обстоятельствами, и поручает себя, свое семейство ... его покровительству, в чем ему и не отказывается никогда" [95, С.113].

Человек, поступавший под покровительство, получал первоначально материальную помощь скотом, продовольствием, инвентарем и т.п. В то же время он принимал на себя определенные обязательства перед покровителем: от исполнения сельскохозяйственных и строительных работ для патрона до участия в военных набегах на соседей. Таким образом, покровительство нельзя считать социальной поддержкой в чистом виде. Тем не менее, некоторые элементы подобной поддержки в этом обычае просматриваются. Человек со своей семьей, по каким-либо причинам оторвавшийся от общины, становился совершенно беззащитным и нуждался в покровительстве.

Некоторое сходство с обычаем покровительства имело куначество (от тюркского слова "конак", т.е. гость). Само понятие использовалось в двух различных значениях. Во-первых, это мог быть союз двух равных по своему социальному положению лиц (у казаков такой союз именовался "побратимство"). Кунаки были обязаны оказывать друг другу всяческую помощь и поддержку: от материальной - до военной. В отдельных случаях кунаками могли становиться адыг и русский. В этом случае они не имели права, даже в

случае военных действий, на личные поединки, а если один из них попадал в плен к противоположной стороне, кунак был обязан выкупить его или освободить иным путем.

Во-вторых, под куначеством иногда понимались взаимоотношения двух лиц, построенные по принципу "патрон - клиент", хотя оба они именовались кунаками. В этом случае один из них становился покровителем и оказывал материальную и иную помощь, а другой в ответ мог предложить лишь личную преданность, свой труд и помощь при набегах и военных столкновениях.

Тлеух или братство представляло собой группу людей, число которых иногда доходило до нескольких сот человек, объединенных определенными взаимными обязательствами. Это был очень древний обычай. В братство первоначально входили представители нескольких родов, зачастую принадлежавших к разным общинам. Впоследствии в такие братства стали принимать и чужаков (изгоев из собственного и чужих племен; лиц, потерявших близких в результате кровной мести, и даже преступников) при условии, что те выполняли все обязанности такого сообщества. Вот как представлял этот обычай русским автор статьи в газете «Тифлиссские ведомости» в 1829 г.: «Всякий беглец, бродяга, преследуемый законами, находил верное убежище у Адыхэ (адыгейцев). ... Беглец, который предполагает поселиться в горах, немедленно по прибытии должен просить покровительства и объявить свое намерение принять их обряды; в этом случае он делается безопасным (т.е. получает гарантированную защиту со стороны братства), приводится к присяге и дает обязательство вести себя сообразно с обычаями Адыхэ. С сего времени он равняется со всеми коренными жителями, права его и собственность обеспечиваются, и он принимается всеми как товарищ и брат» [95, С.105].

Ряд либерально настроенных российских этнографов и социологов второй половины XIX - начала XX вв. видели в адыгских "братствах" прежде всего народные организации, выступавшие против властных притязаний местных князей и дворян. Несомненно, что подобная функция этих организаций имела место. Однако необходимо указать, что братства в значительной степени занимались и организацией взаимной поддержки своих членов. Так, кроме укрывательства и защиты, лица, состоявшие в братствах, получали в случае необходимости самые разнообразные виды помощи. Сюда входили и материальная поддержка, и сбор средств для выкупа за невесту и совершение различных обрядов и празднеств, и помощь в строительстве домов, и т.п. В какой-то степени эти формы социальной поддержки напоминали общинные, но распространялись на людей, не всегда связанных родовыми или общинными узами.

Специфической формой общественного воспитания и общественной поддержки у адыгов являлось и формальное усыновление взрослых лиц. Как правило, эти лица по каким-либо причинам теряли поддержку своего рода или общины, в том числе и из-за нарушения

норм жизни, указанных в адатах. Обычай усыновления почитался священным, и отказать в нем могли только в исключительных случаях. О древних корнях обычая усыновления, восходящего чуть ли не к временам существования пережитков матриархата, говорит тот факт, что усыновляла просителя старейшая женщина рода, а не мужчина. На усыновленного распространялось большинство прав и все обязанности члена рода и общины, в которую входил этот род. Таким образом, усыновленный становился полноправным объектом внутриобщинной социальной поддержки.

Попечение о детях-сиротах также являлось определенной формой социальной поддержки у адыгов. Впрочем, в силу очень прочных семейных связей, решение этой проблемы брали на себя родственники, даже отдаленные, в случае утраты ближайших родичей по мужской линии. Лишь в исключительных случаях сироты поступали под опеку кого-либо из наиболее уважаемых членов общины. Впрочем, в адыгских семьях считалось большой бедой не иметь детей, и желающих взять под опеку сирот всегда было достаточно. Однако такого опекуна, даже если им становился близкий родственник, всегда утверждала община.

Согласно адатам, опекуном детей мог стать только мужчина. Однако уже во второй половине XIX в. не без влияния участвовавших контактов с русским населением, стали отмечаться отдельные случаи поручения опеки девочек-сирот женщинам - матерям семейств. Можно утверждать, что в благополучных адыгских сельских общинах проблема опеки детей-сирот практически была решена полностью: все они получали должное воспитание, никто не испытывал материальной нужды, если ее только ни испытывала вся община.

Иной своеобразной формой воспитания детей, также включающей в себя значительные элементы социальной поддержки, но уже никак не связанной с общинными традициями, стало аталычество - передача ребенка на воспитание в чужую семью. Как правило, дети из знатных семей отдавались на воспитание лицам, имевшим более низкий социальный статус. Примечательно, что такой обычай существовал у многих народов на ранней ступени их развития, в том числе и в Древней Руси. Однако у многих народов Северного Кавказа, в силу специфики их жизни эта традиция сохранялась вплоть до XIX столетия.

Один из потомков черкесских (адыгских) князей, С. Хан-Гирей - русский офицер, литератор и этнограф первой половины XIX в., сам получивший вполне европейское образование, пытался объяснить обычай аталычества и его функцию социальной взаимопомощи. "Причиной введения в обиход такого рода воспитания, - писал он, - было, кажется, следующее: князья издавна для увеличения своей силы искали все возможные средства привязать к себе дворян (имеются в виду не дворяне в русском значении этого слова в XIX в., а свободные общинники-воины, служившие в княжеских вооруженных

отрядах и не отличавшиеся большим материальным достатком). А дворяне (выступавшие в роли воспитателей - аталыков) для всегдашней защиты и вспомоществования себе во всех случаях всегда желали более сблизиться с князьями: бедные всегда и везде нуждаются в помощи богатых, а слабые - в покровительстве сильных, могущество которых увеличивается обширностью влияния на других. Для обоюдного сближения оказалось вернейшим средством воспитание детей, которое связывало два семейства в некотором смысле кровным родством, приносило обоюдные выгоды" [51, С.32].

Практически обычай аталычества состоял в том, что воин, взявший на воспитание в свою семью сына князя, был обязан сопровождать своего патрона в военных набегах. А тот, в свою очередь, обязался защищать свободу и имущество воспитателя и в случае необходимости оказывать его семье материальную поддержку. Как видим, аталычество можно рассматривать как одну из своеобразных форм покровительства. Вместе с тем она несла очень важную функцию общественного воспитания: княжеский ребенок рос в достаточно суровой обстановке вне дома, обучался навыкам общения со сверстниками и старшими, у него вырабатывались необходимые правила поведения в адыгском социуме. Только достигнув совершеннолетия, юноша получал разрешение вернуться в родной дом.

Необычайная забота о стариках, утративших способность самостоятельно работать, и уважение к старшим вообще было весьма характерным явлением для народов Северного Кавказа, что отмечалось многими этнографами. Старики в адыгских селениях были обеспечены постоянной заботой и уходом. Даже тех из них, у кого не было ближайших родственников, брал на попечение кто-нибудь из родни и относился к ним, как к собственным родителям. Если одинокий старик оставался без поддержки родственников, то позор ложился на весь его род. Именно этим обычаем объясняется тот факт, что даже в начале XX в., когда значительная часть адыгов переселилась в города, а старинные обычаи и нормы поведения стали соблюдаться слабее, чем раньше, одинокие старики-адыги практически не попадали в богадельни: всегда находились какие-либо родственники, готовые приютить их.

Отметим, что старики в общинах выполняли весьма важную функцию социального воспитания. Их обязаны были слушать не только дети из собственной семьи, но и все лица младшего возраста. Именно представители старшего поколения выступали гарантами соблюдения обычаев и общинных традиций. Ослушаться их указаний считалось тяжкой провинностью.

Описанные выше традиционные формы общественного воспитания и поддержки, существовавшие у адыгов с древних времен, были востребованы на протяжении почти всего XIX столетия. Их стабильность и неизменность во многом определялись длительным периодом существования сельской общины и отсутствием прочных и широких контактов с

русским населением края. Со второй половины XIX в. адыгская сельская община стала (хотя и достаточно медленно) утрачивать свое доминирующее значение, и все большее число адыгов устремилось в города на отхожие промыслы или постоянное место жительства. Однако старинные традиции взаимной поддержки проявились уже в новых условиях, адаптированных к городской жизни. Общину в городах в какой-то степени заменили прихожане мечетей во главе с муллами, которые занимались широкой благотворительной деятельностью и поддержкой своих единоверцев. Даже в работе национальных адыгских негосударственных благотворительных обществ, возникших уже в начале XX столетия по образцу подобных русских организаций и во многом заимствовавших опыт последних, проявлялись элементы традиционного отношения к общественной поддержке соплеменников.

Оценивая эффективность традиционного общественного воспитания и общественной поддержки у адыгов в конце XVIII – начале XIX вв., т.е. с начала русской колонизации региона, необходимо отметить, что она вполне отвечала условиям жизни адыгских племен в тот период и была достаточно действенной.

Поражение России в Крымской войне, начало проведения либеральных реформ Александром II и последовавшее вскоре окончание Кавказской войны нашли непосредственное отражение в развитии новых форм и методов общественного воспитания и общественной поддержки в Кубанском регионе. В целом в этом процессе на Кубани во второй половине XIX столетия можно отметить две основные и в чем-то противоречивые тенденции. Во-первых, здесь, как и в остальной России, стали получать развитие инновационные подходы: создание негосударственных благотворительных структур, поиски новых путей помощи беднейшим слоям населения, борьба с нищенством и бродяжничеством, новые формы работы с детьми-сиротами и детьми из неблагополучных семей и т.п. Во многом подобное явление объяснялось быстрым, особенно в конце XIX в., экономическим развитием региона, изменением социального состава населения, когда казаки уже перестали составлять его подавляющую часть, и рядом иных причин.

Во-вторых, вторая половина XIX - начало XX вв. на Кубани характеризуется укреплением и увеличением материального достатка в казачьих станичных общинах, их сравнительной обособленностью от остальной части населения и развитыми формами самоуправления, что поддерживалось и официальными властями. Все это сопровождалось развитием внутриобщинной взаимопомощи в разрешении самых разнообразных вопросов. В этом отношении Кубань, как и ряд других казачьих областей, заметно отличалась от других регионов России, где внутриобщинная помощь в крестьянской среде постепенно теряла свою значимость.

Начало второй половины XIX в. для Кубанского региона было временем достаточно сложным: поражение России в Крымской войне и новая волна Кавказской войны (она здесь

продолжалась до середины 60-х гг. XIX в.). Материальное положение основной массы казачества, хотя несколько и улучшилось по сравнению с 20-ми гг. XIX столетия, но по-прежнему было несколько хуже, чем, например, у донских казаков. Впрочем, массовых сборов помощи в пользу голодающих казаков и новых переселенцев здесь уже не проводилось, но и в эти годы известны случаи частных пожертвований в пользу беднейших казачьих семей. Так, например, отец известного полководца М.Д. Скобелева, Д.И. Скобелев - человек весьма небедный и известный своей бережливостью, после завершения службы на Кавказе в должности командира полка (1853 - 1856 гг.) оставил Кубанскому казачьему войску "капитал в три тысячи рублей для выдачи ежегодного процента из этой суммы (около 200 руб.) ... в пособие одному казачьему семейству, имеющему крайнюю нужду по бедственному положению или по особым случаям, требующим помощи"[72, С.165].

Следует отметить, что общероссийские тенденции в развитии новых форм и методов общественной поддержки и общественного воспитания, имевшие место в период "либеральных реформ" 60-х гг. XIX в., достаточно быстро проявились и на Кубани. В Екатеринодаре в 1861 г. было создано негосударственное Женское благотворительное общество, а через несколько лет и Мужское благотворительное общество. Впоследствии они объединились под общим названием Екатеринодарского благотворительного общества. В те же годы подобные общества создавались во многих центрах окраинных регионов России: от Петрозаводска до Тифлиса. Впрочем, здесь скорее можно видеть повторение опыта 30-х гг., когда сравнительно небольшие частные филантропические организации начали появляться в губернских городах центральной России, причем возглавляли их, как правило, жены высших губернских чиновников. В Екатеринодаре инициаторами создания Женского благотворительного общества стала группа жен старших казачьих офицеров во главе с генеральшей Иваниной Н.С. В работе этого первого негосударственного благотворительного общества достаточно ярко выразилась региональная специфика. Благотворительницы обратились первым делом к организации женских учебных заведений и в первые же годы способствовали открытию на Кубани 7 женских училищ, как в городах, так и в некоторых крупных станицах. Примечательно, что и в официальных документах главной задачей этого Общества было распространение просвещения, а не помощь бедным. В отличие от благотворительных обществ Центральной России пожертвования здесь поступали не только от частных лиц, но и частично от войсковой казны. В 70-е гг. Благотворительное общество несколько упрочило свое материальное положение и перестало полностью зависеть от внешних поступлений. Значительная часть средств стала собираться за счет разного рода благотворительных базаров, любительских спектаклей и иных подобных мероприятий.

Деятельность Екатеринодарского благотворительного общества по открытию женских учебных заведений в какой-то степени повторяла просветительскую и

воспитательную работу первого на Кубани женского монастыря - Мариинского (открыт в 1849 г.). Здесь в 50-е гг. было организовано учебное заведение для девочек, рассчитанное на 200 воспитанниц из беднейших казачьих семей. Впрочем, монахини заботились не столько об обучении, сколько о воспитании девочек. Посетивший монастырь в 1861 г. наказной атаман Иванов Н.А, писал настоятельнице - игуменье Митрофании о том, что монастырское воспитательное заведение, "образуя благочестивых жен для простого домашнего быта, удаляющего раздор, приносящего отраду, ... проливающее истинный свет скромного образования на 200 питомец, ... поставлено высоко ... в смысле понимания женщины-матери, достойной этого имени" [59, С.261].

С середины 70-х гг. XIX в., кубанским городским властям и негосударственным благотворительным структурам пришлось, помимо содействия просвещению, заняться и другой важной проблемой - непосредственной помощью беднейшим слоям городского населения. Это было связано с тем фактом, что с конца 60-х гг. на Кубань, получившую официальное наименование Кубанская область, начался приток не казачьего населения, как правило, мещан, ремесленников, мелких торговцев, наемных работников, отставных солдат, сезонных рабочих и т.п., т.е. лиц, не обладавших особым достатком. "Отмена крепостного права и окончание военных действий в Закубанье, а также ряд законов (особенно от 29 апреля 1868 г., разрешавший лицам не войскового сословия селиться и приобретать недвижимую собственность на казачьих землях) открыли широкие возможности для заселения Кубани переселенцами из других губерний России" [45, С.377].

. Достаточно подчеркнуть, что если в 1861 г. русское не- казачье население этого региона составляло менее 2%, то уже в 1881 г. их было около 30%. К 1890 г. число казаков уменьшилось до 48% от всего населения, горцы составляли около 7%, а остальные в большинстве своем были новыми переселенцами. Часть из них впала в бедность и стала представлять собой контингент, нуждавшийся в помощи со стороны общества. На протяжении всей второй половины XIX в. число таких бедняков постоянно возрастало преимущественно за счет приезжих, т.н. "иностранцев". Значительную роль в организации помощи этим слоям населения в 70 - 90-е гг. на Кубани, как и во всей России, сыграли, помимо негосударственных благотворительных организаций, органы местного самоуправления. Как известно, Кубанская область относилась к числу казачьих областей, и ее главой был войсковой атаман, а не губернатор. Земских органов местного самоуправления в казачьих областях не полагалось, а вместо них существовали управления отделами (уездами), возглавлявшиеся атаманами, подчинявшимися непосредственно войсковому атаману. Однако для городов было сделано исключение. Согласно реформе городского самоуправления (1870 г.), на Кубани первоначально в двух городах - Екатеринодаре и Темрюке (1874 г.), а затем и в некоторых других были организованы выборные городские

думы (местная законодательная власть), которые, в свою очередь, назначали городские управы (исполнительная власть) под руководством городского головы. Этим органам - думам и управам - в законодательном порядке поручалась организация призрения нуждающихся и курирование деятельности всех благотворительных организаций города. Иногда органы местного самоуправления создавали собственные приюты, богадельни и иные подобные структуры, но обычно они взаимодействовали с благотворительными организациями, осуществляя частичное их финансирование.

Примерно такое же положение дел сложилось и в Кубанской области, в частности в Екатеринодаре, где местное благотворительное общество тесно взаимодействовало с городской управой. Кроме того, городской управе были переданы в ведение бывшие войсковые приюты и богадельни. Как уже подчеркивалось, совместная деятельность городских властей и негосударственных благотворительных структур с 70-х гг. стала распространяться на не казачье городское беднейшее население. Но и в этом случае очень большое внимание продолжало уделяться просветительно-учебной деятельности. Однако если раньше она по преимуществу носила общеобразовательный характер, то теперь получила направленность профессионального обучения для детей из беднейших семей. Так, Екатеринодарским благотворительным обществом в 1881 г. при одном из женских училищ был открыт "белошвейный класс". Впоследствии профессиональное обучение в Екатеринодаре было организовано и для мальчиков.

Впрочем, подобной образовательной деятельностью для детей из бедных казачьих семей продолжало заниматься и войсковое начальство. В те же годы в Екатеринодаре была открыта специальная военно-фельдшерская школа, готовившая средний медицинский персонал для Кубанского казачьего войска. Принимались сюда только дети казачьего сословия, предпочтение отдавалось круглым сиротам и детям казаков, погибших на войне. Часть учащихся жила при школе на полном пансионе за счет войсковых средств.

В 70-е гг. XIX в. небольшие негосударственные благотворительные организации стали активно создаваться и в отдельных городах Кубанской области. Инициаторами этого зачастую выступали представители либерально мыслящей интеллигенции, что во многом определяло не только чисто филантропическую, но и просветительскую направленность деятельности подобных обществ. В качестве примера можно привести Благотворительное общество пособия бедным, созданное в конце 80-х гг. в Сочи Майковой Е.П., и Общество попечения о детях, организованное в Армавире Луниным В.И. В деятельности этих негосударственных благотворительных организаций достаточно ярко отразились два подхода к благотворительности, характерные для кубанской либеральной интеллигенции.

При непосредственном участии Майковой Е.П. было создано Общество пособия бедным, занимавшееся, в основном, выдачей единовременных денежных пособий, а также

"дешевая столовая". Кроме того, Майкова Е.П. участвовала в организации благотворительных спектаклей и народных гуляний, выручка от которых поступала на поддержку неимущих.

Несколько по-иному подходил к пониманию задач благотворительности известный кубанский общественный деятель, впоследствии депутат I Государственной думы Лунин В.И. (1843-1913 гг.). Выходец из бедной офицерской семьи, он поступил в Петербургский университет, откуда был исключен за революционную пропаганду. Так, Луниным здесь были организованы:

- воскресная школа (с целью "просвещения" рабочих), которая вскоре превратилась в центр революционной агитации;

- бесплатная юридическая консультация (для рабочих с целью отстаивания их прав в борьбе с хозяевами);

- общедоступная библиотека с книжным складом (впоследствии закрыта властями за наличие антиправительственной литературы).

Следует отметить, что главным общественным делом Лунина В.И. стало создание Армавирского Общества попечения о детях, в котором он был председателем около 20 лет. Деятельность этого Общества весьма примечательна, поскольку в ней одновременно отразились несколько направлений благотворительной деятельности в Кубанском регионе.

В уставе этой организации декларировалось, что она "снабжает детей продуктами, пищею и другими материальными средствами; организует для них бесплатную медицинскую помощь; помещает детей в существующие дома призрения, устраивает свои первоначальные (начальные) школы, ремесленные, сельскохозяйственные и иные училища». Первым шагом Общества стало открытие приюта для бедных детей. Однако достаточно скоро он был закрыт, и Общество переключилось главным образом на чисто просветительскую деятельность. За 8 лет было открыто 5 начальных школ (с частично бесплатным обучением и обеспечением беднейших детей одеждой), женская прогимназия (1901 г.). Кроме того, Обществом в начале XX в. устраивались многочисленные выставки, экскурсии, кинематографические сеансы, концерты. Также была открыта общедоступная детская площадка, при которой был создан детский отряд по изучению природы.

Таким образом, мы видим, что основной задачей Общества попечения о детях стало распространение образования, преимущественно общего, а не конкретная социальная поддержка наиболее нуждающихся детей. Более того, проводившееся в этих учебных заведениях воспитание и обучение (особенно для подростков) имело явную политическую окраску. В первое десятилетие XX в. просветительские учреждения Армавирского Общества попечения о детях "были почти целиком ячейками РСДРП".

Обратимся теперь к такому характерному для Кубанской области виду общественной поддержки, как внутриобщинная (станичная) взаимопомощь. Она, в отличие от большинства регионов России, на Кубани в среде казаков во второй половине XIX - начале XX вв. не только не ослабла, но и заметно окрепла. Кроме того, ее функции значительно расширились и сводились не только к материальной или трудовой поддержке отдельных нуждающихся казаков, но и к своеобразному социальному перевоспитанию тех из них, кто совершал асоциальные поступки. Объяснить подобное явление можно двумя основными причинами:

- во-первых, материальное положение кубанского казачества как особой и достаточно обособленной от остальной занимавшейся сельским хозяйством части населения социальной группы во второй половине XIX - начале XX вв. заметно упрочилось. Казачьи станичные общины владели значительными земельными наделами (частной собственности на землю у казаков не было), что в условиях окончания длившейся в течение 50 лет Кавказской войны позволило значительно укрепить казачьи хозяйства. Таким образом, общины получили реальную возможность оказывать значительную материальную поддержку своим членам;

- во-вторых, правительство поддерживало функционирование казачьей общины, видя в ней основу существования казачества как специфической социальной группы, готовой оказать мощную поддержку правительству, как в случае внешних войн, так и внутренних беспорядков. По этой причине станичные собрания и правление во главе с атаманом обладали достаточной административной властью, которой эффективно пользовались в случае необходимости использования различных видов социальной поддержки, в том числе и принуждения отдельных казаков к нормальной социальной жизни.

К несомненным достоинствам социальной поддержки у казаков внутри общины следует отнести тот факт, что большинство станичников знало истинные причины обнищания какого-либо казачьего семейства: было ли оно связано с гибелью кормильца или каким-нибудь несчастным случаем или, напротив, обусловлено пьянством и ленью отдельных казаков. В обоих случаях принимались соответствующие меры, иногда и принудительные, вплоть до лишения части имущества и физических наказаний нерадивых работников.

Какими же были формы внутрестаничной социальной помощи у кубанских казаков во второй половине XIX - начале XX вв. К ним относились традиционные для сельской общины формы подобной поддержки: помощь семьям, лишившимся кормильцев, общественные строительные работы, выполнявшиеся для отдельных хозяйств, выделение части урожая самым бедным семьям из специального фонда и т.п.

Кроме того, станичное правление осуществляло и иные формы социальной поддержки. Так, одиноких и больных стариков оно отдавало в приюты, нередко оплачивая их содержание. Детям-сиротам, не имевшим ближайших работоспособных родственников, назначались опекуны, которые были обязаны управлять имуществом этих детей и давать об этом отчет станичным сходам. Практиковались и иные специфические формы поддержки сирот, причем они осуществлялись не по официальным законам, а по решению большинства казаков станицы. Так, например, в случае неподобающего поведения вдовы ее могли, используя современный термин "лишить материнских прав", а детей и унаследованное ими имущество передать под опеку кого-либо из родственников или вообще уважаемых в станице казаков. Впрочем, такая мера нередко осуществлялась и в том случае, если вдова-казачка повторно выходила замуж за иностранного. Вместе с тем, если у не вышедшей замуж вдовы-казачки появлялись незаконнорожденные дети, то они приписывались к казачьему сословию и пользовались всеми правами опекаемых детей.

В 1893 г. порядок опекуна казачьих детей был регламентирован специальным распоряжением войскового начальства. Станичными сходами должны были назначаться сразу три опекуна по имущественным делам сирот: один - собственно по движимому и недвижимому имуществу и двое - по денежным суммам. При этом сиротские деньги не отдавали в банки под проценты, а хранили "на руках". Это мотивировалось сравнительно малым годовым процентом и тем, что суммы выгоднее было ссужать собственным одностаничникам под более высокие проценты. Деятельность самих опекунов также оплачивалась из средств станичного правления, как правило, весьма скудно.

На основе сказанного можно сделать вывод о том, что внутрестаничная общественная поддержка была достаточно эффективной, особенно в отношении профилактики обнищания и борьбы с различными бытовыми пороками, приводящими к бедности. Можно предположить, что частично это обеспечивалось использованием традиционных казачьих мер наказания, которые были совершенно неприемлемы для "гуманистически" настроенных филантропов из городских благотворительных обществ Кубанского региона. Вместе с тем, процентное соотношение числа казачьего населения Кубани и неказачьего постепенно уменьшалось, и объектами социальной помощи становились, как правило, пришлые бедняки, бродяги и нищие, обладавшие особой ментальностью, глубоко отличной от казачьей.

Что касается черкесской части населения Кубанского региона, то у них и во второй половине XIX столетия продолжали доминировать внутриобщинные и иные формы социальной поддержки, подробно рассмотренные выше. Связано это было с тем, что подавляющее число горского населения, несмотря на расширение контактов с русскими, продолжало вести традиционный образ жизни. Лишь очень небольшая часть адыгов, как правило, из богатых семей, в этот период переселялась в города. Даже так называемые

черкесо-гаи (потомки средневековых армян, переселившиеся на Кубань несколько столетий назад и воспринявшие многие элементы горской культуры, включая язык), которые образовали несколько компактных поселений на русской территории (в том числе и селение Армавир), в своей повседневной жизни до начала XX в. придерживались местных обычаев и традиционных адатов, в том числе и в сфере социальной поддержки.

Церковная помощь нуждающимся, которая, за исключением деятельности двух крупных монастырей (мужской Екатеринолебяжский Николаевский и женский Мариинский), не получила широкого распространения в Черномории в первой половине XIX в., не играла значимой роли и во второй половине этого столетия. Хотя здесь продолжали существовать училища, богадельни и странноприимные дома (занимали среднее положение между гостиницей и благотворительной ночлежкой), основная часть работы по поддержке неимущих легла в этот период на светские общественные благотворительные организации и органы местного самоуправления. В 70-е гг. XIX в. Екатеринолебяжский монастырь утратил статус войскового и количество монахов в нем уменьшилось. Теперь официально он уже не выполнял функции призрения старых, больных и одиноких казаков.

Таким образом, можно отметить, что во второй половине XIX столетия в Кубанском регионе произошли существенные изменения в деле организации поддержки нуждающихся, связанные как с общероссийскими тенденциями в этой сфере, так и со спецификой социальной жизни самого кубанского населения. Представляется возможным выделить следующие основные субъекты и направления социальной поддержки, которые существовали в этот период:

1. Негосударственные благотворительные общества, возникшие в городах Кубанской области с 60-х гг. XIX в. Их деятельность часто носила просветительский характер и была направлена на развитие общего и специального образования: создание начальных и средних училищ (особенно женских), специальных "классов" профессионального обучения, чтение общедоступных лекций, открытие библиотек и т.п. Вместе с тем, эти общества оказывали материальную поддержку детям из беднейших семей, организовывали приюты, выдавали единовременные денежные пособия, собирали и распределяли частные пожертвования.

2. Органы местного самоуправления, созданные в некоторых кубанских городах в 70-е гг. XIX в., брали на себя функции координации социальной помощи в своих городах при тесном сотрудничестве с благотворительными обществами и частичном их финансировании (например, в некоторых случаях плата за содержание и обучение сирот в приютах). Помимо того, городские управы, как правило, содержали разного рода богадельни, ночлежные и работные дома и т.п.

3. Станичные казачьи общества занимались внутриобщинной поддержкой и профилактикой обнищания среди казаков своих станиц. Здесь в основном превалировали традиционные формы взаимной поддержки в сельской общине, а также различные виды наказаний за антисоциальное поведение, приводившее к обнищанию. Подобные виды поддержки нуждающихся доминировали и у горской части населения Кубанского региона.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Прочитайте учебное пособие - Спирина В.И., Спирина М.Л. Очерки истории социальной работы на Кубани - Армавир: РИЦ АГПУ – 2007., дайте характеристику деятельности благотворительных обществ, появившихся на Кубани в 60 – е гг. XIX в.

Литература

1. Антология социальной работы /сост. М.В. Фирсов. Т.3. – М., 1995.
2. Мельников В.П., Холостова Е.И. История социальной работы в России: учебное пособие. – М.: Издательско-книготорговый центр «Маркетинг», 2001.
3. Современная энциклопедия социальной работы /под ред. В.И. Жукова. – М: изд-во РГСУ, 2008.
4. Спирина В.И., Спирина М.Л. Очерки истории социальной работы на Кубани. – Армавир: РИЦ АГПУ, 2007.
5. Фирсов М.В. История социальной работы в России: учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 1999.

Тема 17. Социальное воспитание детей и подростков как форма профилактической социальной работы на Кубани в конце XIX-начале XX вв.

План

1. Основные направления социальной поддержки детей на Кубани в конце XIX - начале XX вв.

2. Традиционные и инновационные виды и формы социальной помощи нуждающимся на рубеже XIX - XX вв.

3.

С первых лет XX века в стране стали уделять большое внимание общественному воспитанию детей из небогатых слоев населения, особенно в городах. Важным направлением стала профилактика асоциального поведения подростков и их обнищания в будущем.

Несомненно, что подобное социальное воспитание несло в себе элементы общественной поддержки или, используя термин начала XX в., "детской помощи".

Примечательно, что объектами детской помощи становились не только дети и подростки, нуждавшиеся в реальной поддержке: беспризорные, сироты, дети, совершившие какие-либо противоправные действия и т.п. К этой категории лиц стали причислять и детей из бедных семей, которые, не получив соответствующего воспитания и обучения и поддавшись влиянию стихийной социализации ("улицы", по выражению тех лет), в будущем могли бы оказаться социально не устроенными и даже пополнить число преступников. Различные формы школьного и внешкольного воспитания, по мнению многих педагогов, общественных деятелей и государственных чиновников, способны были предотвратить этот процесс.

Необходимо отметить, что такой подход к образованию детей бедноты не был принципиально новым, в том числе и на Кубани. Достаточно вспомнить, что еще в начале XIX в. в ремесленные мастерские при войсковой канцелярии принимали преимущественно казачьих сирот и детей из беднейших семей, обучая их ремеслу и стараясь обеспечить их будущее. В те же годы появились и первые благотворительные стипендии, для обучения сирот и детей бедняков в различных учебных заведениях. Подобная практика продолжалась и во второй половине XIX столетия. Однако в силу ряда причин число детей, нуждавшихся в соответствующей материальной поддержке на рубеже XIX - XX вв. на Кубани заметно возросло. Это явилось причиной расширения традиционных форм детской помощи и появления инновационных подходов в социальном воспитании этой категории детей.

Можно выделить основные направления поддержки различных категорий детей, которые существовали на Кубани в конце XIX - начале XX вв.:

1. Деятельность старых и вновь созданных государственных и общественных приютов, сиротских домов и иных заведений, где проводилось общее и специальное образование.

2. Материальная поддержка детей из бедных семей и семей, потерявших кормильца, выдававшаяся непосредственно в семью или опекунам.

3. Направленная материальная поддержка для получения образования детям и подросткам из небогатых семей.

4. Профессиональное обучение и трудовое воспитание в различных видах учебных заведений, преимущественно начальных, где обучались выходцы из бедных слоев населения.

5. Организация разнообразных внешкольных клубов и обществ, ставших центрами социального воспитания и профессионального обучения. Примечательно, что в некоторых внешкольных центрах дети одновременно являлись объектами социальной поддержки и социального воспитания.

Приюты и сиротские дома

Приютами в России XIX в. назывались два вида детских учреждений. Во-первых, это закрытые учреждения, куда попадали подкидыши, сироты и беспризорники, и где они обучались и воспитывались до определенного возраста. Подобные приюты для сирот иногда именовали "сиротскими домами". Существовали также (под разными названиями) приюты для малолетних правонарушителей, которые в силу возраста не попадали во "взрослые" тюрьмы или на поселение. Во-вторых, приютами (дневными приютами) в России назывались учреждения для детей из бедных семей, в которых они проводили дневное время (пока родители находились на работе), и где осуществлялось их обучение и воспитание. Впервые в России подобные дневные приюты появились еще в 30-е гг. XIX в. в Петербурге.

В обоих случаях основной задачей подобных детских учреждений была подготовка воспитанников к самостоятельной взрослой жизни. Однако в первом случае приют брал детей на полное содержание, во втором - дети часть времени проводили в семьях. Существовали также приюты, где осуществлялись одновременно два вида призрения: содержание сирот, живших там постоянно, и опека проходящих в дневное время детей бедняков. Примером подобного учреждения может служить приют, организованный Обществом пособия бедным в г. Ейске.

В Кубанском регионе с первой половины XIX в. существовали приюты первого рода, содержавшиеся, как правило, войсковыми властями или Ведомством императрицы Марии. В большинстве случаев их задачей являлось воспитание ребенка, его общее образование, формирование качеств, необходимых для полноценной взрослой жизни. Содержались такие приюты первоначально войсковыми властями или монастырями. Однако в конце XIX в. появляются закрытые и открытые детские учреждения, где помимо медицинского обслуживания и общего образования, детей учили какой-либо конкретной специальности. В том же Ейском приюте, например, девочек обучали кройке и шитью. Это позволяло решать двоякую задачу: готовить к взрослой профессиональной деятельности и воспитывать у таких детей чувство трудолюбия. Подобный подход стал осуществляться и в других приютах Кубанской области.

О количестве подобных детских учреждений в начале XX в. может свидетельствовать пример Екатеринодара. Здесь в 1905 г. действовали два приюта для несовершеннолетних преступников от Общества исправительных приютов, Детский приют Кубанского войскового попечительства приютов и ряд других подобных организаций. Однако и этого было недостаточно. По инициативе Комитета попечения о бесприютных детях под председательством известной благотворительницы Хлебниковой Р.Г. в 1907 г. в городе было открыто еще одно закрытое учебное заведение для нуждающихся детей (на 200 воспитанников) - Убежище для бесприютных детей, куда брали воспитанников, начиная с 7

лет. Учебный план этого приюта, как и многих других схожих учреждений, предусматривал 3-х летнее общее начальное образование и профессиональное обучение. Девочек учили кройке и шитью, мальчиков - различным сельскохозяйственным профессиям. Выбор этих специальностей был не случаен: Екатеринодарское благотворительное общество проводило специальный "мониторинг" наиболее востребованных в регионе профессий и на основании его результатов осуществлялось профессиональное обучение в различных благотворительных заведениях для детей. Екатеринодарские благотворители взяли на себя и заботу о детях младшего возраста. В 1907 г. в городе был открыт дневной приют для детей из беднейших семей в возрасте 6 - 7-ми лет, получивший название "Ясли" (от наименования загона для скота (ясель), где родился Иисус). Это детское учреждение - филиал Екатеринодарского благотворительного общества в своей деятельности преследовало две цели:

- помощь в воспитании и медицинском обслуживании детей из беднейших семей города;

- помощь матерям, которые работали.

Закрытые и открытые приюты для детей существовали практически во всех городах Кубанской области. Примечательно, что содержание некоторых сирот и подкидышей здесь оплачивалось городскими управами, а не за счет собственных средств благотворительных обществ.

*Материальная поддержка семей, потерявших
кормильцев и выплаты опекунам*

Традиция материальной поддержки семей, потерявших кормильцев, и выплаты денег опекунам сирот на Кубани берет свое начало в первой половине XIX в. Подобная форма социальной помощи была практически не связана с общественным воспитанием, однако помогала вырастить и дать образование нуждающимся детям. Такая помощь осуществлялась различными структурами: от войсковых властей и органов местного самоуправления до негосударственных благотворительных организаций. Упомянутое выше Ейское благотворительное общество, что следует из его отчета за 1904 г., выплатило единовременное пособие одному опекуну сирот. Известно, что в некоторых случаях опекунам выплачивались деньги и в казачьих станицах.

Особенно широко распространилась подобная практика после русско-японской войны 1904-1905 гг. По именному императорскому повелению был создан специальный Алексеевский (по имени наследника престола) комитет, который имел свой филиал на Кубани. Примечательно, что из государственных средств специальные пенсии выплачивались только детям погибших офицеров с целью помочь получить образование. Что касается детей нижних чинов, то, согласно царскому указу, помощь им должны были

оказывать органы местного самоуправления. Впрочем, в случае отсутствия средств, эти функции брало на себя государство в лице Алексеевского комитета.

Пособия назначались всем детям, потерявшим отцов (даже если те числились пропавшими без вести), до достижения ими 16-ти лет. При этом в официальных документах подчеркивалось, что деньги предназначены на "воспитание и образование". Примечательно, что "воспитание" оплачивалось в три раза меньше "образования", т.е. обучения в образовательном учреждении. Отметим, что в старых традициях сословной монархии в "Правилах об обеспечении судьбы детей лиц, погибших в войну с Японией" подчеркивалось, что это должно быть "воспитание и образование, соответствующее общественному положению, принадлежащему их семействам по рождению, занятиям или образованию погибшего в войну главы семьи" (104). Сумма, причитающаяся детям нижних чинов, была сравнительно небольшой и примерно равнялась одной десятой части заработка квалифицированного рабочего. На Кубани это императорское распоряжение вызвало длительную бюрократическую переписку между Алексеевским комитетом, канцелярией наказного атамана (главы Кубанской области) и местными властями. В итоге деньги детям погибших нижних чинов стали выплачивать централизованно, однако при условии, что они не получали вспоможения от городских властей или станичных правлений.

*Материальная поддержка детям из бедных семей
для получения образования*

Такой вид "детской помощи" появился на Кубани еще в 10-е гг. XIX в., однако тогда он был рассчитан всего на небольшое число людей во всей Черномории. Через 100 лет положение дел значительно изменилось. Стипендии и иные виды материальной поддержки на получение образования (в том числе и высшего) стали получать многие дети из небогатых семей. Такой деятельностью занимались различные благотворительные общества или отдельные филантропы. Достаточно сказать, что известный адыгский благотворитель Трахов Л. оплачивал обучение нескольких студентов-адыгов, а небольшое Майкопское общество взаимного вспоможения приказчиков выплачивало 6 специальных стипендий ("имени поэта А.С. Пушкина") детям приказчиков. Стипендии предназначались для получения ими неполного среднего (6-ти летнего) образования.

В отношении такого вида поддержки детей из бедных семей значительный интерес представляет предложенный в 1907 г. премьер-министром Столыпиным П.А. и утвержденный Николаем II документ о создании попечительств при государственных начальных училищах. Основная цель этих попечительств - "заботиться о том, чтобы всем детям школьного возраста данной местности предоставлена была возможность учиться в школах". Для этого, в частности, рекомендовалось устраивать при школах "место ночлега" для учеников, "которые живут на далеком расстоянии от училища, снабжать неимущих

учеников одеждою, обувью пропитанием и т.п." Таким образом предполагалось в будущем решить задачу организации всеобщего начального образования.

Следует сказать, что подобное начинание должно было выполнять и определенную воспитательную функцию. Социальное воспитание, получаемое в начальных училищах - государственных учебных заведениях - проводилось в духе официальной идеологии и способствовало формированию у детей позитивного отношения к общегосударственным ценностным приоритетам.

Впрочем, сам этот документ носил не обязательный, а рекомендательный характер. Инициатива создания попечительств должна была исходить от самих училищ или органов местного самоуправления, средства на их деятельность предлагалось получать за счет благотворительных пожертвований, взносов от органов местного самоуправления, организации благотворительных вечеров и т.п.

О том, что власти на местах не спешили выполнять подобные указания, свидетельствует тот факт, что Екатеринодарская городская управа приняла документ к рассмотрению только в начале 1909 г., хотя утвержден царем ("собственноручно Его Императорского Величества рукою написано "Быть по сему") он был на полтора года раньше. В Кубанской области было создано некоторое количество таких попечительств, но далеко не во всех начальных училищах.

*Профессиональное обучение и трудовое воспитание
в государственных учебных заведениях*

С конца XIX в. во многих начальных учебных заведениях Кубанской области, в том числе и сельских, где учились преимущественно выходцы из небогатых слоев населения, началось введение профессионального обучения. Основная цель - подготовка квалифицированных специалистов по различным профессиям, наиболее востребованным в этом регионе. Как правило, это были различные ремесленные и сельскохозяйственные специальности (особенно последние). Если на протяжении почти всего XIX столетия приучение к занятиям сельским хозяйством проводилось преимущественно в семье и сельской общине, то на рубеже XIX - XX вв. положение дел в этой сфере несколько изменилось. Во-первых, наблюдался определенный прогресс в самих методах ведения сельского хозяйства: на Кубани появились крупные сельскохозяйственные производства, где использовались передовые для своего времени технологии, выращивались новые сельскохозяйственные культуры, внедрялось использование различных машин и приспособлений и т.п. Во-вторых, здесь увеличивалось количество наемных сельскохозяйственных рабочих и для успешной конкуренции на рынке труда требовалась определенная профессиональная квалификация. Таким образом, профессиональная

подготовка учащихся давала им возможность получения работы и решала весьма важный вопрос профилактики обнищания и люмпенизации.

Следует отметить, что проблема повышения интенсивности сельскохозяйственного производства в России, особенно после революции 1905 г., приобретала не только экономическое, но и политическое значение. Оно препятствовало обнищанию крестьян и возникновению у них революционных настроений. По инициативе Столыпина П.А. за казенный счет в этот период выпускались специальные книги и брошюры для крестьян, в которых описывались передовые методы сельскохозяйственного производства.

Для успешной организации профессионального обучения в начальных училищах требовалась определенная подготовка и самих педагогов. В конце XIX в. в г. Анапе были открыты специальные сельскохозяйственные курсы для учителей народных училищ. В те же годы в Кубанской учительской семинарии было организовано изучение основ сельского хозяйства и различных ремесел. Большую роль в этом сыграл известный дореволюционный кубанский педагог Семенов Д.Д. Что касается самих училищ и ряда средних учебных заведений, то при них существовали специальные сады, огороды, пасеки, а также ремесленные мастерские, где учащиеся получали профессиональную подготовку.

Следует отметить и важнейшую воспитательную функцию трудового обучения. У детей из бедных семей, которые посещали начальные училища, формировалось трудолюбие и привычка к труду. Таким образом, семейное и общинное трудовое воспитание продолжалось и в учебных заведениях. Для этого использовались различные новаторские педагогические приемы. Среди учащихся организовывались соревнования по качеству и скорости работы, им внушалась мысль о том, что только результаты честного труда могут послужить залогом успешной социальной жизни и т.п. Урожай с училищных огородов и садов, а также изделия ремесленных мастерских распределялись между самими учащимися или отдавались беднейшим из них. Трудовое воспитание в определенной мере носило и профилактический характер, препятствовало негативной стихийной социализации и формировало положительное отношение к труду.

Следует отметить, что подобные подходы к трудовому воспитанию детей из небогатых семей во многом были созвучны педагогическим идеям известных западных теоретиков трудового воспитания Г. Кершенштейнера и Дж. Дьюи, чьи работы были известны в начале XX в. и в России. Вместе с тем в российских условиях педагогический подход Кершенштейнера был более приемлем. Если Дьюи главным образом рассматривал трудовое воспитание как фактор формирования общего мировосприятия ребенка, то задачи трудового воспитания по Кершенштейнеру выглядели несколько иначе: дать детям из небогатых семей хорошее профессиональное образование и выработать у них уважение к честному труду.

Именно такой путь был необходим России конца XIX - начала XX вв., поскольку препятствовал обнищанию населения и способствовал стабильности общества в целом.

Внешкольные клубы и общества

В последней четверти XIX в. в России стали возникать первые внешкольные организации учащихся, занимавшиеся военно-патриотическим и иными направлениями воспитания. В начале XX в., деятельность подобных центров внешкольного социального воспитания (детских клубов) в России получила свое теоретическое обоснование в трудах известного педагога Шацкого С.Т.

Подобные внешкольные организации и общества, объединявшие как детей одного учебного заведения, так и подростков, проживавших на одной территории, помимо образовательных и общевоспитательных функций, выполняли и важную функцию профилактики их стихийной негативной социализации (влиянию "улицы"). Таким образом, можно говорить и о том, что создание подобных структур являлось своеобразной формой социальной работы с детьми и подростками. Как уже указывалось, в городах России конца XIX - начала XX вв., как и во многих европейских и североамериканских, достаточно остро стояла проблема общественного воспитания детей городской бедноты и выходцев из семей мелких чиновников и частных служащих, небогатых торговцев и ремесленников, квалифицированных рабочих и т.п., у которых оказывалось достаточно свободного времени после занятий. С целью чем-либо занять таких подростков, зачастую предоставленных самим себе, и создавались внешкольные учреждения. Кроме того, они играли и определенную просветительскую роль, что считалось весьма актуальным в рассматриваемый исторический период.

Всего в начале XX в. в России насчитывалось около тысячи таких внешкольных организаций: от крупных объединений русских скаутов с большим количеством провинциальных отделений до сравнительно малых "клубов" в некоторых больших и малых городах. Существовали подобные структуры и на Кубани. В качестве примера можно привести деятельность возникшего в Армавире в 1909 г. Особого совещания по внешкольному образованию и воспитанию учащихся и детей дошкольного возраста. Оно было создано при уже упоминавшемся Армавирском обществе попечения о детях, т.е. возникло по инициативе негосударственной организации. Первоначально в деятельности Особого совещания большую роль играли не столько воспитательные, сколько просветительские ("образовательные") мотивы. Для детей "регулярно устраивались спектакли, литературные утренники, выставки, экскурсии, маевки, хоры, оркестры и т.п." [43].

Имелся и собственный учебный кинематограф, в котором устраивались сеансы различных фильмов "научно-популярного" содержания. Таким образом, просветительская

направленность различных общественных мероприятий, столь характерная для русской либеральной провинциальной интеллигенции конца XIX - начала XX вв., нашла свое отражение и в деятельности этой структуры. Следует также отметить, что подобное просвещение имело определенную либеральную окраску, как и работа всего Армавирского общества попечения о детях.

Однако уже через несколько лет в деятельности Особого совещания важную роль начинают играть и формы воспитания, направленные на противодействие стихийной социализации. С 1914 г. по инициативе Выродова Б.Л.- кубанского краеведа и помощника директора Музея наглядных научных пособий (предшественника краеведческого музея) - в Армавире начинает работать летняя "Общедоступная детская площадка". Воспитатели-энтузиасты устраивали здесь разнообразные игры, спортивные соревнования, организовывали кружки по интересам. Работа этой площадки во многом напоминала деятельность городского детского клуба, описанного Шацким С.Т. По свидетельствам современников, детская площадка должна была "оградить подрастающее поколение от пагубного влияния улицы". [43].

Б.Л. Выродовым была создана небольшая подростково-молодежная внешкольная организация "Перелетные птицы". Первоначально она занималась в основном краеведческой работой: изучением природы и истории родного края. При этом организовывались различные походы и экскурсии по окрестностям Армавира, позже эта организация переключилась, главным образом, на изучение природы. Подобные детские и подростковые общества во втором десятилетии XX в. существовали и в других городах Кубанской области, к сожалению, их работа через несколько лет была прекращена из-за революции и Гражданской войны.

Организацией внешкольного воспитания занимались на Кубани не только общественные структуры, но и государство. В этом отношении значительный интерес представляет изданное в августе 1914 г. (после начала Первой мировой войны) распоряжение Министерства народного просвещения об организации так называемой "школьной трудовой помощи" - выполнения различных работ на нужды фронта учениками средних учебных заведений во внеурочное время. В циркулярном письме попечителя (начальника) Кавказского учебного округа (куда входила Кубанская область) Рудольфа Н., направленного "начальникам мужских средних учебных заведений, учительских институтов и семинарий, технических, промышленных и высших начальных училищ", даются достаточно подробные разъяснения по организации этого вида внешкольной работы.

Первоначально школьная трудовая помощь, "столь необходимая в разгар военных действий", задумывалась как широкое участие школьников "в санитарной и продовольственной службе, в изготовлении белья и перевязочных средств, а также

некоторых частей воинского снаряжения и т.п." Организацией этой работы должно было заниматься училищное и гимназическое руководство по согласованию с местными гражданскими и военными органами власти. Таким образом, речь шла о бесплатном привлечении школьников к выполнению различных необходимых для армии работ - своеобразной обязательной благотворительности в условиях военного времени. В этом случае подростки выступали в роли субъектов общественной поддержки.

Следует подчеркнуть, что попечитель учебного округа сразу же отмечал, что подобная деятельность должна носить воспитывающий характер и способствовать выработке у учащихся ряда общечеловеческих и гражданских качеств: от личной ответственности и инициативности до понимания гражданского долга и любви к ближнему. Более того, "главную задачу" школьной трудовой помощи он видел именно в воспитании этих качеств, а не в конкретно выполненной работе. По мнению попечителя, такую внешкольную воспитательную деятельность, уже в иных формах, следовало бы продолжить и в мирное время. Таким образом, речь шла о целенаправленной внешкольной воспитательной деятельности, т.е. о тех самых внешкольных организациях, которые описывались различными педагогами, в том числе и С.Т.Шацким. Правда, в государственном варианте ею должны были быть охвачены не только дети из бедных слоев населения, а практически все учащиеся старших классов государственных средних учебных заведений. Вместе с тем, определенный профилактический характер подобного воспитания сохранялся. Особый интерес представляет то, что здесь присутствовали элементы благотворительности, например, участие гимназистов в бесплатном репетиторстве, устройстве площадок для детей младшего возраста и надзоре за ними. Таким образом, учащиеся в определенной степени становились одновременно субъектами и объектами социальной поддержки.

В циркулярном письме специально подчеркивалась роль трудового воспитания в процессе выработки у подростков трудолюбия и уважения к труду в целом. Рассматриваемый документ, с одной стороны, предоставлял руководителям учебных заведений большую свободу в выборе форм и методов "трудовой помощи" применительно к местным условиям. Среди перечисленных рекомендуемых 24-х направлений деятельности школьников имелись самые разнообразные: от краеведения, охраны памятников природы и благоустройства городской территории до собирания фольклора ("русского и туземного") и участия в "вольной" (т.е. добровольной) пожарной команде. Попечитель предлагал педагогам "начать с малого в пределах возможного" и всячески проявлять в этом деле свободную инициативу. Специально подчеркивалось, что все эти мероприятия должны проводиться только в свободное от занятий и выполнения домашних заданий время.

С другой стороны, в рекомендациях по организации школьной трудовой помощи имелись и некоторые бюрократические элементы. Так, учащихся предполагалось разбивать

на "десятки" по интересам во главе с учителем или кем-нибудь из родителей, и численность подобной группы не должна была превышать 15-ти человек. Предусматривались также обязательные еженедельные денежные взносы членов десятки (по 5 копеек с человека), хотя в ряде случаев допускалось и освобождение некоторых учеников от подобных взносов. Каждый из этих членов должен был вести дневник, в котором он отмечал свой вклад в деятельность группы. Вступление в десятку должно было сопровождаться принесением "торжественного обещания" (в чем-то очень напоминающего торжественное обещание юного пионера, позаимствованное у скаутов). Специально регламентировались и наказания для участников школьной трудовой помощи, а также правила исключения их из "десятки".

В период 1914 - 1916 гг. в Кубанской области было создано несколько организаций "школьной трудовой помощи", которые занимались самой разнообразной деятельностью, в том числе и не связанной с непосредственной поддержкой действующей армии. Однако это начинание не получило столь широкого развития, как рассчитывало Министерство народного просвещения: во время Гражданской войны подобная деятельность постепенно прекратилась и обрела новые формы уже в годы Советской власти.

Таким образом, на Кубани в конце XIX - начале XX вв. существовали самые разнообразные формы социального воспитания и социальной поддержки детей. Изучение подобного опыта и использование его соответственно адаптированного к современным условиям в наши дни представляет значительный интерес для социальных педагогов и социальных работников.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Прочитайте учебное пособие - Спирина В.И. Генезис социально-педагогической работы на Кубани - Армавир: РИЦ АГПУ – 2006., дайте характеристику традиционным и инновационным видам и формам социальной помощи нуждающимся в начале XX вв.

Литература

1. Антология социальной работы /Сост. М.В. Фирсов. Т.3. – М., 1995.
2. Мельников В.П., Холостова Е.И. История социальной работы в России: Учебное пособие. – М.: Издательско-книготорговый центр «Маркетинг», 2001.

3. Спирина В.И., Спирина М.Л. Очерки истории социальной работы на Кубани. – Армавир: РИЦ АГПУ, 2007.
4. Фирсов М.В. История социальной работы в России: Учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999

Заключение

В учебном пособии рассмотрены и проанализированы основные пути развития социальной поддержки нуждающихся, которые существовали в человеческом обществе с доклассового периода. Можно утверждать, что это развитие проходило достаточно сложно: одни формы помощи сменяли другие, некоторые доказывали свою эффективность на протяжении всей истории человечества, иные, напротив, достаточно быстро отмирали; имело место и возвращение к старым, изжившим себя способам помощи нуждающимся, но уже на качественно новом уровне.

История свидетельствует о том, что подобной поддержкой занимались как целые социальные институты (государство, церковь), так и отдельные группы людей (сельские общины, церковные приходы, светские благотворительные общества). Широко распространена была и частная филантропия, причем она могла иметь различную мотивировку: от чисто религиозной до приверженности благотворителя каким-либо философским учениям или осуществляться просто “по велению души”, повинаясь кантовскому “категорическому императиву”.

Анализ развития социальной поддержки в контексте европейской цивилизации (от времен античности до начала XX столетия) показывает, что ее направленность, основные формы и методы зависели от целого ряда взаимодействовавших между собой факторов. Сюда можно отнести и социально-экономический уровень развития общества, и его идеологию, и доминирование на различных исторических этапах тех или иных религиозных представлений. Этими факторами определялось отношение общества и государства к нуждающимся и, соответственно, конкретные формы их поддержки, а иногда и преследований. Иногда имела место и определенная конкуренция различных видов поддержки, происходившая в одном социуме в один исторический период.

С античных времен многие мыслители пытались обосновать необходимость форм социальной помощи, исходя при этом из собственных социальных и антропологических представлений. По этой причине изучение истории социальной работы приобретает особую значимость, поскольку показывает: как путем проб и ошибок, конкуренции и взаимодействия различных концепций, человечество пыталось выработать подходы к социальной поддержке, приемлемые для большинства цивилизаций и исторических эпох. Структура и тематика предлагаемой работы позволяют связать зарубежные и общероссийские тенденции развития поддержки нуждающихся с развитием этого феномена в отдельных российских регионах. В работе выявлены основные факторы, которые повлияли на специфику форм и методов социальной помощи в Черномории и Кубанской области на различных этапах рассматриваемого исторического периода. Анализ форм и

методов поддержки нуждающихся, частично связанных с национальной и региональной ментальностью населения, позволил выявить элементы исторического опыта в сфере социально-педагогической работы, которые (при условии соответствующей адаптации к современным условиям) могут быть успешно использованы в современных условиях.

Литература

1. Аввакум Петров. Об иконном писании // Аввакум Петров. Послания и челобитные. - СПб., 1995. - С. 20-21.
2. Альшиц Н.Д. Начало самодержавия в России. - М.,1988.
3. Андреева И.Н. Антология по истории и теории социальной педагогики. - М., 2000.
4. Андреева И.Н., Буторина Т.С., Васильева З.И. и др. История образования и педагогической мысли за рубежом и в России. - М.,2001.
5. Антология социальной работы в 5 т. - Т.1. / Сост. М.В. Фирсов. - М.,1994.
6. Архиепископ Амвросий (Ключарев). О семейном счастье и христианском воспитании. Духовные поучения. - М.,1997.
7. Ахаян Т.К. и др. История образования в России. (В V частях). - Ч. I. Древнерусская педагогика X - XVII вв. - СПб., 1907.
8. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. - М.,1990.
9. Бехтерев В.М. Вопросы общественного воспитания // Антология педагогической мысли России второй половины XIX - начала XX вв. - М.,1990. - С. 501-504.
10. Бецкой И.И. Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества. // История дошкольной педагогики в России: Хрестоматия / По ред.С.Ф. Егорова. - М.,1986. - С. 36-37.
11. Благословение от благовещенского попа Сильвестра возлюбленному моему единокровному сыну Анфиму // Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV - XVII вв. - М.,1985. - С. 227-229.
12. Буссов К. Московская хроника. - М.-Л.,1961.
13. Всемирная история в 10-ти тт. - Т.3. - М.,1957.
14. Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. - М., 1990.
15. Герье В.И. Опыт городского попечения о бедных // Вестник Европы. - 1896.
16. Герцен А.И. Былое и думы. - Т.3. - М.,1983.
17. Гомер. Одиссея / Пер. В. Жуковского. - И., 1985.
18. Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. - Л.,1990.
19. Державин Г.Р. Записки ... заключающие в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина // Державин Г.Р. Избранная проза. - М.,1984.
20. Диакон Андрей Кураев. Школьное богословие. - М.,1997.
21. Локк Д. Два трактата о правлении // Локк Д. Соч. в 3-х тт. - Т.3. - 1973.
22. Добролюбов Н.А. О значении авторитета в воспитании. - М., 1981. - С. 30-48.

23. Добролюбов Н.А. Русская цивилизация, сочиненная г. Жеребцовым. - М., 1981. - С. 96-105.
24. Домострой / Сост. В.В. Колесов. - М., 1991.
25. Екатерина II. Размышления о Петербурге и Москве // Записки императрицы Екатерины Второй. - М., 1989. - С. 651-653.
26. Житие преподобного отца нашего Феодосия игумена Печерского: Хрестоматия по древней русской литературе. - М., 1958. - С. 52-57.
27. Зимняя И.А. Социальная работа как профессиональная деятельность // Социальная работа. - М., 1992. - С. 8-15.
28. Из “Устава народным училищам Российской империи” // Андреева И.Н., Буторина Т.С., Васильева З.И. и др. История образования и педагогической мысли. – М., 2000 - С. 219 -222.
29. Исторический опыт социальной работы в России / Под ред. Л.В. Бадя. - М., 1994.
30. История социальной работы: учебник /Под ред. В.И. Жукова. – М.: Изд-во РГСУ, 2014.
31. История социальной педагогики. Хрестоматия-учебник / Под ред. М.А. Галагузовой. - М., 2010.
32. Каптерев П.Ф. О религиозных чувствованиях и их воспитании// П.Ф. Каптерев о семейном воспитании. - М., 2000.
33. Каптерев П.Ф. Об общественно-нравственном развитии и воспитании детей // Каптерев П.Ф. Избранные педагогические сочинения. - М., 1982. - С. 232-251.
34. Карамзин Н.М. О древней и новой России. В ее политическом и гражданском отношениях // Алферов А., Грузинский Д. Русская литература XVIII в. –М., 1967. - С. 487-494.
35. Карамзин Н.М. О новом образовании народного просвещения в России // Антология педагогической мысли России первой половины XIX в. - М., 1987. - С. 63-65.
36. Карсавин Л.П. А.С.Хомяков // Карсавин Л.П. Малые сочинения. - СПб., 1904. - С. 361-376.
37. Карташев А.В. Очерки по истории русской Церкви. - Т.1. - М., 1997.
38. Карташев А.В. Очерки по истории Русской Церкви. - Т.2. - М., 1997.
39. Катков М.Н. Собрание передовых статей “Московских ведомостей” за 1873 г. - М., 1897.
40. Кершенштейнер Г. Школа будущего - школа работы: Хрестоматия по истории зарубежной педагогики. - М., 1981. - С. 477-484.
41. Ключевский В.О. Курс русской истории. - М., 1989.
42. Костомаров Н.И. Старый спор. - Смоленск, 1994.

43. Ктиторов С.Н. История Армавира (досоветский период 1839-1818). - Армавир, 2002.
44. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. - М.,1993.
45. Люлье Л.Я. Черкессия. Историко-этнографические статьи. - Киев, 1991.
46. Макарий (Невский), митрополит Московский. Избранные слова, речи, беседы, поучения (1884-1912). - М.,1996.
47. Максимов Е.Д. Начало государственного призрения в России // Трудовая помощь. - 1900. – Т. 1. - С. 40-55.
48. Милосердие / Под ред М.П. Мчедлова. - М., 1998.
49. Медведева Г.П. Сущность социальной работы: социально-философский подход. // СОТИС - 2008 - №3.
50. Мень А. История религии в 7-ми т. – Т 2. - М., 1991.
51. Мысли св. Иоанна Златоуста о бедности и благотворительности // Вестник благотворительности. - 1902. - № 12. - С. 31-34.
52. Мудрик А.В. Социальная педагогика. - М.,2007.
53. Монтескье Ш. О духе законов // Монтескье Ш. Избранные произведения. - М.,1955. - С. 31-605.
54. Наторп П. Социальная педагогика. - СПб.,1911.
55. Начертание вновь заводимого частного училища для воспитания благородных детей. б/а. // Антология педагогической мысли России первой половины XIX в. - М., 1987. - С. 150-151.
56. Новая повесть о Российском царстве // Хрестоматия по древней русской литературе. – М, 1986.- С. 304-312.
57. Ногмов Ш.Б. История Адыгейского народа. - Нальчик, 1994.
58. Опыт организации разбора нищих в провинции // Вестник благотворительности. - 1899. - № 4. - С. 53-60.
59. Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. / Под общ.ред. В.Н. Ратушняка. - Краснодар, 1996.
60. Певнев А.П. Кубанские казаки. - Краснодар, 1995.
61. Педагогическая деятельность о.Иоанна Кронштадского // Опыты православной педагогики. - М., 1988. - С. 95-110.
62. Пестель П.И. Русская правда. - М.,1993.
63. Пестель П.И. Русская правда // Антология педагогической мысли России первой половины XIX в.- М., 1987. - С. 160-162.
64. Пирогов Н.И. Вопросы жизни // Пирогов Н.И. Избранные педагогические сочинения. - М.,1985. - С. 29-58.

65. Писарев Д.И. Реалисты// Писарев Д.И. Избранные педагогические сочинения. - М.,1984. - С. 278-292.
66. Писарев Д.И. Школа и жизнь// Писарев Д.И. Избранные педагогические сочинения. - М.,1984. - С.214-236.
67. Пнин П.И. Опыты о просвещении относительно к России // Антология педагогической мысли России первой половины XIX в.- М., 1987. - С. 75-86.
68. Победоносцев К.П. Народное просвещение // Опыты православной педагогики. – М., 1986. - С.32-38.
69. Повесть временных лет // Хрестоматия по древней русской литературе. - М.,1973. - С.4-30.
70. Попугаев В.В. О просвещении народном и оногo следствиях // Антология педагогической мысли России первой половины XIX в.- М., - 1987. - С. 88-89.
71. Плутарх. Избранные жизнеописания: в 2-х тт. - Т.1. - М.,1987.
72. Проблемы историографии и истории Кубани. - Краснодар, 1994.
73. Протоиерей Александр Мень. История религии: в 7-ми тт. - Т. VI. - М.,1992.
74. Протоиерей Георгий Флоровский. Пути русского богословия. - Киев, 1991.
75. Пушкин А.С. О народном воспитании // Опыты православной педагогики / Сост. Стрижев А., Фомин С. - М.,1993. - С. 10-14.
76. Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Крестцы. // История дошкольной педагогики в России. - СПб.,1911. - С. 60-66.
77. Рескрипт Николая I об основах нового устройства учебных заведений (1827) // Хрестоматия по истории школы и педагогики в России. - М.,1986. - С. 117-118.
78. Руссо Ж.Ж. О политической экономии // Руссо Ж.Ж. Педагогические сочинения. - Т.2. - М.,1981. - С. 79-99.
79. Священник Евгений Шестун / Православная педагогика - Самара, 1998.
80. Словарь античности: Пер. с нем. - М.,1989.
81. Словарь-справочник по социальной работе// Под ред. Е.И. Холостовой. - М.,1997.
82. Сперанский С.В. К истории нищенства в России // Вестник благотворительности. - 1897. - № 4. - С. 43-62.
83. Соколовский М.К. Екатерина Великая как благотворительница // Трудовая помощь. - 1903. – N 8. - С. 24-31.
84. Спирина В. И. Спирина М.Л. Очерки истории социальной работы на Кубани. - Армавир, 2014.
85. Стоглав // Домострой: Сост.В.В. Колесов. - М.,1991. - С.184-208.
86. Стоюнин В.Я. Заметки о русской школе // Стоюнин В.Я. Избранные педагогические сочинения. - М.,1991. - С. 141-198.

87. Тарновский Е. Уголовно-наказуемое нищенство в России // Трудовая помощь. - 1900. - № 2. - С. 113-124.
88. Толковая Библия или комментарий на все книги св. писания Ветхого и Нового Завета. - Т. 8. - СПб., 1911.
89. Трёхбратов, Б. А. История и культура народов Прикубанья с древнейших времён до начала XX века. – Краснодар, 2011.
90. Фирсов М.В. История социальной работы: Учебное пособие для высшей школы. М.: Академический проект: Трикста, 2004.
91. Фирсов М.В. История социальной работы: учебное пособие / М.В. Фирсов. — М. : КНОРУС, 2012 (Для бакалавров).
92. Фирсов М.В., Студенова Е.Г. Теория социальной работы - М.: Изд- во «Юрайт», 2012.
93. Фирсов М.В. Введение в специальность и основы профессиональной этики социального работника. - М., 1993.
94. Федотов Г.П. Святые Древней Руси. - М., 1990.
95. Хан-Гирей С. Записки о Черкессии, сочиненные Хан-Гиреем. - СПб., 1836.
96. Хомяков А.С. Об общественном воспитании в России. М, 1884. - С. 500- 512.
97. Христофорова Н.В. Российские гимназии XVIII - XX вв. - М., 2001.
98. Целорунго Д. Капитан N // Родина. - 1992. - № 6-7. - С.10-11.
99. Цирульников А.М. Из тайных архивов русской школы. - М., 1992.
100. Чернышевский Н.Г. Антропологический принцип в философии // Чернышевский Н.Г. Избранные педагогические сочинения. - М., 1983. - С. 162-205.
101. Шацкий С.Т. Задачи общества “Детский труд и отдых”// Василькова Ю.В., Василькова Т.А. Социальная педагогика. – М., 2005 - С. 198-202.
102. Шацкий С.Т. Что такое клуб? // Василькова Ю.В., Василькова Т.А. Социальная педагогика. – М, 2005. - С. 202-208.
103. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.bibliotekar.ru/brokgauz-efron-u/45.htm>
104. Энциклопедический словарь по истории Кубани. С древнейших времен до октября 1917 года. - Краснодар, 1997.
105. Ульгорн Г. История общественного призрения бедных (пер. с нем.) // Трудовая помощь. - 1903. - № 8. - С. 321-356.

Учебное издание

**ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА СПИРИНА,
МАРИЯ ЛЕОНИДОВНА СПИРИНА**

ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ
Учебно-методическое пособие

Подписано к печати 28.08.2019. Формат бумаги 60x84/16.

Бумага офсетная

Гарнитура шрифта «Times New Roman»

Усл.п.л.10,11. Уч. изд. л. 10,76

Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии ARMStyling.

ИП Калегин Ю.В.

Краснодарский край город Армавир, ул. Розы Люксембург, 215